

ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

Киев
2015

УДК 323.1
С-67

Редакционная коллегия:

д.филос.н., проф. А.В. Белокобыльский;
д.филос.н., проф. Р.А. Додонов;
д.филос.н., проф. В.И. Додонова;
к.филос.н. В.С. Левицкий

С-67 Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций / Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, ООО «Східний видавничий дім». – Киев, 2015. – 324 с.

ISBN 978-966-317-257-6

Сборник содержит статьи, посвященные наиболее острой проблеме современной Европы – вооруженному конфликту на Востоке Украины. В статьях рассматриваются вопросы предпосылок его возникновения, развития, особенностей и последствий.

В сборнике представлен весь спектр взглядов на суть и генезис конфликта.

Главным принципом отбора материала стало его соответствие общенаучному критерию объективности и обоснованности.

Исходя из того, что окончательной научной оценки конфликта на сегодня не дано, настоящей сборник статей следует считать первой попыткой постановки проблемы как предмета будущих исследований.

УДК 323.1

Компьютерная верстка
Дизайн обложки

И. Каплан
В. Гуржи

Ответственность за содержание материалов несут их авторы.

© УКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЙ
ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И АДАПТАЦИИ, 2015
© АВТОРЫ СТАТЕЙ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

Александр Сытин. ЕВРОПЕЙСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕГРАЦИЙ	8
Игорь Пасько. ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ: GEMEISCHAFT UND GESELSCHAFT	33
Михаил Черенков. ВЫЗОВ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЕ И ДУХОВНО- КОНФЕССИОНАЛЬНОМУ ПЛЮРАЛИЗМУ УКРАИНЫ: ИДЕОЛОГИЯ И ЭКСТРЕМИЗМ «РУССКОГО МИРА»	50
Владимир Гуржи. ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ДОКТРИНЫ «РУССКИЙ МИР» В УКРАИНЕ	63
Тарас Мошовский. УКРАИНА: РОЖДЕНИЕ ИЛИ ПРОБУЖДЕНИЕ СУБЪЕКТА ИСТОРИИ	79
Руслан Халиков. ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В СИТУАЦИЯХ ВОКРУГ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» И САМОПРОВОЗГЛАШЁННЫХ РЕСПУБЛИК ДОНБАССА	98

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ТИПОЛОГИЯ,
ОСОБЕННОСТИ, ПУТИ ДЕЭСКАЛАЦИИ**

- Йосси Бейлин, Лиат Кравчук.**
ПОСТРОЕНИЕ ДОРОЖНОЙ КАРТЫ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ
КОНФЛИКТА И ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ 112
- Олег Кирницкий.**
ВИРТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ ВОЙНЫ XXI ВЕКА 129
- Владимир Фадеев.**
СЕТИ, ТРЕНИЯ И МАШИНЫ ВОЙНЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ ОБ УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ 143
- Андрей Суздальцев.**
РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 156
- Виктор Левицкий.**
ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
КАК СЛЕДСТВИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В УКРАИНЕ
(ЧТО ПРОИСХОДИТ?) 177
- Владимир Глазунов.**
ГИБРИДНАЯ ВОЙНА В УКРАИНЕ:
ОЛИГАРХИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 191
- Марина Колинько.**
ПЕРСПЕКТИВА ПАДЕНИЯ ЗА ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ 210
- Владимир Скворец.**
ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ВНУТРИЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОНФЛИКТА В УКРАИНЕ 225
- Роман Додонов.**
ПРОЦЕСС ЗАМИРЕНИЯ В УКРАИНЕ:
ПРИДНЕСТРОВСКИЙ И ЧЕЧЕНСКИЙ ВАРИАНТЫ 240

**БЫТИЕ НА ГРАНИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ
ВОСТОЧНОУКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА**

Александр Белокобыльский.

ЗАЛОЖНИКИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО РАЗУМА,
ИЛИ ПОЧЕМУ ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
СТАЛ ВОЗМОЖЕН 257

Ксения Гуржи.

НЕЛИНЕЙНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОЯВЛЕНИЯ
КОНФЛИКТОГЕННЫХ ФАКТОРОВ
В ЛОКАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: ОСОБЕННОСТИ
ГОРОДСКОГО РЕГИОНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ 273

Вера Додонова.

КОНСЕРВАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АБЕРРАЦИЯ ДОНБАССА 284

Ирина Курило, Светлана Аксенова, Людмила Слюсар.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТЯХ
В КОНТЕКСТЕ ФАКТОРОВ И ПОСЛЕДСТВИЙ
ВОСТОЧНОУКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА 298

Игорь Грозный, Роман Прокопенко.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО
РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА 311

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник научных работ является результатом усилий многих людей. Он входит в свет по инициативе Украинского института стратегий глобального развития и адаптации. Научные статьи на страницах издания объединены драматической темой конфликта, продолжающегося сегодня на территории восточной Украины. Это одна из первых попыток посмотреть на то, что происходит, через призму, в первую очередь, философской методологии, то есть сделать это как можно честнее и бескомпромисснее, отбросив собственные предпочтения и страхи – отстраненно, с помощью категориального анализа, как будто это происходит не с нами, но одновременно с пониманием экзистенциальной неотвратимости того, что происходит. Именно поэтому в сборник включены исследования, репрезентирующие иногда крайние позиции в интерпретации генезиса, природы, даже логики развития восточноукраинского конфликта: понимая степень общественной напряженности и осознавая ответственность гуманитариев за сферу теоретического мышления, мы пытались создать едва ли не последнюю площадку, где люди с разными убеждениями могли бы услышать и при этом не отвернуться один от другого. Увидеть возможность диалога, понять логику того, что происходит, наконец, сформировать образ общественного состояния, к которому нужно стремиться – важный шаг на пути выхода из кризиса.

Среди инициаторов сборника и его авторов – люди, которые не со слухов знают о войне на Донбассе, для которых необходимость разобраться в событиях можно отнести к разряду экзистенциальных задач. Однако, не только для отдельных людей, но и для Украины, России, Европы в целом военная катастрофа 2014 года стала Вызовом, ответ на который окончательно непонятен.

Наиболее точно можно охарактеризовать это издание как некое гуманитарное, в самом широком смысле, моделирование: категориальное – ради создания и обработки обоснованных форм для строгой, последовательной тематизации конфликта в мышлении; историческое – для понимания истоков кризиса и выстраивания путей его преодоления; (гео-)политическое – без которого невозможно увидеть масштаб того, что происходит, и противостоять всем возможным последствиям; экзистенциальное – чтобы каждый мог почувствовать особенности граничного бытия и смысл поступков, обусловленных такой граничностью.

Разнообразие авторских методов и позиций ограничивалось, наверное, лишь одним соображением. Редколлегия сознательно не допускала к печати материалы, содержащие оскорбительные вещи. Не острые по своей правдивости, не рискованные с точки зрения предложенных реконструкций, а именно осознанно оскорбительные, позволяющие в условиях нехватки аргументов «опереться» на унижение оппонента. Считаю, что сохранение собственного достоинства, в том числе и благодаря воздержанию от унижения другого, ещё может вывести нас из кризиса.

Статьи в сборнике сгруппированы в три тематических блока. В соответствии с общим замыслом, издание открывается анализом восточноукраинского конфликта как геополитического столкновения, затем представлены исследования природы и этапов развёртывания событий на Донбассе. Примечательно, что едва ли не каждый раз логика изложения материала заставляла авторов выходить за рамки собственно военного противостояния и делать более глубокие исторические экскурсы. Наконец, третий раздел репрезентирует рассуждения и аналитику относительно специфики культурной ситуации в эпицентре конфликта, как бы этот центр ни понимать: топологически, – как определенную территорию или экзистенциально – как центр мышления и ощущения бытия. Естественно, что все статьи отражают убеждения их авторов, мы лишь пытались сделать так, чтобы каждая отдельная мысль была или обоснована размышлениями, или опиралась на определенные источники.

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ
СИТУАЦИИ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ**

УДК 1-61.1:327.3

Александр СЫТИН

доктор исторических наук,

*Руководитель Центра независимых политических экспертиз стран
Северной, Центральной и Восточной Европы*

**ЕВРОПЕЙСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ:
СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕГРАЦИЙ**

В статье автор сравнивает два альтернативных проекта интеграции, в которых с разной степенью интенсивности участвовала Россия в течение постсоветского периода. На материале значительно количества источников показаны основные вехи проекта евроинтеграции России, вплоть до сворачивания данного проекта в результате конфликта РФ и западных партнёров. Вместе с тем проанализирован проект евразийской интеграции, который также потерпел неудачу в результате неэффективной политики Кремля по отношению к Украине и другим партнёрам.

Ключевые слова: *Евразийский союз, Европейский союз, интеграция, политика, кризис, конфликт, партнёрство.*

В настоящее время мы являемся свидетелями и современниками глубокого внешнеполитического кризиса, который переживает Россия в части как взаимоотношений с Евросоюзом, так и со странами постсоветского пространства, получившими в российском политическом языке наименование «ближнего зарубежья». Происходит лобовое столкновение проектов европейской и евразийской интеграции, основой которого стали драматические события на Украине. Исход столкновения в значительной степени определит будущую картину

8

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

мира и соотношение полюсов силы в глобализирующемся геополитическом пространстве Евразии. В еще большей степени от его результатов будет зависеть судьба постсоветского пространства и место в нем России.

Евросоюз – не только динамично развивающаяся система. Это глобальный центр силы, наряду с США и Японией¹. Любое образование, претендующее на глобальный характер, имеет тенденцию к расширению. Последнее ограничено лишь непреодолимыми для своей эпохи естественными преградами и необходимостью считаться с интересами соседей – других развивающихся или потенциально образующихся систем. Евросоюз, изначально складывавшийся как объединение локальных рынков отдельных европейских стран в единый рынок со свободой перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, достаточно быстро превратился в геополитический проект. Сегодня Евросоюз можно назвать одним из трех столпов глобальной рыночной экономики. Только ЕС удалось сформировать наднациональные институты и право, Парламент, Центральный банк, Палату аудиторов, Суд, Совет министров, Конституцию, общий бюджет и валюту. В начале XXI в. Евросоюз определяет лицо целой части света, а евроинтеграция стала мощным стимулом экономического роста, ускорителем научно-технического прогресса, заметно повысив конкурентоспособность стран-членов на мировых рынках [1, 5].

Сказанное не означает, что Евросоюз не испытывает трудностей. Среди таковых, в первую очередь, следует отметить неравномерность уровня экономического развития различных стран и региональных групп стран. Очевидно, что уровень стран балканского региона существенно отстает от своих североамериканских коллег по Союзу. В рамках Евросоюза имеет место регионализация. Помимо уже названного балканского, можно назвать восточнобалтийский, скандинавский, центральноамериканский (страны вышеградской группы) регионы. Регионализация выступает пока лишь как тенденция, но в будущем она будет набирать силу и определять ситуацию в Союзе в целом.

1 Можно говорить о БРИКС как организующем центре силы и влияния в мире, однако, пока эти страны очень мало что объединяет, их организационная структура остается рыхлой, и в качестве мирового полюса БРИКС делает лишь первые шаги.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

Евросоюз вынужден параллельно решать ряд очень непростых задач. Становление внутренней структуры, преодоление неизбежных противоречий, выравнивание уровня экономического развития различных входящих в его состав стран, «настройка» соотношения государственного суверенитета стран-членов и полномочий центральных наднациональных органов – вот основные внутренние задачи Союза. Необходимо также регулировать вопросы взаимоотношений с соседями – странами Южного и Восточного Средиземноморья и постсоветского пространства.

Эти взаимоотношения представляют для ЕС большую сложность, чем отношения с южными соседями. Главные вызовы с их стороны – миграционные потоки и угроза исламского терроризма, по крайней мере, отчетливо очерчены и требуют для своего решения, главным образом, наличия политической воли. Постсоветское же пространство словно фатально заманивает европейскую интеграцию в свои глубины. Бюрократия Евросоюза сталкивается с вопросом: где «геркулесовы столбы» расширения, где следует положить ему предел – у восточных границ сегодняшнего ЕС? перед Уралом? на берегу Тихого океана? Пространство и отсутствие жестких непреодолимых этнических, культурных, цивилизационных, даже конфессиональных (на постсоветском пространстве ислам, во всяком случае пока, не столь радикален, как, например, в арабских странах) преград делает решение этой задачи весьма затруднительным. В европейской интеграции прослеживается диалектическое единство, с одной стороны, все более полного объединения национальных хозяйств в единую региональную хозяйственную систему, с другой – практически бесконечного расширения зоны интеграции [2, 11-42].

Первоначальная концепция ЕС (до расширения 2004 г.) основывалась на сотрудничестве с Россией. В середине 90-х годов XX в. были заложены основы нормативной базы взаимоотношений ЕС и России. Эта нормативная база расширялась и совершенствовалась в первой половине 2000-х. Достигнутые тогда соглашения в значительной своей части продолжают действовать до сих пор, хотя уже не отвечают сложившимся политическим реалиям. На волне эйфории после окончания холодной войны обе стороны не исключали возможности взаимной ин-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

теграции, рассматривая ее, правда, как весьма отдаленную перспективу. Европейский Союз проявлял заметную заинтересованность в добрососедстве на своих восточных рубежах [см. 3, 30]. Восточная политика ЕС включала Восточную Европу, РФ, Закавказье и Восточное Средиземноморье. Тогда появился ряд двусторонних соглашений под общим названием Соглашений о партнерстве и сотрудничестве (СПС). В 1994 году они были подписаны с Украиной, Азербайджаном и Молдавией, а в 1996-м – с Грузией и Арменией.

С Россией такое соглашение было подписано в 1994 г. и ратифицировано ГД РФ в 1997 г. Спустя 5 лет цели партнерства были конкретизированы. Согласно Коллективной стратегии, принятой Европейским Советом в Кельне в 1999 г., СПС предусматривало достижение ряда весьма позитивных целей². Стратегия России в отношении ЕС, рассчитанная до 2010 г., нацеливала на «строительство единой Европы без разделительных линий, а также взаимосвязанное и сбалансированное укрепление позиций России и ЕС в международном сообществе XXI в.» [5]. Первоначальные цели ЕС в отношении России определялись как глубокая внутренняя трансформация последней на основе постепенного восприятия ею комплекса европейских норм и ценностей. Решение этой задачи позволило бы европейским политикам не только получить от соседства с Россией экономические выгоды, но и ответить на ряд серьезных вызовов в сфере безопасности. Консолидация СНГ, прежде всего, экономическая, применение опыта формирования ЕС должны были способствовать возникновению на постсоветском пространстве демократических механизмов и институтов, окончанию противостояния Востока и Запада Европы и возникновению единой зоны свободной торговли и безопасности, предусмотренной Хартией для Новой Европы [6].

Документы той эпохи носят рамочный характер, почти не содержат конкретных условий, сроков реализации и взаимных обязательств. Они больше похожи на декларации о намерениях сторон поддерживать добрососедские отношения и сотрудничать в тех или иных сферах. Дипломатия ЕС строила свои расчеты на использовании веса и влияния

2 Коллективная стратегия ЕС в отношении России. Кельн 3-4 июня 1999. Европейский Совет; см. также Отчеты о реализации Стратегии в Резолюциях Европейского Парламента, напр. [4].

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

России на республики бывшего СССР. В Брюсселе и Вашингтоне рассчитывали на то, что Россия пойдет по пути «демократических преобразований» и поведет, соответственно, за собой остальные страны постсоветского пространства. Россия, со своей стороны, ведя подобные переговоры и заключая соглашения, надеялась исключить или, по крайней мере, заметно отсрочить расширение Евросоюза на Восток. Документы ЕС предусматривали «адаптацию восточных соседей Союза» к системе европейских ценностей и приоритетов. Фактически речь шла о том, чтобы правительства этих стран, в первую очередь Кремль, как минимум согласовывали свою внешнюю и внутреннюю политику с соответствующими структурами Европейского Союза. Механизмом реализации такой «добрососедской политики» выступали ежемесячные консультации Комитета ЕС по политике и безопасности, посвященные международным событиям и вопросам управления кризисами. Их повестка дня включала обсуждение хода реформ в России. Тем самым, политика добрососедства приобретала черты интеграции России в европейское политическое и ценностное пространство. И в Москве, и в столицах постсоветских государств это вызывало противодействие, поскольку государственный суверенитет и прерогативы национального правительства занимают одно из первых мест в системе политических ценностей на постсоветском пространстве. Ни о какой реальной передаче этих прерогатив наднациональным, тем более европейским органам в Кремле не хотели слышать.

Между тем, «добрососедские отношения с ЕС» предусматривали, в том числе, участие Союза в разрешении острых международных проблем, в частности таких, как Молдавия/Приднестровье и Нагорный Карабах, что Россия всегда считала зоной своей исключительной ответственности. Неуступчивость России и ее тактическое сближение с США после 11 сентября 2001 г. заставили европейскую дипломатию сформулировать задачу институционального развития оперативного сотрудничества по вопросам безопасности и урегулирования кризисов [7, 8].

Со времени выступления Р. Проди [см. 8] в 2002 г., политика ЕС определялась Инициативой для новых соседей – New Neighbours Initiative, ориентированной на Молдову, Белоруссию и Украину. Поначалу она включала «контекст участия ЕС в углублении сотрудничества с

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

РФ как ключевым партнером» [9]. Однако с этого времени главная ставка делается уже не на интеграцию всего постсоветского пространства во главе с Россией, а на ее изоляцию в пользу сотрудничества и сближения с Европой постсоветских государств – в первую очередь Украины, Молдавии и Белоруссии. Преобладающей тенденцией становится установление двусторонних отношений ЕС с этими государствами и реализация реформистских и интеграционных программ в рамках двусторонних отношений. Вскоре эта линия станет основной в политике ЕС в отношении постсоветских государств.

Принятая на Петербургском саммите 2003 г. концепция создания четырех «общих пространств» оказалась мертворожденной [10]. В напуганной расширением ЕС и НАТО на восток России начиналась эпоха обратного антиевропейского, антизападнического отсчета. Резолюция Европарламента 2004 г. об охране границ, соблюдении прав человека в Чечне, сотрудничестве в разрешении проблем Южного Кавказа и Приднестровья, укреплении энергодиалога, улучшении социальной ситуации в Калининградском регионе, демаркации границ с Латвией и Эстонией, ответственности России за развитие демократического процесса в Белоруссии, содействии в решении ядерных вопросов (Иран, Северная Корея) стала последним шагом Европы и России навстречу друг другу.

Несмотря на то, что еще в 2005 г. принимались «дорожные карты» по реализации программы четырех общих пространств, в отношениях ЕС и России наступило похолодание, лишь усиливавшееся в течение 10 лет. Москва была недовольна откровенной попыткой ЕС влиять на вопросы внутренней политики и отношений с ближайшими соседями, разочарована 5-м расширением ЕС 2004-2007 гг. Появление в ЕС 12 новых членов, из которых 5 – Латвия, Литва, Польша, Эстония и Румыния весьма недружественно настроены в отношении России, оказало сильное влияние как на внутреннюю структуру Евросоюза, так и на его отношения с Россией. С этого времени его отношения с Россией переходят в стадию скрытого соперничества, чреватого конфронтацией.

Восточноевропейские члены ЕС, в значительной степени опиравшиеся на стратегический союз с США, привнесли в политику Союза русофобский настрой, несвойственный ранее политике «старых» членов ЕС. До 2004-2005 гг. практически не звучала тема ответственно-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

сти Российской Федерации за деятельность советского режима времен СССР. Наоборот, признание Россией факта правопреемственности по отношению к СССР оценивалось скорее позитивно или инструментально-дипломатически. Во-первых, РФ признала и, в конечном счете, расплатилась по международным обязательствам Советского Союза. Во-вторых, европейские дипломаты прекрасно понимали, что такое правопреемство не в последнюю очередь было продиктовано вопросами сохранения зарубежных активов Советского Союза, что воспринималось в политико-дипломатических кругах как нечто совершенно естественное. Теперь же сугубо политические вопросы взаимоотношений сторон перешли в плоскость идеологии и пропаганды: закладывались предпосылки будущей информационной войны. В ход шли старые тезисы – о пакте Молотова-Риббентропа, «оккупации 1940 г», характере советского режима времен Сталина, Катыньское дело, запрет советской символики, пересмотр оценок Второй мировой войны, компенсации за нанесенный ущерб и т.д.

Новые члены ЕС включились в подготовку соседей по СНГ к военному и военно-техническому сотрудничеству с блоком НАТО, действуя через систему двусторонних договоров о сотрудничестве в военно-технической сфере. Такие договоры были подписаны Украиной с Польшей и Латвией, а Грузией – с Литвой. Страны Балтии развернули кампанию по дискредитации России среди населения стран-соседей, целью которой стало обеспечение их полного разрыва с Россией и максимальное удаление от организации СНГ. Помимо «советской оккупации» усиленно муссировались идеи националистических движений за государственную независимость, тема «голодомора», негативных оценок совместного советского прошлого, абсолютизации национальной идентичности в противовес советской и имперской, опровержение тезиса о каких-либо родственных связях между «малороссийской, белорусской и великорусской» народностями.

По несчастливому стечению обстоятельств, эта кампания со стороны «восточного аванпоста ЕС» наложилась по времени на празднование 60-летия Победы в России. После ряда достаточно спокойных лет, когда эта проблематика, казалось, уже перекечевала в архивы и кабинеты профессиональных историков, в Москве вновь было решено сделать Великую

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Отечественную войну основой для патриотической консолидации общества. В итоге очень многие политические вопросы из прагматических превратились в идеолого-пропагандистские. Пропагандистское историческое мифотворчество лишь препятствовало взвешенному диалогу.

Перевод серьезных международных вопросов на рельсы «народной дипломатии», появление такого ремесла политиков, журналистов и экспертов, как создание информационных поводов для враждебности и возбуждения далеко не самых возвышенных душевных качеств электората по обе стороны границы следует признать обоюдным дипломатическим просчетом. Результаты не замедлили сказаться: вопрос о размещении баз НАТО в Прибалтике трансформировался в защиту русских школ, неграждан и русского языка, с одной стороны, и выступления с требованием компенсаций «жертвам сталинских репрессий», запреты исторической символики и снос памятников – с другой. На фоне взаимных обвинений в русофобии и пересмотре итогов Второй мировой войны, с одной стороны, и имперских амбициях и попытках возродить «СССР как империю зла», с другой, Россия и Евросоюз все дальше отходили от изначально заявленной программы добрососедского сотрудничества.

Именно тогда в Кремле рождается концепция «русского мира», «разделенной нации» по армянскому и еврейскому образцам. Однако, следует отметить, что евреи и армяне оказались жертвами геноцида и насилия, а русские, если не брать первую волну эмиграции 1918-1922 гг., либо добровольно покинули родину в поисках лучшей жизни, либо оказались на территории постсоветских государств в результате распада СССР в условиях существенно лучших, чем те, которые существовали в России – страны Балтии, Казахстан, городское население Украины. Однако борьба за их «права», сохранение идентичности, против «притеснения русского языка», стали средством агрессивной информационной, а на Востоке Украины не только информационной, войны против любых попыток выбрать альтернативный евразийству путь интеграции.

Накал взаимного недовольства нарастал. Польша и Литва, чуть в меньшей мере Эстония, провозгласили своей миссией помощь странам постсоветского пространства в избавлении «от социалистического

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

наследия», проведении реформ, демократизации и дистанцировании от России, воспитании новой национальной элиты. Начала целенаправленно формироваться новая «антисоветская» и антироссийская социально-этническая идентичность. Объектами такого воздействия стали Украина, Белоруссия и Молдавия. В результате сформировался образ России как страны, стремящейся к возрождению территориального могущества времен Российской империи, выступающей в то же время оплотом худших черт коммунистического строя. В ноябре 2003 года произошла Революция роз в Грузии, а в конце 2004 г. – Оранжевая революция на Украине. С этого времени политика ЕС в значительной степени стала определяться политическими настроениями его новых членов. Был взят курс на изоляцию России и подготовку серии цветных революций по ее границам. Странам, организовавшим у себя смену режимов, в качестве награды давали надежду на сначала ассоциированное, а затем и реальное членство в Евросоюзе и НАТО.

Пятое расширение стало для Евросоюза серьезным испытанием. В состав интеграционного объединения вошли страны, обладающие существенно более низким экономическим потенциалом, не всегда и не во всем завершившие преобразования в области права и социальной сферы, с высоким процентом бедного и неадаптированного к условиям рыночной экономики западного типа населения. Изменилась расстановка политических сил внутри Союза, резко возросла финансовая нагрузка. В результате обострился вопрос о пределах дальнейшего расширения. Не являясь централизованной и вертикально интегрированной супердержавой, Союз оказался вынужден менять «геометрию Европы» [11]. Это выразилось в формировании субсистем из числа старых членов, формировании квазиинтеграций из числа новых членов и «дожидającychся приема» соседних государств, появлении «неполных членов» (Норвегия, Исландия, Швейцария) [11] и появлении такой категории, как страны, претендующие на вхождение в Союз и принимающие ради этого политические и экономические условия, которые им предъявляют. Именно в отношении этих стран и была выработана Европейская политика соседства (ЕПС), ставшая компромиссом между ожиданиями стран-соседей ЕС и реальными «расширительными» возможностями Союза.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Европейский интеграционный проект обладает значительной привлекательностью, что связано с давним цивилизационным укладом, ясными и четко формулируемыми европейскими ценностями³, высоким уровнем жизни и социального обеспечения в странах «старой Европы». Стремление к вхождению в состав Союза политических элит и европеизированных образованных слоев общества в странах постсоветского пространства достаточно велико. Это находит отчетливое проявление в общественной жизни Украины, Молдавии, ряде государственных структур, прежде всего МИДе Белоруссии и у белорусской оппозиции, в Грузии, в некоторой степени в Азербайджане, в среде городской образованной молодежи Армении. Как ответ на это стремление была сформулирована Европейская политика соседства, поставившая в ряды «соседей» страны, которые в сегодняшних условиях не могут быть приняты в состав ЕС, но составляют резерв его геополитического расширения и антироссийского потенциала.

Основное содержание этой политики по отношению к государствам постсоветского пространства определяется задачами сдерживания России, коллективного противостояния возможности ее доминирования в ареале бывшего СССР. При этом главный акцент делается на выстраивании «особых отношений» со странами СНГ и недопущении формирования регионального союза этих независимых государств под эгидой России. Вместо создания Европы «без разделительных линий» выстраивается новый раздел на европейском и евразийском пространстве между Россией и другими странами СНГ. Эти страны усиленно втягиваются в сферу влияния внешней политики ЕС и США с помощью многообразного инструментария, получившего название мягкой силы.

Российско-грузинский конфликт августа 2008 г. был воспринят в ЕС как агрессия и ущемление территориальной целостности Грузии. В балтийских странах заговорили об имперских амбициях и угрозе Рос-

3 См. ст.2 Договора о Евросоюзе, включая изменения, внесенные Лиссабонским договором: Ценностями, на которых основан Союз, являются уважение человеческого достоинства, свободы, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов, которая характеризуется плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между мужчинами и женщинами.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

сии их суверенитету. Российская же дипломатия допустила существенные просчеты: стратегический состоял в том, что она переоценила значение экономического кризиса 2008-2010 гг. СМИ и заявления экспертов пестрели утверждениями о «последних днях Европейского Союза», крахе европейского интеграционного проекта и т.д. Эти заявления, в конечном счете оказавшиеся голословными и обличившими лишь непрофессионализм и идеологическую ангажированность их авторов, были выдержаны в крайне неблагоприятном для стран ЕС духе.

Тактический просчет состоял в переоценке значения американо-европейских противоречий по вопросу войны в Ираке. Российская дипломатия приняла желаемое за действительное, понадеявшись вбить клин между Европой и США и сыграть на их противоречиях, недооценив степень как политической, так и глобально-экономической транс-атлантической интеграции. В пылу этого заблуждения были упущены из виду процессы, происходившие на Украине и толкнувшие ее в кризис 2014 г. Попытки расколоть Европу на старую и новую – по результатам 5-го расширения ЕС также не дали результата. Евросоюз как структура успешно выдержал как финансово-экономический кризис, так и политические проблемы вокруг отношений с США по поводу иракской войны.

На майском саммите 2009 г. ЕС в Праге была конституирована программа Восточное партнерство, ставшая преемницей ЕПС и нацеленная на сближение с Азербайджаном, Арменией, Грузией, Молдавией, Белоруссией и Украиной. Восточное партнерство исключало Россию из политики соседства. Отныне ЕС полностью концентрировался на отношениях с постсоветскими республиками, делая ставку на их отрыв от России и двусторонние отношения каждой из них с Союзом. Основными операторами этой политики выступили Польша и Литва.

Справедливости ради следует отметить, что на майском саммите 2010 г. в Варшаве Россия была приглашена к участию в программе. При этом предполагалось, что ее субъектом станет Калининградская область. Планировалось также привлечь к участию Норвегию, Канаду, США, Японию и ряд других стран. Россия отклонила это предложение как несовместимое с ее интересами и государственным достоинством, отказавшись включить Калининград в зону действия восточного партнерства. В Москве восприняли эту инициативу как подрыв ее геополитического влияния в

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Восточной Европе и замену его доминированием ЕС. Особое беспокойство вызвала попытка создать альтернативные пути энергоснабжения Восточной и Центральной Европы, дезинтегрировать постсоветское пространство и вывести страны СНГ из-под российского влияния [12]. Постоянный представитель РФ при ЕС В. Чижов заявил, что Россия против того, чтобы страны СНГ ставились перед искусственной дилеммой: либо вперед, в светлое будущее с Евросоюзом, либо назад – с Россией [13]. Отход России от сотрудничества с Европой практически завершился.

Во второй половине 2012 г. родился проект Евразийской интеграции, базирующийся на комплексе нормативных документов Таможенного союза. Основание этой нормативной базе было положено Соглашением о таможенном союзе между Россией и Белоруссией от 6 января 1995 г. Несмотря на то, что его появление сопровождалось заявлениями об отсутствии политической составляющей, чисто экономическом характере, отсутствии потенциала «имперско-советского возрождения» и учете опыта и сочетаемости с европейской интеграцией, очень скоро стало ясно, что эти два проекта воспринимаются как взаимоисключающие [14]. Как «Восточное партнерство», так и Евразийская интеграция объективно не могли оставаться в неополитических рамках. Это понимали и в Москве, и в Брюсселе, и в Варшаве. Два интеграционных проекта оказались на пороге лобового столкновения. Оно не заставило себя ждать при подготовке вильнюсского саммита Восточного партнерства в ноябре 2013 г.

В задачи статьи не входит анализ событий вокруг Вильнюсского саммита ЕС. Они достаточно хорошо известны и у всех еще в памяти. Здесь можно лишь отметить, что режим В. Януковича был поставлен перед очень жестким выбором: либо подписание Вильнюсских предварительных, либо отказ от проекта евроинтеграции, что означало движение Украины в сторону интеграции евразийской. Противостояние двух проектов очень ярко проявилось именно в конце 2013 г., все попытки Виктора Януковича славировать и добиться компромисса разбивались о жесткую политику как Москвы, по сути развязавшей против тогда еще находившейся на перепутье Украины торговую войну, так и Брюсселя, Варшавы и Вильнюса, оказывавших на В. Януковича беспрецедентное давление с целью побудить его подписать соглашение об ассоциации с ЕС. Возможно, подписи В. Янукович в Вильнюсе это соглашение, драматических собы-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

тий удалось бы избежать, скорее всего, они развивались бы в более мягкой форме и их развитие было бы отложено до президентских выборов, но недовольство выплеснулось на улицы – стремление дистанцироваться от России оказалось сильнее, чем в Прибалтике в 1990-1991 гг.

Новое поколение не столько, может быть, рвалось в Европу, о реальной жизни и социально-экономических издержках ассоциации с которой ему вряд ли что-то было доподлинно известно, сколько хотело заявить об украинской государственности как свободной от советского наследия, а значит – вперед в светлое будущее без России! Очевидно, что Майдан не был проплачен – это было стихийное выступление уставших от режима В. Януковича людей, поддержанное структурами типа Правого сектора, которые уже давно существовали на Украине. В ноябре 2013 г. США заказывали на Украине социологический опрос – его результаты никак не предвещали событий, грянувших в феврале 2014-го. Можно только вспомнить российских мемуаристов, писавших о невозможности потрясений в ноябре-декабре 1916 г: ныне исторические процессы протекают быстрее. Украина покинула площадку евразийской интеграции.

Последовавшие затем аннексия Крыма, военный конфликт в Донецкой и Луганской областях, санкционная война, отсутствие поддержки позиции России со стороны Белоруссии и Казахстана фактически ставят крест на проекте евразийской интеграции как проекте политическом, а дальнейшая эскалация санкционной войны делает сомнительным и экономический аспект интеграции. Присоединение Армении и, возможно, в будущем Киргизии к Евразийскому союзу станут последними шагами на пути реализации этого проекта. Очевидно, что это не те масштабы, которые намечались ранее.

Между тем, Евросоюз намечает новые рубежи: Польша, Литва, в определенной мере Румыния склонны к активной русофобской политике на постсоветском пространстве и воодушевлены стратегическим партнерством с США. Главными целями видятся ослабление геополитической позиции России путем отрыва от нее уже не только Украины, но и Белоруссии, Молдавии, кавказских государств, ослабление ее позиций в Центральной Азии, диверсификация поставок энергоносителей в Европу в обход России из района Каспия через страны Центральной Азии, Грузию и Украину. Отдельно, пока исподволь, поднимается вопрос о по-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

степенной интеграции Калининградской области в состав Евросоюза и подъеме уровня ее жизни и развития до среднеевропейского.

Реализация этих планов должна базироваться на поддержке антироссийской оппозиции, обеспечении ее прихода к власти, поддержке евроатлантической ориентации, подготовке к вступлению в НАТО и ЕС [15]. Важная роль отводится деятельности неправительственных организаций, финансируемых польским правительством, ЕС, правительствами стран-членов ЕС, правительством и неправительственными организациями США, отдельными бизнесменами⁴. Польша выступает с идеей создания «энергетического НАТО», полного вытеснения России с европейских энергетических рынков. Страны Восточной Европы, Балтии и Южного Кавказа должны создать собственный «энергетический блок» с Украиной, Литвой, Латвией, Эстонией, Азербайджаном и Грузией против внешнеэнергетической политики РФ [16]. Польша выступает в роли авангарда политики ЕС, призывает к жесткой изоляции России от евроатлантического сообщества, отрыву от нее постсоветских государств, полной дезинтеграции этого пространства как зоны российского влияния и ответственности [17].

Среди инструментов взаимодействия важное место занимает финансовая помощь странам-соседям со стороны ЕС. Экономический кризис 2008-2010 гг. значительно снизил объемы этой помощи и удельный вес программ финансирования в общих программах ЕС на восточном направлении. Однако по мере восстановления финансового могущества и стабильности ЕС следует ожидать роста таких программ. В 2011-2013гг. на реализацию целей Европейской политики соседства было выделено 1,24 млрд. евро в дополнение к ранее выделенным 5,7 миллиардам [18]. До недавнего времени Венгрия поддерживала европейские устремления Украины, выражала готовность делиться с нею опытом подготовки вступления в ЕС и продвигала идею заключения договора о свободной торговле между Украиной и ЕС. На саммите 2008 г. в Бухаресте венгерская делегация активно лоббировала принятие Украины и Грузии в НАТО. Будапешт выступал с инициативой объединить усилия трех стран Балтии и вышеградской четверки в развитии отношений с Белоруссией и Украиной. Ныне ее позиция изменилась, что вызывает критику как в Варшаве, так и в Брюсселе.

4 Типичный пример – Фонд Стефана Батория.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

Румыния в своей внешней политике активно поддерживает американские позиции на Востоке Европы. Фактически, ей отводится роль плацдарма для размещения военных баз. В этом качестве Бухарест следует указаниям Брюсселя и Вашингтона. Основными направлениями румынской политики выступают отношения с Молдавией, которую она считает частью собственной отторгнутой у нее территории, и с государствами Черноморско-Каспийского региона, в которых она видит источник энергоресурсов. В этой сфере интересы Румынии концентрируются вокруг нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Важнейший энергетический проект Румынии – участие в строительстве нефтепровода РЕОР – между румынской Констанцей и Триестом, по которому в Европу должна пойти каспийская (азербайджанская) нефть.

Сегодня очевидно, что аннексия Крыма, санкционная война и прямая или завуалированная агрессия в ДНР/ЛНР консолидировала не только «патриотически настроенный электорат» РФ, но и значительную часть ЕС, несмотря на убытки европейской экономики от введенных Россией в рамках политики импортозамещения контрсанкций. Евросоюз настойчиво продолжает политику двусторонних взаимоотношений с каждой из стран в отдельности, заключает с ними, пусть порой однотипные, но отдельные договоры, тщательно избегая признания какой-либо общности в отношении государств СНГ. Особенно это заметно в отношениях Евросоюза со странами Таможенного союза, составляющими основу проекта евразийской интеграции.

Белоруссия представляет для ЕС интерес в чисто геостратегическом плане. С политической точки зрения интересам западных политиков соответствовало бы независимое демократическое государство на восточной границе блока. Однако в целом политика ЕС в отношении Белоруссии носит достаточно противоречивый характер. Сложившиеся в республике экономические реалии устраивают обе стороны – и Россию, и ЕС. Транзит и поставки удобрений, что весьма важно для Германии, Польши и балтийских государств, в первую очередь Литвы, осуществляются успешно. Что же касается экономических реформ, то любое вмешательство в структуру белорусской экономики, в первую очередь приватизация и структурные реформы по европейскому образцу, наподобие проведенных странами Балтии, грозят многомиллионной

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

безработицей, социальными потрясениями, падением уровня жизни и неконтролируемыми миграционными потоками. Инвестировать же в обновление в значительной части изношенных и устаревших основных фондов Европа не готова. В этих условиях наиболее желательным сценарием для ЕС представляется плавное постепенное вовлечение Белоруссии в процесс европейской интеграции с использованием всего комплекса наработанного инструментария, помогает которому политика многовекторности, проводимая А. Лукашенко.

Транзитное значение Белоруссии в условиях украинского кризиса значительно возрастает. Даже после ввода в эксплуатацию Северного потока ее роль как транзитера газа достаточно велика, а по нефти она пока сохраняет ведущие позиции. Газовые конфликты с Россией в течение зимних сезонов 2006-2007 гг. подтолкнули развитие политики многовекторности. Белоруссия пошла на создание с Украиной Межправительственной комиссии по вопросам торгово-экономического сотрудничества, в рамках которой была создана рабочая группа по сотрудничеству в энергетической сфере. Тогда Белоруссия зафиксировала свое позитивное отношение к строительству нефтепровода Одесса – Броды – Плоцк – Гданьск в обход России и выразила готовность инвестировать в строительство перемычки от местечка Броды до врезки в белорусский участок нефтепровода «Дружба», заявив о готовности включиться в многостороннее энергетическое сотрудничество с Европой, в том числе и в области атомной энергетики.

Российско-белорусские, чуть в меньшей степени российско-казахстанские отношения последних месяцев отчетливо демонстрируют провал политики евразийской интеграции. РФ в буквальном смысле бравировует пренебрежением не просто к суверенитету, а к самой государственности своих партнеров по Союзу. Основанием подобной позиции стал пример передачи странами-членами ЕС ряда суверенных функций надгосударственным органам Евросоюза. В случае ЕАС Кремль видит себя главой федерализированного союза государств, которому тоже будет передан ряд полномочий – да вот беда! Ни Белоруссия, ни Казахстан к такой роли отнюдь не готовы. Для Белоруссии ни о какой федерализации в рамках Евразийского союза не может идти речи. Проект евразийской интеграции приемлем для Белоруссии лишь постольку,

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

поскольку она сохраняет свой суверенитет и возможность осуществления «многовекторной» политики. В этом позиция Белоруссии сходна с позицией Казахстана. Сохранение «многовекторности» означает, прежде всего, добрососедские отношения с Украиной на основе ее территориально-государственной целостности и признания киевского правительства. Кроме того, Белоруссия считает Россию страной утвердившегося государственно-олигархического топливно-монополистического капитализма и на этой основе полностью исключает переход прав собственности на белорусские компании и предприятия в руки «российских олигархов», какими бы интеграционными и инвестиционными проектами этот процесс ни оправдывался. Многовекторность включает также неучастие в санкционной войне Евросоюза и США с Россией. Белоруссия не поддержит никаких политических и экономических мер, которые бы нанесли ущерб ее транзиту и торговле со странами ЕС, в первую очередь с Литвой и Латвией, через порты которых идет основной поток белорусского экспорта в Европу – удобрения и продукты нефтехимии. Действия РФ конца ноября-начала декабря 2014 г. по ограничению продовольственного импорта Минск воспринял как торговую войну. На момент написания статьи стороны так и не смогли урегулировать конфликт, несмотря на участие представителей евразийской экономической комиссии, которая лишь продемонстрировала свою неэффективность [19].

Белоруссия претендует на роль наследника СССР. Эта роль состоит в сохранении социального наследия в противовес олигархическому капитализму, а также в сохранении и приумножении промышленного потенциала. Минск убежден, что события на Украине и ухудшение украино-российских отношений закрепят за Белоруссией роль промышленной мастерской и даже промышленного центра постсоветского пространства. Белоруссия рассчитывает «перетянуть» на себя крупные, в первую очередь оборонные заказы. С этой точки зрения любое ухудшение российско-украинских отношений ей однозначно выгодно.

Основной смысл и позитивные для себя стороны евразийской интеграции Белоруссия видит в приобретении именно этого статуса промышленного наследника СССР, в закреплении за собой рынка рос-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

сийских оборонных заказов и в целом рынка тяжелого и, возможно, среднего машиностроения, согласно классификации советского периода. От России она ожидает свободы энергетического рынка, то есть безналоговых льготных поставок энергоносителей из России для выполнения и расширения указанной функции. Белорусское руководство было весьма сильно разочаровано заявлением со стороны России о том, что образование общего российско-белорусского энергетического рынка возможно не ранее 2025 г. В этом решении Минск видит проявление лоббистского влияния олигархических энергетических групп, не заинтересованных в снижении доходов, в том числе от экспорта энергоносителей. Иными словами, Белоруссия видит в лице России рынок сбыта для продукции своей тяжелой и отчасти легкой промышленности, источник энергетического сырья и возможное приложение своего потенциала в российском сельскохозяйственном производстве, выразившееся в словах А. Лукашенко: «В России много заброшенных земель? – Распашем!»

Лидеры русофильского сообщества Белоруссии, поддерживаемые Кремлем, весьма неоднозначно относятся к суверенному белорусскому проекту, часто скатываются на позиции отрицания права белорусской нации на самоопределение, скептически относятся к белорусскому языку, культуре, официальной версии белорусской истории. Они критически воспринимают действия белорусской власти по развитию суверенного государственного строительства, некоторые находятся в прямой оппозиции к руководству страны. Стремление представить современную РБ как “failed state” с неэффективной экономикой и авторитарным управлением, обязанной всеми своими достижениями «дотациям из РФ» объединяет русофильские инициативы с дискурсом титульной белорусской политической оппозиции прозападной ориентации. Тем самым, можно констатировать, что в случае с Белоруссией РФ наступает на те же грабли, что и при подготовке Украины к Вильнюсскому саммиту ноября 2013 г. В результате будет похоронен не только проект Евразийской интеграции, но и взаимоотношения двух пока еще братских республик, что прокремлевские эксперты-политологи традиционно спишут на «гегемонистские происки США и следующего в фарватере их политики Евросоюза».

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

Досрочное в 2014 г. послание Н. Назарбаева народу Казахстана продемонстрировало понимание казахским руководством того факта, что в ближайшее время будет происходить не только ухудшение экономической конъюнктуры, но и смена ключевого геополитического партнера с Москвы на Пекин. Ранее продвигавший евразийство на постсоветском пространстве, осторожный и мудрый казахстанский лидер, судя по всему, окончательно осознал его бесперспективность [20].

Говоря о Центральной Азии, сегодня можно констатировать, что Россия проигрывает борьбу за контрольный пакет влияния в регионе Китаю [21]. Вновь российская дипломатия делает ставку в игре на противоречия между США и Китаем, подобно тому, как в период войны в Ираке делала ставку на противоречия США и ЕС. И вновь эта ставка обречена: у Китая, конечно, имеются противоречия с США, но из них отнюдь не следует, что он будет действовать в союзе с Россией. Поднебесной реально есть, что предложить центральноазиатским странам, в отличие от той же России.

Эскалация и масштабы украинского кризиса, новые витки санкционной войны сделали практически невозможным позитивное сотрудничество между проектами евразийской и европейской интеграции. При достаточно скором взаимоприемлемом, в том числе для Киева, Брюсселя и Вашингтона, решении вопроса о статусе ДНР/ЛНР и вменяемой внешнеполитической позиции Москвы, пока еще возможно постепенное возобновление диалога между Россией как отдельным субъектом международных отношений и ЕС. Однако каковы будут в новой конфигурации условия возобновления этого диалога, сейчас предсказать трудно. Россия упустила ряд возможностей для продолжения и развития конструктивных отношений с ЕС. Эскалация национального самосознания в связи с аннексией Крыма под лозунгом «надо подниматься с колен, никаких уступок Западу!», «Зато крымнаш!» привела к тому, что на возобновление такого диалога может понадобиться огромное количество времени и усилий.

Украинский кризис в сочетании с упомянутым «национальным подъемом» повлек за собой системный кризис евразийского проекта. Прежде всего это связано с нежеланием Кремля согласовывать свою внешне-

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

политическую линию с партнерами по союзу и его пренебрежением их государственностью и суверенитетом, что грозит в конечном счете полной дезинтеграцией постсоветского пространства и потерей Россией роли не только глобального, но даже крупного регионального игрока мировой политики. Украина, как минимум на ближайшие десятилетия, потеряна для России и евразийской интеграции. Понесенные жертвы, аннексия Крыма и накал русофобских настроений обусловят ее однозначно прозападный выбор. В сложившихся условиях претензии России на роль глобального мирового центра силы, наряду или в противовес США, ЕС и Китаю, выглядят не особенно впечатляюще. Не дотягивая даже до 3% мирового ВВП, обладая экономикой, полностью зависимой от ситуации на зарубежных финансовых, энергетических, технологических и продовольственных рынках, максимум, на что может претендовать РФ, благодаря ядерному потенциалу – это роль регионального лидера, согласовывающего свои действия в рамках существующего мирового порядка. Попытка нарушить этот порядок, обладая потенциалом, подобным российскому, чревата геополитической катастрофой «вселенского масштаба», по сравнению с которой распад СССР окажется лишь историческим эпизодом.

В отличие от Евразийского, проект евроинтеграции, несмотря на издержки для стран с невысоким уровнем экономического развития, сохраняет свою высокую привлекательность по крайней мере для политических элит и образованных городских слоев населения. Точка зрения остальных едва ли принимается во внимание. Следует понимать, что у России нет постоянных и верных союзников ни на постсоветском пространстве, ни в Европе. Многовекторность политики Белоруссии и Казахстана достаточно хорошо это доказывает. Рассчитывать всерьез на то, что Армения или Кыргызстан займут принципиально иную позицию, вряд ли обоснованно. В Европе же, некоторые проявления симпатии со стороны крайне правых и левых сил политического спектра к России и политике В. Путина носят, в значительной степени, протестно-эпатажный характер. Маргинальность политических слоев, отдающих дань этим настроениям, не позволяет надеяться на перемены в политическом курсе Европы в обозримом будущем.

Сегодня Евросоюз обладает гораздо большим интеграционным потенциалом, чем проект евразийской интеграции. Достаточно заметить, что в Евросоюзе на сегодняшний день 27 членов, и принято реше-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

ние о вступлении Хорватии. Ряд стран – Турция, Украина, Молдавия, Грузия – стремятся к вступлению в Союз. Вероятнее всего, в перспективе ближайшего десятилетия расширение ЕС, а значит реализация евроинтеграционного проекта, продолжится.

Важным элементом лидерского потенциала ЕС является его культурное и культурно-политическое влияние, масштабы которого фактически сохраняют общемировой характер. Понятие «европейские ценности» стало довольно широким. Они формируют политическую культуру ряда неевропейских регионов – от Восточной Азии до Африки и Латинской Америки. Россия же, с нынешним набором «традиционных ценностей», крайне непривлекательной политической системой и экономической ситуацией не может продемонстрировать и предложить ничего подобного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шемятенков В. Г. Европейская интеграция. – М.: Международные отношения, 2003. – 400 с.
2. Борко Ю. А. Расширение и углубление интеграции // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. – М.: Деловая литература, 2006. – 568 с.
3. Кутафин О. Е. К читателю / О. Е. Кутафин // Право Европейского Союза / Под ред. С. Ю. Кашкина. – М.: Юрайт, 2011. – 647 с.
4. Резолюция Европейского Парламента о реализации Коллективной стратегии Европейского Союза в отношении РФ 14.12.2000 // Современная Европа. – 2001. – №2. – С.104-113.
5. Стратегия отношений РФ и ЕС на среднесрочную перспективу (2000-2010 гг) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.delrus.cec.eu.int/ru/p_320htm.
6. Парижская хартия для Новой Европы. Париж 21.11.1990 / Итоговый документ совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/abro/10560>.
7. Данилов Д. А. Россия – ЕС: на пути к к общему пространству безопасности или на перепутье? / Д. Данилов // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2004. – № 12. – С. 7-12.
8. Prodi R. A Wider Europe – a Proximity Policy as the key to stability:

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Speech at the Sixth ECSA World Conference. Brussels 5-6 dec. 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.europa.eu/jnt/comm/commissioneres/prodi/speeches/index_en.htm.

9. News from the General Affairs and External Relations Council [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.europa.eu/jnt/comm.htm>.

10. Саммит Россия – ЕС / Вестник Европы. – 2003. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/summros.html>.

11. Глинкина С. П. Европейская политика соседства в странах СНГ: новые тенденции и вызовы для России / Глинкина С., Косикова Л. // Аналитические записки. Приложение к журналу «Международная жизнь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://analyticsmz.ru/?p=309>.

12. Сергунин А. А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе / А. Сергунин // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.euroeastcp.eu/assets/files/Publications/EU%20Host%20Nation%20Support%20Guidelines_RUS.pdf.

13. Чижов В. А. Южный поток надо сделать приоритетным проектом ЕС / Владимир Чижов // НГ Дипкуррьер. – 2009. – 18 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2009-05-18/9_chizhov.html?mright=0.

14. Стрежнева М. Евразийская интеграция в контексте партнерства Россия-ЕС / Европа / Стрежнева М. // Аналитика. – 2013. – 15 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1546#top.

15. Non-paper with Polish proposals concerning policy towards new Eastern neighbors after EU enlargement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.msz.gov.pl/>.

16. Шадурский В. Г. Восточная политика Польши от «Восточного измерения» к «Восточному партнерству» / Шадурский В. Г., Редко А. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/19970>.

17. Бухарин Н. Восточная политика новых членов ЕС / Н. Бухарин, Е. Фурман, С. Болотов, Н. Фейт // Аналитические записки. Приложение к журналу Международная жизнь [Электронный ресурс]. – Режим

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

доступа: <http://analyticizmz.ru/?p=577>.

18. Новая европейская политика соседства / Европейский бюллетень. – Июль 2011. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/documents/more_info/eurobulletin_05.pdf.

19. Переговоры Россельхознадзора и Минсельхозпрода Белоруссии зашли в тупик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meatinfo.ru/news/peregovori-rosselkhoznadzora-i-minselhozproda-belorussii-ashli-v-tupik-336753>.

20. Назарбаев досрочно обратился с посланием к народу Казахстана – объявил о начале реализации «Светлого пути» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/11nov2014/nazarbaev.html>.

21. Обращение Н.Назарбаева к казахстанскому народу является успешным сочетанием нынешних реалий и стратегических перспектив – Чжан Дэгуан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inform.kz/kaz/article/2242241>.

У статті автор порівнює два альтернативних проекти інтеграції, в яких з різним ступенем інтенсивності брала участь Росія протягом пострадянського періоду. На матеріалі значної кількості джерел продемонстровані основні віхи проекту євроінтеграції Росії, аж до згорання цього проекту внаслідок конфлікту РФ і західних партнерів. Разом із тим, проаналізований проект євразійської інтеграції, що також зазнала поразки через невдалу політику Кремля щодо України та інших партнерів.

Ключові слова: *Євразійський союз, Європейський союз, інтеграція, політика, криза, конфлікт, партнерство.*

In the article author compares two alternative integration projects, in which Russia was involved with a different degree of intensity during the post-Soviet period. Based on the material of a significant number of sources, author shows the main milestones of the project of European integration of Russia until its collapse because of the conflict between Russia and Western partners. The project of Eurasian integration is also analyzed in the paper, and its hopelessness because of the failure of the Kremlin's policy towards Ukraine and other partners. It is demonstrated in the article, that project of Eurasian integration

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

and creating of Eurasian Union is the attempt of Russian Federation to build the international association with Russia in the role of main and active partner and Kremlin as a political center. This politics of Russia is one of the main reasons of closing the project of Eurasian integration.

Keywords: *crisis, conflict, Eurasian Union, European Union, integration, partnership, politics.*

REFERENCES

1. Shemiatenkov V. G. (2003), European integration, International relations, Moscow, 400 p. (rus).
2. Borko Yu. A. (2006), The widening and deepening of integration, in O. V. Butorina, Yu. A. Borko (Ed.), The widening of European Union and Russia, Busines literature, Moscow, 568 p. (rus).
3. Kutafin O. E. (2011), To reader, in S. Yu. Kashkin (Ed.) European Union`s Law, Yurajt, Moscow, 647 p. (rus).
4. European Parliament resolution on the implementation of the European Union's common strategy on the Russian Federation (2001), Modern Europe, №2, pp.104-113. (rus).
5. Medium-Term Strategy for the Development of Relations between the Russian Federation and the EU (2000-2010), available at: http://www.delrus.cec.eu.int/ru/p_320.htm. (rus).
6. Charter of Paris for a New Europe, available at: <http://www.lawmix.ru/abro/10560>. (rus).
7. Danilov D. A. Russia – EU: on the path to a common security space or at a crossroads? (2004), European security: events, estimates, forecasts, № 12, pp. 7-12. (rus).
8. Prodi R. A Wider Europe – a Proximity Policy as the key to stability: Speech at the Sixth ECSA World Conference. Brussels 5-6 dec. 2002, available at: http://www.europa.eu/jnt/comm/commissioneres/prodi/speeches/index_en.htm.
9. News from the General Affaires and External Relations Council, available at: <http://www.europa.eu/jnt/comm.htm>.
10. Summit Russia – EU (2003), Herald of Europe, № 9, available at: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/summros.html>. (rus.).
11. Glinkina S., Kosikova L., European neighborhood politics in CIS

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

countries: new trends and challenges for Russia, Analytical notes, available at: <http://analyticismz.ru/?p=309>. (rus.).

12. Sergunin A. A. Eastern Partnership: A challenge for Russian Diplomacy in the Eastern Europe (2010), Herald of Вестник Voronezh state university, № 1, available at: http://www.euroeastcp.eu/assets/files/Publications/EU%20Host%20Nation%20Support%20Guidelines_RUS.pdf. (rus.).

13. Chizhov V. A. South stream should make a priority project for the EU (2009), NG Dipcourier, May 18, available at: http://www.ng.ru/courier/2009-05-18/9_chizhov.html?mright=0. (rus.).

14. Sterzhneva M. Eurasian integration in the context of Russia-EU partnership (2013), Europe, March 15, available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1546#top. (rus.).

15. Non-paper with Polish proposals concerning policy towards new Eastern neighbors after EU enlargement, available at: <http://www.msz.gov.pl/>.

16. Shadurskiy V. G., Redko A. V. Eastern Politics of Poland from Eastern dimension to Eastern Partnership, available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/19970>. (rus.)

17. Bukharin N., Furman E., Bolotov S., Feyt N. Eastern Politics of new members of EU, Analytical notes, available at: <http://analyticismz.ru/?p=577>. (rus.)

18. New European neighborhood politics (2011), European bulletin, № 5 (July), available at: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/documents/more_info/eurobulletin_05.pdf. (rus.)

19. The negotiations between the Rosselkhoznadzor and the Ministry of Belarus stalled, available at: <http://meatinfo.ru/news/peregovori-rosselkhoznadzora-i-minselhozproda-belorussii-zashli-v-tupik-336753>. (rus.).

20. Nazarbayev prematurely sent a letter to the people of Kazakhstan announced the implementation of The Light Way, available at: <http://www.newsru.com/world/11nov2014/nazarbaev.html>. (rus.).

21. Treatment Of N. Nazarbayev of Kazakhstan people is a successful combination of current realities and strategic prospects – Zhang Deguang, available at: <http://www.inform.kz/kaz/article/2242241>. (rus.).

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 09.00.11

Игорь ПАСЬКО

кандидат философских наук,

профессор Центра гуманитарного образования НАН Украины

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ: GEMEISCHAFT UND GESELSCHAFT

*В статье анализируется соотношение понятий *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Прослеживается их методологическая контроверсивность и взаимодополняемость. Под таким углом зрения денотат понятия *Gemeinschaft* раскрывается не как *Verbindung* общественных индивидов, а как социальная целостность, предшествующая им. Главной сферой *Dasein* тут становится политическая парадигма *Gemeinschaft*, а ее квинтэссенцией – феномен политического. Показано, что семантическая и семиотическая констелляция общественного бытия того или иного этноса, народа, общества содержится в первичном онтологическом архетипе коллективного бессознательного. Этот архетип представляет собою объективную данность, как космический порядок и дефилада планет. Именем этого важнейшего архетипа есть политическое. В свою очередь, политическое является сердечной аортой и жизненным нервом *Gemeinschaft*.*

Ключевые слова: *политика, политическое, Gemeinschaft, Gesellschaft, Dasein, коллективное бессознательное.*

Ab ovo usque ad mala. Сила этой магической формулы была известна только древним римлянам. Только им, сторонникам строгой логики и основателям европейского права, было очевидно, что любое застолье должно начинаться с яйца и заканчиваться яблоком. Древние греки, в отличие от римлян, четкий регламент потребления распространяли только на напитки, а в иерархии блюд придерживались принципов толерантности, демократии, даже анархии. Поэтому греки сформулировали эту проблему в виде метафизического запроса: «что первично – яйцо или курица?».

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

Именно исходя из этого онтологического вопрошания в осмыслении формулы общественных отношений давно прочерчены два подхода. Первый из них заключается в утверждении примата отношений над общественными индивидами, в признании самодостаточности отношений как таковых, полностью детерминирующих деятельность людей. Свое логическое завершение этот подход нашел в теоретической концепции структурализма Клода Леви-Стросса, Жака Лакана, Мишеля Фуко и в доктрине «теоретического антигуманизма» французского марксиста Луи Альтюссера. В несколько смягченной, свободной от крайней абсолютизации, форме эта точка зрения характерна и для доктринальной методологии марксизма.

Второй подход базируется на идее первичности самих индивидов. Человек трактуется здесь в качестве субъекта и движущей силы отношений, в качестве меры всех вещей и самих отношений. Эта позиция воплощается в множественных теоретических вариациях либерализма и гуманизма, вплоть до марксистского гуманизма Роже Гароди. Бросается в глаза то, что в обоих вариациях поднимается та же проблема – проблема методологических основ выбора исходного пункта исследования при анализе сущности и структуры социальной реальности. От общества к индивиду или от индивида к обществу лежит действительный путь познания специфики социальной реальности? Что можно сказать по этому поводу?

Во-первых, мы должны констатировать, что эта проблема совсем не появилась ни сегодня, ни даже сорок – пятьдесят лет назад. Она является вечной методологической антиномией социальной философии и философии истории не только эпохи Модерна или Постмодерна. Разница между первой и второй эпохами заключается только в том, что Модерн настойчиво искал способы решения проблемы, тщательно подбирая аргументы, а Постмодерн был вынужден признать обе позиции относительно истинными.

В этом, как нам кажется, есть большой резон. Движение познания социальной реальности как от общества к индивиду, так и от индивида к обществу не дает никаких гарантий познания абсолютной истины бытия исторического процесса, зато открывает разные грани его сущности и действительности. Вся история развития европейской философии от-

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

крывает нам различные варианты решения этой проблемы: сакрализация общества Средневековьем и обоготворение человека Ренессансом, профанная робинзоада Просвещения и героизация Volksgeist'a немецкими романтиками, категорически-императивный человек-цель Канта и общество-субстанция Гегеля, холизм и аддитивизм, холизм и веризм, либерализм и коммунитаризм, в конце концов, теория действия Толкотта Парсонса и теория коммуникации Никласа Лумана. Как видим, в этом основополагающем методологическом поединке нет победителей, зато под сигнатурой толерантности пока поставлено многогочие...

Симптоматично, что новое видение этой проблемы предстает перед европейской философией вовсе не благодаря расширению философского тезауруса за счет предоставления латинским концептам новых сконструированных значений, что свойственно романоязычному и англоязычному форматам философствования, а посредством немецкоязычной практики использования наличных слов повседневного общения в высоком теоретико-категориальном смысле. Так, в 1887 году Фердинанд Тённис в своей знаменитой работе «Gemeinschaft und Gesellschaft» обратил внимание на наличие в обычной народной немецкой языковой практике якобы синонимов, которые в бытовом обиходе достаточно четко дифференцируются друг от друга только благодаря культурным традициям и наличию чувства вкуса языка. В теоретическом сознании и научной терминологии эти квазисинонимы, к сожалению, «путают и принимают по собственному разумению без понимания их смыслового различия».

В указанном труде говорится о необходимости четкой дифференциации понятий «Gemeinschaft» и «Gesellschaft», переводимых как сообщество и общество. «Группа, – констатирует Ф. Тённис, – образованная позитивными отношениями, воспринимается как существо или вещь с единым внутренним и внешним влиянием и называется объединением [Verbindung]. Сами эти отношения, а следовательно, и эти объединения, понимаются то ли как реальная и органическая жизнь – это есть сущность сообщества [Gemeinschaft], – то ли как идеальное и механическое образование – это есть понятие общества [Gesellschaft]» [6, 17].

Не затрагивая пока деталей предлагаемых определений вышеупомянутых категорий сообщества и общества, отметим лишь главное – немецкий естественный язык, а вслед за ним и немецкий профессор

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

признают одновременное параллельное существование и функционирование исторического процесса в двух относительно независимых и противоречивых формах: сообщества и общества. Через призму такого видения становится очевидным, что монистический принцип *Ab ovo*, примененный к решению касающегося вопроса, не является универсально корректным, потому что императив *Ad mala* является также истинным, но не в дизъюнкции, а в конъюнкции с *Ab ovo*. Остается нерешенным еще один методологический вопрос о курице и яйце, но ответ на него следует искать глубже, в сфере мифологически-символической реальности, лежащей за пределами внимания этой статьи. Поэтому коснемся проблемы дифференциации *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* с другой стороны...

Восемьдесят лет назад из-под пера высокого прусского чиновника и известного теоретика права, с немного странно транскрибированным именем Carl Schmitt, вышел философский опус с необычным не только на то время, а и на сегодняшний день, названием – «*Der Begriff des Politischen*» [1]. Это относительно небольшое произведение сразу сделало своего автора по-настоящему знаменитым и вместе с тем принесло ему достаточно неоднозначную, даже недобрую славу.

Настоящему европейскому интеллектуалу всегда был не по вкусу философский тоталитарный дискурс немецких бурных тридцатых годов прошлого столетия, особенно в изложении крайне политически ангажированного Карла Шмитта, с его «писаной торбой» императива априорного различия «друга и врага». По мнению известного исследователя творчества Шмитта профессора Мюнхенского университета Генриха Майера, эта публикация «посеяла вражду и пожала вражду» [5,10].

Но есть и другие причины преимущественно критического отношения к этому знаковому труду. Одна из них – это традиционно немецкий способ философствования, свойственный ее автору. Сокровенные смыслы и акценты его интеллектуальной конструкции надежно скрыты за куртинами метафор, аллюзий, тропов и закодированы в них. Он, сознательно или бессознательно, избегает возможности однозначной трактовки собственного концепта. В конце концов, по тем или иным причинам или вопреки им, до сих пор не достигнуто какой-либо экспликации или удовлетворительной интерпретации краеугольного понятия шмиттовой

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

политической парадигмы – понятия «политического». Большинство аналитиков, которые касаются его текстов, по моему мнению, недостаточно обращают внимание на необходимость четкой дивергенции традиционного понятия политики (*die Politik*) и субстантивированного прилагательного «политическое» (*das Politische*), возведенного Карлом Шмиттом в высокий ранг теоретического понятия и категории философии политики, постоянно пугаясь в сетях идентификационного дискурса.

Начнем с политики. «Политика есть защита собственного, отпор врагу». Политика есть не что иное как «сама борьба» с врагом за свое собственное [1, 29]. Такие хотя и абстрактные, но четкие дефиниции предлагает Шмитт. Если не очень пугаться громких метафор, то вполне очевидно, что его определение политики в этом ракурсе полностью совпадает с классической европейской традицией и исключает какие-либо основания для любых дискуссий.

Разногласия открываются в дальнейшем концептуальном углублении этого понятия. Все то, что традиционно в европейской культуре носило название политики, Шмитт дивергирует в две формы – политическую и агональную, тем самым обогащая социально-философский и философско-политический тезаурус понятием агона. Раскодирование этого непрозрачного понятия агона должно быть первым шагом движения к герменевтике понятия политического. «Два фундаментально расходящихся способа «отношения» к борьбе: «агональное» и «политическое», – констатирует Шмитт. Должны заметить, что Шмитт весьма справедливо выступает против необоснованной и неограниченной трактовки политики как любой формы «борьбы» или «войны». Подавляющее большинство плацдармов общественных гонок, где разворачивается ожесточенная, а иногда и кровавая борьба, вовсе не относится к сфере политики, зато есть сферой банального агона, то есть сферой повседневного соревнования между общественными индивидами, социальными сообществами и государствами. Ключом к дифференциации политических и агональных противоречий является понятие антагонизма. «Враг не является антагонистом в кровавом соперничестве «агона»».

Именно так, в общественно-исторической жизни, в конце концов, все процессы – технологические, экономические, юридические, моральные или обычные, процессы производства, потребления или

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

общения, процессы удовлетворения индивидуальных и социальных потребностей или интересов – всегда разворачиваются в форме агональных противоречий, или, если использовать лексику самого Шмитта, в форме перманентных агональных войн с неперенными победами и поражениями, с неперенной дивергенцией всех на врагов и друзей. *Differencia specifica* агональных отношений является то, что по своей природе они не несут антагонизма. Они могут быть кровавыми, они могут быть жестокими (и довольно часто в истории такими и были), но они никогда не включают в себя антагонизма и не требуют обязательного уничтожения «врага». Таким образом можем сделать вывод, что в почве разногласий между агонем и политикой лежит граница между неантагонистическими и антагонистическими противоречиями.

Разграничение агонального и политического следует признать плодотворным и функциональным, так как оно позволяет избежать безграничной расплесканности понятия политики и сделать следующий шаг к осознанию его горизонтов. В настоящем он должен заключаться в определении методологических основ дифференциации антагонистического и неантагонистического. Этот вопрос не является достаточно прозрачным и требует четкой реконструкции.

Нам не известно, знаком был Карл Шмитт с трудами Фердинада Тённиса, но бросается в глаза определенная созвучность их концептуально-категориальных построений. Что такое *Gemeinschaft*? Это ничто иное как социальная реальность, рассматриваемая с точки зрения объединения людей [*Verbindung*], в котором именно объединение предшествует индивидам и доминирует над ними. Силой, которая интегрирует *Gemeinschaft* в единое целое, является возникающий метафизический символический код и сакральная мифологическая парадигма. Глубинной сущностью сообщества – политика или, прецезийнее, ее политический геном.

«Политическое единство всегда, – справедливо отмечает Шмитт, – ... есть основополагающим единством, тотальным и суверенным ... Политика – это судьба» [1, 36]. В почве настоящей политики всегда заложены метафизические антагонистические противоположности. В отличие от Гоббса, с его *bellum omnium contra omnes* в качестве формулы *status naturalis – status belli* как войны атомарных неконсоли-

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

дированных индивидов, для Шмитта *status naturalis* тоже *status belli*, но это война не индивидов, а сообществ. Именно в рамках этой войны формируется, «устанавливается собственная идентичность, получая зримый гештальт» [1, 27].

Таким образом определяется уточнение, что политика – это сфера специфической борьбы между сообществами за сохранение и утверждение ими своего метафизического кода, собственной идентичности и гештальта. Важной характеристикой сообщества является то, что в его основе почти отсутствует рациональная компонента, зато полностью доминируют архетипы коллективного бессознательного. Именно в таких гештальтах народы становятся субъектами политики, образующими «мультиверсум» политического мира.

Вот тут мы подходим к возможности как-то рационально определить важнейшее понятие философско-политической доктрины К. Шмитта. Речь идет о феномене «политического», толкование которого вызывает определенные контroversии. Так, Лео Штраус, один из тогдашних оппонентов Шмитта, заметил, что «Шмитт недвусмысленно отказывается давать исчерпывающую дефиницию политического» [5, 114]. Ему поддакивает главный представитель современного российского традиционализма А. Дугин, который констатирует, что сама сущность политического всякий раз ускользает от окончательного определения, что «политическое» не поддается непосредственной и однозначной идентификации» [4, 12-13].

В конце концов, он склоняется к парадигме элементарного политического детерминизма, утверждая, что «политика по своей сути предшествует всем этим (социальным – авт.) компонентам, существует до них и от них не зависит. Но она проявляет себя через группу определенных явлений, которые суть формы реализации политики, продукты ее конкретизации» [4, 12]. Таким образом, мы снова не получаем дивергенции концепта политики и понятия политического.

С другой стороны, проблема анализа социально-философского дискурса политики заключается в поисках метафизического звена, сочетающего феноменальный мир политики с ноуменальным концептом политического. Политическое является субстанциональной основой политики, основой всех её изменений, которая проявляется через ряд

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

модусов и акциденций. Оно предшествует всем компонентам социума, возникает до них и от них не зависит. То, что констелляция вещей и процессов в обществе обусловлена именно такой формулой, очевидно доказывается самым эмпирическим измерением социально-культурного бытия. Можно, наверное, даже утверждать, что априорность политического есть достоверный эмпирический факт.

С другой стороны, сложность и глубина проблемы открывается вне эмпирического, с первым шагом в пропасть метафизического. Сущность, код, семантическая и семиотическая констелляция общественного бытия того или иного этноса, народа, общества кроется в первоначальном онтологическом архетипе коллективного бессознательного. Этот архетип представляет собой объективную данность, как космический порядок и дефилада планет. Именем этого важнейшего архетипа и есть политическое. Именно политическое является сердечной аортой и жизненным нервом каждого народа. Изменение архетипов неподвластно воле людей, монархов, политических деятелей или народов. Но детерминация политической жизни общества не производится непосредственно политическим. Между политическим и политикой выстраивается опосредованное звено. Этим звеном являются атрибуты политического. Их два – географическое пространство и пространство слова или, другими словами, Топос и Логос. Именно политическое предстает как квинтэссенция трансцендентных императивов пространственного бытия объединений (*Verbindung*) людей.

Трансцендентная структура онтологических сакральных принципов организации публичных отношений общественных индивидов является системой априорных для массового сознания социума категорических императивов, в соответствии с требованиями которых происходит политическая деятельность общества и развивается его политическая структура и организация, эта система социально-организационных онтологических императивов является субстанцией политики, политической жизни и политических процессов; она обобщается в социальной философии и философии политики категорией политического.

Политическое пространство – это сфера языковой коммуникации, структура специально разработанного языка политического общения, значение и смысл её заключается в перекодировке сакраль-

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ных символов в синтаксические конструкции языка. В синтаксическом определении политического пространства подчеркивается специфика правил, с соблюдением которых развивается политический императивный текст, а в конце концов – политический дискурс. Само понятие дискурс является наиболее точным для характеристики процесса вербализации политического, так как дискурс – «это не просто совокупности высказываний или утверждений, они состоят из высказываний, которые имеют значение, силу и влияние в общественном контексте ... дискурсивными утверждениями есть те высказывания, которые имеют такую институциональную силу, а потому могут быть соотносены с определенной формой авторитета – те выражения, которые могут быть классифицированы как истинные».

В определенном смысле политический дискурс, образующийся в пределах коммуникативной системы политического пространства, призван адекватно отразить сакральную парадигму политического как универсальной субстанции политических процессов в системе суждений, из которых можно вывести любое другое императивное суждение. Именно так определенный политический дискурс становится парадигмой политической идентификации для тех, кто ее разделяет, выбирает, с ней полностью солидарен и полностью согласен развивать политическую практику по императивным высказываниям этого дискурса. И, наоборот, тот, кто не разделяет ценностей этой парадигмы, находится вне этого политического пространства, этого политического дискурса, поэтому он с самого начала обречен или быть лишенным публичной жизни, ограничившись частным пространством, или противопоставить чужому дискурсу собственную сакральную парадигму, собственное политическое пространство, через путь политического диссидентства и борьбы, или стать идеологически-культурным пленником господствующего дискурса.

Вся история политической борьбы в этом ракурсе предстает как борьба различных политических дискурсов, за которой скрывается несовместимость криптологических структур сакрального онтологического мифа. Борьба за дискурс – это борьба за собственное архетипическое своеобразие во всем спектре его модусов: культуру, язык, политическое пространство, политическую власть, в конце концов, за

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

материальное основание и носителя всех форм социального хронотопы – народ и географически-культурный ландшафт его бытия. Поэтому каждое сообщество всегда выступает за сохранение собственного дискурса, а оппозиционное и враждебное ему – за его замену стилем другой парадигмальной модели. Мятежники согласны ограничиться обновлением политического лексикона и синтаксических конструкций языка. Эта ситуация политического конфликта очень напоминает украинские реалии, где за контрпарадигмальными лозунгами власти и оппозиции скрывается элементарный поверхностный языковой диссонанс.

Особенностью политического конфликта является то, что он всегда возникает и развивается как пространственный геополитический конфликт, который, в конце концов, приобретает стадии откровенного антагонизма и диверсифицирует социум на «друзей» и «врагов», то есть на положительно и отрицательно комплиментарные сообщества. Отдельный индивид может довольно долго жить в условиях внутренней эмиграции, не разрушая своего парадигмального портрета. Но сообщество в таких условиях, условиях геополитической оккупации, почти никогда не выживает. Поэтому именно в этот момент наступает акт выхода на авансцену того же мистически-иррационального «политического». Оно алярмово пробивает все модусно-паттерные внешние оболочки социума и вырывается наружу обнаженным, чтобы явить себя народу сообщества в виде непосредственного архетипа или внефеноменального этнического ноумена.

Это политическое, вырывающееся наружу из глубин подсознательного совсем неприкрытое одеяниями культуры, цивилизации и элементарного политеза, почти полностью исключает проблему самостоятельного выбора индивидами кардинальных решений. Выбор как атрибут свободы, обязательно присущий обществу, есть полностью невозможным и запрещенным в сообществе, потому что здесь царит всеохватывающая власть (Gewalt) политического, «которая захватывает индивида экзистенциально и полностью доминирует над его жизнью и смертью. Его жизнь, следовательно, принадлежит только императивам политического, что как важнейший и наиболее точный индикатор сигнализирует об уровне опасности Dasein'a сообщества.

Отсюда следует новое логическое звено. Тот, кто принадлежит к сообществу с иными императивами, индифферентными к императивам

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

этого сообщества, является для них лишь чужим и только потенциальным врагом. Тот, кто принадлежит к сообществу с императивами, антагонистическими к императивам этого сообщества, является не только чужим, но и актуальным врагом. «Для его сущностной характеристики достаточно, чтобы он был особенно в интенсивном смысле экзистенциально чем-то другим и враждебным, так что в случае конфликта он означал бы отрицание собственного способа существования, а потому ему необходимо дать отпор и победить его, чтобы сохранить собственный, бытийный (seinsmassig) образ жизни» [1, 4].

В основе всех бытийных разногласий и противоречий образов жизни непременно лежат метафизические противоположности, ибо, как справедливо замечает К. Шмитт, они «могут быть задрапированы моралью или экономикой, но это не отменяет их. Ничто человеческое не может уничтожить их. Никто не может покорить их». Действительно, метафизическая составляющая является сердцевинной любой политики. Эта таинственная составляющая постоянно проявляется то как архетип, то как знаковая парадигма политического, то как вечевой колокол, бьющий в набат в ту высокую годину, когда каждый должен был стать готовым пожертвовать собою ради сохранения жизни сообщества.

Именно этот сакральный вечевой колокол разбудил киевский Евромайдан в момент, когда возникла ситуация, на грани которой лежала метафизическая пропасть отречения собственного способа экзистенции, собственной свободы, когда только смертью Небесной сотни можно преодолеть смерть украинского сообщества, смерть его отчизны. Но победоносный звон колокола Майдана заставил почувствовать и другое. Почувствовать то, что Майдан стоял не только против своей алчной и безнравственной власти, то есть против элементарной хунты, которую в народе окрестили «бандой». Заставил почувствовать и то, что эта власть вовсе не была властью его собственного сообщества, она была властью другого, чуждого, враждебного, не созвучного ему сообществу. Эта власть была построена на метафизическом фундаменте политической парадигмы, никак не совпадающем с цивилизационными основаниями украинской экзистенции. После революции Достоинства украинского сообщества появился момент колокола Политического со стороны противоположного сообщества. Он породил Донбасс.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

И речь здесь вовсе не о России, точнее, не только о ней. Речь идет об Украине. Для описания положения вещей в этом фрагменте будет использована методология и терминология известного российского историсофа Льва Гумилева. Известно, что сначала отношения между русским и украинским сообществами были отношениями элементарной ксении, то есть формой нейтрального сосуществования сообществ с сохранением своеобразия каждой из них. Социально-психологической основой взаимодействия этих сообществ была относительно невысокая отрицательная комплиментарность, которая постоянно повышала свой тонус под влиянием национальной политики русского царизма. Имя этой политики – ассимиляция, она всегда была направлена только на русификацию украинского народа. Последняя осуществлялась всеми возможными средствами: внедрением русского типа цивилизации, диктатуры русского языка и русской администрации. Украинское сообщество веками отчаянно сопротивлялось. Вместо этого оно оказалось почти беспомощным перед тектоническими сдвигами русского модуса индустриализации.

Постоянные инъекции значительных масс русского населения в топос украинского общества, без минимальной адаптации в его социокультурный ландшафт, приводили к парадоксальным последствиям. Российская вакцина вовсе не растворялась в украинском субстрате и почти не растворяла этот субстрат в себе. Зато взаимодействие субстрата и вакцины порождало внутри украинского общества специфическое новообразование или эдакую канцерную опухоль, некое квазисообщество, что в терминологии Л. Гумилева носит название химеры.

Это сообщество уже не сохраняло системных черт культурной парадигмы ни украинского, ни русского сообществ с их неповторимыми традициями и ментальностью. В его социальном портрете доминирует бессистемное сочетание несовместимых между собой моральных, нравственных и мировоззренческих ориентиров. Вместо свойственной нормальным сообществам монистической ментальности здесь царит полный хаос и эклектика культурных вкусов, духовных убеждений и повседневных представлений. В химерных сообществах постоянно бушуют иррациональные психологические и идеологические пандемии, которые иногда принимают форму всеобщего социального безумия.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Примитивные образцы новейших псевдорелигий, консервативные утопии, основанные на невежестве, несовместимом с формальной логикой и элементарной наукой – вот то неудобоваримое корыто, из которого хлеблют духовную сивуху интеллектуально немощные адепты химерных универсалий и химерного образа бытия.

Еще одна важная характеристика химер, которая в корне отличает их от настоящих сообществ. Все нормальные сообщества воспроизводят себя в определенном географическом пространстве, столетиями адаптируясь к своей земле, своему климату, осознавая сакральные смыслы символических кодов и императивных ритуалов. Химеры же – наоборот. Они не живут в реальном пространстве, как другие сообщества. Поле их экзистенции – ирреально-сюрреальная действительность. Реальный ландшафт и химера – это параллельные миры. Их пересечение всегда сопровождается эксплозией, в которой химера аннигилируется, растворяясь в одной или другой общности.

В качестве примера вспомним, каким тернистым был, еще не преодоленный до конца, путь к себе рязанских или орловских колхозников, принудительно переселенных на земли кеннигсбергской Пруссии или выборгской Ингерманландии, на которых у них десятилетиями не ловился крокодил и не рос не только кокос, но и картофель. Успокаивали они себя чисто по-русски, через терпение и бутылку. И, в конце концов, тот, кто не сбежал с этой чужой земли, со временем находил именно на ней свою родную идентичность. Совсем другую ситуацию имеем в Украине. Для международного сообщества химера в Украине снаружи выглядит почти respectable этнической группой или нацией.

Большинство в ее составе составляют русские, далее идут украинцы и выходцы из других этнических групп. Ее коммуникативная интегративность основывается на языке, который сами его репрезентанты называют русским. Кажется, что это является существенным преувеличением. Язык общения этого сообщества не может быть признан русским. Это, скорее, специфически местная искаженная форма языкового гибрида *Lingua franca*, койне и креолизованого пиджина. Пользуясь таким гибридом, бесполезно пытаться создать что-то на уровне «Преступления и наказания» или «Мастера и Маргариты». Более того, на уровне такого языка восприятие поэти-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

ки литературных и эстетических шедевров русской культуры становится весьма проблематичным. Лингва франка позволяет, в лучшем случае, понять сюжет, но для осознания тайны кружева поэтики и метафизики эстетического лингвистическая оптика такого гибрида проявляется недостаточной и вовсе беспомощной. Даже некоторое фонетическое сближение русского языка и его украинофонного эрзаца, наблюдаемое в последнее время под влиянием русского телевидения, никак не может решить главной проблемы идентификации тезаурусов этих языков, потому телевизионный лексикон отнюдь не выходит за пределы *lingua primitiva*. Имея в диспозиции такой язык, трудно рассчитывать на литературные шедевры. Именно поэтому, наверное, в Украине никогда не возникали гении поэзии и титаны высокого русского слова.

Кроме того, очевидно, что псевдорусскоязычная община в Украине, в отличие от сообщества русского народа, совсем не имеет ни вкуса к тому же русскому языку, ни элементарного ощущения законов превращения его вербальных форм, законов лингвистического формотворчества, так необходимых для преодоления разногласий между оригиналом и некачественной копией.

В связи с этим стоит упомянуть вопрос, который постоянно поднимается известными политическими силами, о предоставлении русскому языку статуса второго государственного. Безусловно, формально можно возвести в статус государственного языка в Украине – английский, но это очевидный для всех нонсенс. Менее очевидным, зато от того не менее нонсенсом является стремление легитимизировать на государственном уровне русский язык. Родство русского и украинского языков совсем не облегчает дело. Параллельное употребление именно таких языков часто приводит к забавным семантическим и семиотическим курьезам. К тому же не стоит забывать, что в Украине почти никогда не употреблялась настоящая русская речь. Вместо нее в диспозиции наших обывателей господствует устный языковой эрзац – *Lingua Russian vulgata*. Эта лингва не является литературной, она не имеет никакой лингвистической кодификации, нормативизации синтаксиса и орфографии, ею нельзя адекватно формулировать тексты политических, юридических и дипломатических

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

документов. В таком состоянии она не может претендовать на статус государственного языка. Вариаций выхода из этого тупика немного. Необходимо или поднимать состояние развития Лингвы до уровня кодифицированного литературного языка, или повышать образовательный уровень населения до состояния адекватного усвоения русского языка. И первое и второе требует больших средств, интеллектуальных усилий и никак не определяемого заранее времени. Все это может быть осуществлено только за счет вытеснения, обескровливания и возвращения в небытие языка украинского. Поэтому, если императивному лозунгу о предоставлении русскому языку статуса второго государственного придать более транспарентную редакцию, то она получит откровенную форму требования запрета украинского языка. Комментарии здесь излишни.

Однако необходимо обратить внимание на то, что *differencia specifica* социально-этнической химеры в Украине лежит не только в лингвистической плоскости. Лингва раша распространена не только в пределах химеры, но и в определенных украинских и других микросообществах. Настоящая тайна специфики нашей химеры, думается, кроется в сфере ее генезиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort / Carl Schmitt. – Berlin : Duncker & Humblot, 1996. – 159 s.
2. Барт Р. Мифологии / Р. Барт ; [пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина]. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
3. Білокобильський О. Від науки до міфу. Онтологічні дослідження / О. Білокобильський. – Донецьк, 2004. – 204 с.
4. Дугин А. Г. Философия политики / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея, 2004. – 616 с.
5. Майер Х. К. Шмит, Лео Штраус и Понятие политического. О диалоге отсутствующих / Хайнрих Майер. – М. : Скимень, 2012. – 192 с.
6. Тьоніс Ф. Спільнота та суспільство: основні поняття чистої соціології / Фердинанд Тьоніс. – К. : Дух і Літера, 2005. – 262 с.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

У розвідці аналізується співвідношення понять *Gemeinschaft* і *Gesellschaft*. Простежується їхня методологічна контрroversійність та взаємодоповнюваність. Під таким кутом зору денотат поняття *Gemeinschaft* постає не як *Verbindung* суспільних індивідів, а як соціальна цілісність, що передує їм. Головною сферою *Dasein* тут стає політична парадигма *Gemeinschaft*, а її квінтесенцією – феномен політичного. Показано, що семантична і семіотична констеляція суспільного буття того чи іншого етносу, народу, суспільства криється у первісному онтологічному архетипі колективного несвідомого. Цей архетип являє собою об'єктивну даність, як космічний порядок і дефілада планет. Ім'ям цього найважливішого архетипу і є політичне. Саме політичне є сердечною аортою та життєвим нервом кожного народу.

Ключові слова: політика, політичне, *Gemeinschaft*, *Gesellschaft*, *Dasein*, колективне несвідоме.

*My paper is connected with issue of the clashes and interrelation between *Gemeinschaft* (community) and *Gesellschaft* (society). I actualize the controversy between two notions and their subsidiarity. In this context the focus of *Gemeinschaft* is not so much connected with social entity but rather with the notion of *Dasein*. I focus on the phenomenon of policy as the foundation of the paradigmatic changes in *Gemeinschaft* (community). It is evident that semantic and semiotic constellation of social being or ethos, society as well as the communities are deeply rooted within ontological archetype of collective unconsciousness. This archetype represents the phenomenon of objectivity as the cosmic order and the manifestation of policy. Namely the phenomenon of policy is the imperative and the foundation for any communities and societies. The changes within archetypes are not correlated with the will of peoples, monarchs, political actors or society as a whole. At the same time the determination of political life within society does not depend from politics and policy. It is evident that between policy and politics exist the separation and indirect links. We can observe the attributes of politics as the embodiment of two segments: geographical space and the area of notions *Topos* and *Nomos*. It appears as the quintessence of transcendental imperatives.*

Keywords: politics, political, *Gemeinschaft*, *Gesellschaft*, *Dasein*, collective unconscious.

**Восточноукраинский конфликт в контексте
глобальных трансформаций**

REFERENCES

1. Schmitt C. (1996), *Der Begriff des Politischen*. Text von 1932 mit einem Vorwort, Duncker & Humblot, Berlin, 159 S. (germ).
2. Barthes R. (1996), *Mythologies*, Sabashnikovy Publishers, Moscow, 312 p. (rus).
3. Bilokobylskiy O. (2004), *From science to myth. Ontology researches*, Donetsk, 204 p. (ukr).
4. Dugin A. (2004), *Philosophy of the politics*, Arktogetia, Moscow, 616 p. (rus).
5. Meier H. (2012), *Carl Schmitt, Leo Strauss and “Der Begriff des Politischen”*. On the dialog of the missing, Skimen, Moscow, 192 p. (rus).
6. Tönnies F. (2005), *Gemeinschaft and Gesellschaft: The main concepts of the pure sociology*, Dukh i litera, Kyiv, 262 p. (ukr).

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

УДК 2:27.772(477)

Михаил ЧЕРЕНКОВ

доктор философских наук

профессор Украинского католического университета

ВЫЗОВ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЕ И ДУХОВНО- КОНФЕССИОНАЛЬНОМУ МНОГООБРАЗИЮ УКРАИНЫ: ИДЕОЛОГИЯ И ТЕРРОР «РУССКОГО МИРА»¹

Статья посвящена анализу религиозных мотивов сепаратистского движения на Востоке Украины. Как обосновывает автор, православный фундаментализм не менее агрессивен, чем так называемый «исламский», а «русская весна» не менее кровава, чем «арабская». Поскольку эта разновидность православия имеет государственную поддержку и претендует на политическую роль, ее можно назвать «политическим православием». Более того, с недавних пор «политическое православие» проявляется в форме «православного терроризма» на оккупированных пророссийскими сепаратистами украинских территориях. Несомненно, что наблюдаемые преследования людей и групп по религиозному признаку являются частью последовательной политики «русского мира».

Ключевые слова: *религия, Восток Украины, сепаратизм, православие, «русский мир».*

В событиях вокруг Украины следует видеть единство политических и религиозных мотивов. Задолго до аннексии Крыма и необъявленной войны на Донбассе был открыт религиозный фронт. Аналитики, религиоведы и украинские богословы (особо стоит выделить тексты Юрия Черноморца и архимандрита Кирилла (Говоруна)) неоднократно обращали на это внимание, но, к большому сожалению, никто из ведущих украинских и западных политиков не предвидел и не учел возрастающей роли агрессивного московского православия в региональной

¹ Статья подготовлена при поддержке Религиозно-информационной службы Украины (РИСУ).

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

и глобальной политике. Как показали события в Украине, православный фундаментализм не менее агрессивен, чем исламский, а «русская весна» не менее кровава, чем арабская. Поскольку эта разновидность православия имеет государственную поддержку и претендует на политическую роль, ее можно назвать «политическим православием». Более того, с недавних пор «политическое православие» проявляется в форме «православного терроризма» на оккупированных пророссийскими сепаратистами украинских территориях.

В то время как мониторинговые группы, работающие в Украине, собирают и презентуют данные о ранее невиданных в этом регионе нарушениях религиозной свободы, становится все более очевидной и вопиющей нужда в глубоком концептуальном анализе происходящего – почему это происходит и что это значит для глобального сообщества. Несомненно, что наблюдаемые преследования людей и групп по религиозному признаку являются частью последовательной политики «русского мира», а потому несут с собой угрозу региональной безопасности и даже больше того – глобальному порядку, поскольку оспаривают саму возможность «глобального», в частности возможность универсальных свобод, общечеловеческих ценностей, действующего международного права.

События в Украине заставили волноваться не только соседние страны и причастных политиков, но и глобальное христианское сообщество. В более широком контексте дискуссий говорят не только о конфликте Украины и России, но также о конфликте Евразии и Европы, России и Запада, православного «русского мира» и «секуляризированной протестантско-католической цивилизации», универсальных прав человека и «православных» ценностей, свободы и «традиционного порядка».

На украинский проевропейский выбор и «революцию достоинства» на Майдане (ноябрь 2013 – февраль 2014 гг.) последовал агрессивный ответ «русского мира» – аннексия Крыма (март 2014 г.), оккупация части восточной Украины и создание местных квазигосударственных «народных республик» (апрель 2014 г.). Все конфессии, кроме Церкви Московского Патриархата, на захваченных территориях оказались вне закона и испытали на себе похищения, пытки, убийства, захваты культовых зданий.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

Очевидно, что для международного сообщества важно проанализировать и оценить последствия украинских событий для сотрудничества в регионе Евразии и защиты религиозной свободы, а также принять все возможные меры для поддержки и помощи жертвам религиозной дискриминации.

Факты говорят за себя: греко-католики и Киевский патриархат в аннексированном Крыму оказались вне закона; на Донбассе действуют пророссийские «православные армии»; десятки протестантских церквей захвачены, нередки похищения, пытки и убийства пасторов; священники Московского патриархата, не скрываясь, благословляют террористов и отказываются отпевать погибших украинских военных; Патриарх Кирилл предрекает гибель Украины как «царства, разделившегося в себе».

«Гибридная» война России против Украины объединила и тем самым усилила в себе серию межнациональных, межгосударственных и межконфессиональных конфликтов. Были грубо нарушены границы украинского государства, единство украинской политической нации, конфессиональная самобытность. Причем религиозная составляющая конфликта может оказаться первой, ведь именно московское православие стало главной скрепой «русского мира», а затем и главным актором кровавой «русской весны».

Аннексия Крыма была оправдана сакральной значимостью древнего Херсонеса, а война против Украины – защитой православия. Как заявил в своем послании Федеральному собранию РФ президент Путин, «для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам и иудаизм. Для нашей страны, для нашего народа это событие имеет особое значение, потому что в Крыму живут наши люди и сама территория стратегически важна, и потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного российского государства. Именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом» [1].

Фактически был оспорен старый европейский принцип «чья власть, того и вера» (*cuius regio, eius religio*). Взамен навязывается

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

принцип «чья вера, того и страна». Речь идет об агрессивном распротранении «русского мира» через православие московского образца. «Русская весна» начинается со слов о братстве трех народов и единстве православной веры, но затем продолжается аннексией и войной против тех вчерашних братьев и одноверцев, которые посмели жить отдельно и верить иначе.

Хорошо известная из XIX века тоталитарная связка «быть русским – значит быть православным» становится главным мотивом для консолидации «русских» и защиты «православных». «Декларация русской идентичности» (документ принят 11 ноября 2014 года по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России») провозглашает: «В русской традиции важнейшим критерием национальности считался национальный язык (само слово «язык» — древний синоним слова «национальность»). Владение русским языком обязательно для всякого русского. Утверждение о том, что каждый русский должен признавать православное христианство основой своей национальной культуры, является оправданным и справедливым. Отрицание этого факта, а тем более поиск иной религиозной основы национальной культуры, свидетельствуют об ослаблении русской идентичности, вплоть до полной ее утраты» [2].

Как показали события в Украине, всюду, где есть русскоговорящие и «православные», могут появиться «вежливые люди» с автоматами в руках для их «защиты» и для их водворения в единое пространство «русско-православного мира».

«Мы не можем не замечать того факта, что у конфликта на Украине имеется недвусмысленная религиозная подоплёка», – написал Патриарх Московский Кирилл Вселенскому Патриарху Варфоломею в письме, которое было опубликовано на официальном сайте Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата 14 августа и уже 15 августа исчезло. «Униаты и примкнувшие к ним раскольники стараются одержать верх над каноническим Православием на Украине... Прошу Ваше Святейшество использовать все возможности, чтобы возвысить Ваш голос в защиту православных христиан востока Украины, которые в обстановке усугубляющегося насилия со стороны греко-католиков и

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

раскольников живут в ежедневном страхе за себя и своих близких, опасаясь, что, если гонители возьмут власть, православные будут принуждаться к отказу от своей веры или подвергаться жестокой дискриминации», – заявил предстоятель РПЦ.

Обращает на себя внимание факт манипуляции «каноничностью». Для РПЦ в Украине нет других православных церквей, все они самозванцы и раскольники. При этом Патриарх замалчивает тот известный факт, что даже для тех, кто оперирует средневековым термином «канонической территории», Украина остается спорной «канонической территорией» и относится, скорее, к юрисдикции Вселенского Патриархата, нежели Москвы.

Этот факт стоило бы осмыслить тем симпатикам православия на Западе, которые говорят «православие», а подразумевают РПЦ. В то время как знак равенства между православием мировым и московским ни по объему, ни по качеству ставить нельзя.

Отождествление веры православной и православия московского становится мощным пропагандистским средством. Как подчеркивает «православный ополченец», советник министра обороны ДНР Игорь Друзь: «С украинской стороны православных нет вообще, потому что ни один воцерковленный православный человек не пойдет воевать против Новороссии, потому что знает, что единство Святой Руси угодно Богу. Все святые, которые говорили на эту тему, единогласны в том, что Святая Русь должна быть едина. А вот укро-фашисты как раз и являются сепаратистами и хотят отколоть Новороссию от Святой Руси и присоединить ее к загнивающему воинствующему Западу. Поэтому церковных людей с украинской стороны нет вообще. В карательных батальонах в основном униаты, раскольники, неоязычники и сектанты» [3].

31 июля 2014 года местоблюститель киевской кафедры (Украинской Православной Церкви Московского Патриархата) митрополит Онуфрий обратился к президенту Порошенко с личным посланием, в котором был «вынужден констатировать нарушения прав и свобод верующих и вмешательство в деятельность парафий Донецкой епархии Украинской Православной Церкви со стороны военного контингента, который находится на востоке Украины». О проблемах других конфессий и злоупотреблениях со стороны оккупационных войск и терро-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ристов он не упомянул. Тем самым УПЦ (МП) подтвердила не только духовную, но и политическую зависимость от Москвы. В конфликте между православной наднациональной империей и национальным государством, между имперской идеологией и гражданским обществом «Украинская» Православная Церковь оказалась вовсе не украинской. Очевидно, что такая позиция ведущей «украинской» конфессии представляет угрозу для национальной безопасности и создает опасный прецедент для других стран региона.

В определенном смысле уже не сама Россия как государство, а русское православие как надгосударственное движение становится фактором геополитики. Именно защитой «настоящего», традиционно, канонического православия оправдываются действия «православных армий» Донбасса.

В своей статье «Откуда исходит угроза православию на Украине», опубликованной на сайте сепаратистов «Русская весна», уже упоминавшийся Игорь Друзь (подписавшийся на сей раз как «председатель Народного собора Украины») заявляет: «Киевские террористы... очень нуждаются в «идеологическом обосновании» своего господства над рабами евромайдана. Им нужна не только поддержка партий и движений, но и религиозных конфессий. Западные кураторы давно вовсю занимаются подчинением различных конфессий, в Госдепе недавно даже создан специальный департамент по работе с ними. Практически это означает уничтожение структур Московского Патриархата на Украине и образование огромной религиозно-политической секты из остатков различных конфессий, которая и станет идеологической опорой режима Порошенко. Такие же процессы происходят и во всем мире, где под руководством западной олигархии быстро создается единая мировая религия, которую православные справедливо считают религией антихриста» [4].

Тем самым, усилиями идеологов «русской весны» конфликт между Россией и Украиной, между московским православием и украинскими «униатами, раскольниками и сектантами» выводится на глобальный уровень и представляется как конфликт «русского мира» и «загнивающего Запада», «традиционных ценностей» и «гейропы», спасающей духовности и развращающей секулярности. Более того, оставаясь главной

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

объединяющей силой, РПЦ пытается создать альянс из тех протестантов, иудеев, мусульман, которые согласны с православным видением истории России и безоговорочно признают свое уменьшительно-подчиненное положение. Как заявлял мне руководитель отдела внешних связей одного из российских церковных союзов (в ходе круглого стола «Христианские ценности в современной России», г. Москва, 25 мая 2006 г.), «мы, протестанты, понимаем, что места за государственным столом заняты, но не против питаться и крохами со стола» (аллюзия на фрагмент из Главы 15 Евангелия от Матфея: «Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их»). Понятно, что такие союзники для «истинно православных» – временные, и вскоре станут следующей жертвой (что уже происходит – в то время как лидеры протестантов заседают в разных государственных советах и получают президентские награды, их церкви беспощадно преследуются).

К большому сожалению, не только РПЦ, но и российские протестанты видят Украину своей «канонической территорией» и уже начали дележ украинских церквей, оказавшихся на оккупированных землях. В частности, Российский объединенный союз христиан веры евангельской (РОСХВЕ) принял решение о создании отдельного епархиального управления по Республике Крым и г. Севастополю. Новую структуру возглавит епископ Константин Бендас, верный сторонник державнической линии своего начальствующего епископа Сергея Ряховского, члена Президентского совета и Общественной палаты при Президенте РФ.

Российские баптисты также считают Крым своим. Уже с весны они настойчиво приглашают крымские церкви перейти из всеукраинского союза (ВСОЕХБ) в Российский союз (РСЕХБ). И за этой экспансией стоит не только вопрос территорий, но и конфликт идейных позиций. В резолюции XXXIV Съезда РСЕХБ (30 мая 2014 г.) российские баптисты осудили смену власти в Украине как мятеж: «Мы провозглашаем свою приверженность Библейскому учению, которое не приемлет насильственного свержения законной власти, национализма и разрешения социально-политических противоречий, иначе как путем политических переговоров. «С мятежниками не общайся» (Притчи 24:21)» [5]. Делегаты съезда поспешили отмежеваться от своего «быв-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

шего брата по вере», на тот момент и.о. президента Украины Александра Турчинова и при этом отправить верноподданническое послание президенту Путину, в котором заверяли его в поддержке и молитвах, «чтобы Господь дал Вам сил и мужества оставаться верным в борьбе с проявлениями ксенофобии и сохранению межконфессионального мира». Справедливости ради стоит отметить, что многие пророссийские лидеры восточнoукраинских церквей пошли еще далее, требуя отлучения «кровавого пастора» от церкви. По свидетельству пасторов из Донбасса, когда сепаратисты ДНР их спрашивают «ваш ли Турчинов?», они смело отвечают: «Нет, не наш».

Примечательно, что на том же XXXIV Съезде РСЕХБ, наряду с резолюцией по Украине и подобострастным обращением к Путину, была принята Социальная концепция РСЕХБ, в которой черным по белому написано следующее: «Ни одна нация или страна не должна диктовать свою волю другим, исходя из представлений о собственном религиозном, экономическом, политическом или военном превосходстве. Каждой нации следует устремлять свои силы не на доказательство ложной собственной исключительности, а на достижение подлинного духовно-нравственного прогресса» [6].

Чтобы не заподозрить благочестивых поборников «русского мира» в раздвоенности сознания, приходится допустить единственный оставшийся вариант: они действительно верят в «святую Русь» и ее «всемирную миссию». Вероятно, только защитой «чистоты веры» для православных и «достижением подлинного духовно-нравственного прогресса» для протестантов могут быть оправданы ужасы «русской весны» в Украине. Только защитой мифических «традиционных ценностей» могут быть прикрыты имперские амбиции душеспасительного московского православия в его эпическом противостоянии разлагающемуся католико-протестантскому Западу. Только фанатичная вера в себя и свою исключительность может закрыть глаза на содеянные православными крестоносцами невиданные преступления против человечества и человечности, против Украины и мира, против Бога и ближнего.

Рано или поздно мировое сообщество будет вынуждено признать факт «политического православия» и связанного с ним «православного терроризма», поддерживаемого Россией и оказывающего дестабилизи-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

рующее влияние на весь регион Евразии, и чем скорее это произойдет, тем лучше – для региональной и глобальной безопасности, для защиты религиозной свободы и гражданских прав, для самоопределения людей и наций. Одним из первых шагов в этом направлении может быть признание образованных на востоке Украины «православных» народных республик (Донецкой и Луганской) террористическими организациями. Такое честное признание внесет ясность в ситуацию, определит стороны конфликта, агрессора и жертву, а также позволит неагрессивному православию отмежеваться от политических и агрессивных симулякров.

В качестве выводов я предложу восемь ключевых тезисов о религиозных измерениях украинского кризиса, их глобальной значимости и возможной позиции международного сообщества.

Во-первых, «гибридная война», которую развязала Россия в Украине, является не столько антиукраинской, сколько антизападной и настолько явно религиозно мотивированной, что вполне может быть названа «*holy war*», в которой «православная армия» сражается против «униатов, раскольников и сектантов». В сознании идеологов «русской весны» российская интервенция представляется как «крестовый поход» против Запада, отвоевание, собирание, воссоединение земель «русского мира».

Во-вторых, все, кто связан с Западом своим происхождением («чужие») или осознанным выбором («предатели»), автоматически заносятся в список врагов «русского мира»: греко-католики как изменники православной веры, униаты, «бандеровцы»; православные Киевского Патриархата как раскольники, отступники, «националисты»; протестанты как сектанты, западники, американские шпионы; крымские татары как проукраинские и неправославные. Имеет место явная дискриминация по религиозному признаку всех конфессий за исключением Московского Патриархата.

В-третьих, срачиваясь с государством, пользуясь монопольным доступом к его ресурсам и своим идейным влиянием на его политику, российское православие все более становится «политическим православием». В данном случае трудно отделить религию от политики. Именно этой сложной связью и объясняется гибридный характер войны в Укра-

Восто́чноукраи́нский ко́нфликт в контексте глобальных трансформаций

ине. Государство получило религиозное оправдание и священную санкцию РПЦ на беспощадную войну, следовательно, экономическая логика и политическая целесообразность оказались в подчинении у религиозного мотива – вернуть Московскому Патриархату его «каноническую территорию» и построить на ней православную империю «русского мира».

В-четвертых, осуществляется последовательная изоляция от международных контактов и насильственная инкорпорация религиозных объединений Крыма и Донбасса в близкие по вероучению российские структуры (об этом заявляют пятидесятники и баптисты). Учитывая православно-агрессивную идеологию оккупационной власти, религиозные конфессии лишились всякой возможности проводить свои богослужения в культовых зданиях и миссионерскую деятельность в обществе, получать международную помощь и организовывать благотворительность. Часто условием возвращения конфискованных зданий или продления договора на аренду помещения является перерегистрация и сопутствующая ей процедура «православной экспертизы». Конфессии оказались не только без прав и средств к существованию, но и в изоляции от Украины и международной поддержки.

В-пятых, распространение православной идеологии «русского мира» и религиозные преследования иных конфессий уже привели к существенному изменению религиозной карты региона. Большинство религиозных организаций прекратило свою деятельность, а их прихожане были вынуждены переехать в другие регионы. При этом подавляющее большинство беженцев не имеет необходимых условий для проживания своих семей, а также перспектив получения работы в условиях экономического кризиса в стране. Целые общины оказались рассеянными, а оставшиеся на оккупированных территориях служители – в постоянной опасности. Можно говорить о разгромленных религиозных объединениях в трех регионах Украины – Крыму, Луганской и Донецкой областях; соответственно, нужно говорить о многих тысячах беженцев, пострадавших, убитых и раненых. Верующие данных конфессий могут считаться жертвами религиозных чисток.

В-шестых, в то время как межконфессиональное сообщество Украины консолидировалось вокруг антикоррупционной «революции достоинства», национального единства и противостояния агрессии

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

«русского мира», конфессии России объединились в поддержке анти-западного курса своего президента. Название книги бывшего президента Украины Леонида Кучмы «Украина – не Россия» хорошо передает четкое размежевание между нациями и представляет миру Украину как самостоятельный феномен – «не Россию». Это не укладывается в привычные представления западного мира, называвшего «Россией» все, что ранее охватывалось границами СССР. Но сегодня становится ясно: Украина с ее богатым конфессиональным разнообразием, восточно-западной синтетической духовной культурой должна быть воспринята как самостоятельный и перспективный субъект отношений. Более того, Украина должна быть воспринята как жертва внешней агрессии, причем поводом для агрессии стали прозападные ориентации общества и консенсус большинства конфессий, поддержавших европейские устремления страны.

В-седьмых, за противостоянием в Украине нужно видеть конфликт универсальных прав и свобод человека и так называемых «традиционных ценностей». За обманчивой риторикой «традиционных ценностей» скрываются не общечеловеческие и даже не общехристианские ценности, а традиционные для «политического православия» ценности «православия-самодержавия-народности», т.е. ценности «православной империи». Напротив, отстаивая фундаментальную ценность свободы применительно к личности и нации, украинская «революция достоинства» защищает возможность религиозной свободы и конфессионального многообразия. В этом столкновении формирующегося гражданского общества и монолитной «православной империи» Украине как никогда нужна поддержка международных правовых институтов и солидарность многоликого и свободного христианского мира.

В-восьмых, поскольку экспансия православного «русского мира» несет с собой угрозу религиозному своеобразию Украины, защита ее своеобразия требует международной помощи – профессионального мониторинга, экспертного анализа, адвокации религиозной свободы, расширении международных связей, интеграции в глобальное пространство. Ответом на интервенцию со стороны России может быть последовательная и скорая интеграция в европейское пространство, но никак не «финляндизация». В свою очередь, у мирового сообщества

Восточнокрианский конфликт в контексте глобальных трансформаций

есть только один способ противостоять поглощению Украины Россией – сблизиться с Украиной, связать себя с ней крепкими религиозными, культурными, политическими, экономическими связями; открыть все двери для свободного перемещения украинских верующих, нуждающихся в помощи; использовать все дипломатические средства для признания сепаратистских «народных республик» террористическими организациями, их «политики» в отношении религиозных организаций политикой дискриминационной, их жертв – жертвами религиозно мотивированного терроризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крым имеет для России сакральное значение, заявил Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20141204/1036533683.html>.
2. Декларация русской идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>.
3. «Православный человек никогда не будет воевать против Новороссии». Интервью с помощником Игоря Стрелкова Игорем Друзем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narodsobor.com.ua/news/view/139/>.
4. Друзь И. Откуда исходит угроза Православию на Украине? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1403468914>.
5. Резолюция XXXIV Съезда РСЕХБ по ситуации в братской Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baptist.org.ru/news/main/view/rezolutsiya-34-sezda-po-ukraine>.
6. Социальная концепция РСЕХБ. – М.: РС ЕХБ, 2014. — С. 15.

Стаття присвячена аналізу релігійних мотивів сепаратизму на Сході України. Як доводить автор, православний фундаменталізм є не менш агресивним, ніж так званий «ісламський», а «російська весна» не менш кривава, ніж «арабська». Оскільки цей різновид православ'я має державну підтримку і претендує на політичну роль, його можна назвати «політичним православ'ям». Більше того, віднедавна « політичне православ'я» проявилось у формі «православного тероризму» на окупо-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

ваних проросійськими сепаратистами українських територіях. Безсумнівно, що спостережуються переслідування людей і груп за релігійною ознакою, є частиною послідовної політики «русского мира».

Ключові слова: релігія, Схід України, сепаратизм, православ'я, «русский мир».

The article is devoted to analysis of religious motives behind of separatism at Eastern Ukraine. As authors theses have shown, Orthodox fundamentalism is no less aggressive than “Islamic fundamentalism”, and the “Russian spring” is no less bloody than its “Arab” counterpart. Because this species of Orthodoxy has government support and aspires to a role in politics, it can be called “political Orthodoxy.” Moreover, recently “political Orthodoxy” has manifested itself in the form of “Orthodox terrorism” on Ukrainian territory occupied by pro-Russian separatists. There is no doubt that the persecution of individuals and groups based on religion that we are witnessing is part of a coherent policy aimed at creating a “Russian world”.

Keywords: religion, East of Ukraine, separatism, Orthodoxy, «Russian world».

REFERENCES

1. Putin said that Crimea has a sacred significance for Russia, available at: <http://ria.ru/politics/20141204/1036533683.html>. (rus).
2. Declaration of Russian identity, available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>. (rus).
3. “Orthodox people would never fight vs. Noworussia”. Interview of Igor Druz, available at: <http://narodsobor.com.ua/news/view/139/>. (rus).
4. Druz I. Where the threat to Orthodoxy in Ukraine?, available at: <http://rusvesna.su/news/1403468914>. (rus).
5. Resolution XXXIV of Congress Union of Evangelical Christians-Baptists of Russia on the situation in the fraternal Ukraine, available at: <http://baptist.org.ru/news/main/view/rezolutsiya-34-sezda-po-ukraine>. (rus).
6. Social concept of UECBR, (2014), UECBR, Moscow, p. 15. (rus).

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 130.2

Владимир ГУРЖИ

аспирант кафедры философии

*Донецкого национального университета, эксперт Украинского
института стратегий глобального развития и адаптации*

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ДОКТРИНЫ «РУССКИЙ МИР» В УКРАИНЕ

В статье проводится анализ изменений социально-политической, религиозной ситуации, а также последствий попыток реализации доктрины «Русский мир» в Украине. Приводятся исторические и теоретические, а также главные идейные основания доктрины «Русский мир», описаны методы экспорта культурных и религиозных ценностей как рычагов проведения внешней политики. Выявлены основания влияния доктрины «Русский мир» в Украине.

Ключевые слова: *«Русский мир», православие, геополитическая доктрина, конфликт в Украине.*

Еще недавно Украину ассоциировали с постсоветским государством, в первую очередь известным в мире благодаря успехам в спорте Андрея Шевченко и братьев Кличко, а также нарушениям свободы слова, слабой экономике и коррумпированной власти. Все изменилось в конце 2013 года, когда протесты в Киеве и некоторых областях привели к бегству властей из страны, что стало настоящим информационным бумом в мире, который со временем только усиливался. Дальнейшие события в Крыму, а затем в Донецкой и Луганской областях привели к настоящей информационной войне, события в Украине не сходят с полос газет и экранов телевизоров, в социальных медиа украинская тематика держит первенство уже больше года. Саммиты первых политиков мира посвящаются событиям в Украине и путям их решения. И все чаще можно услышать мнение, что в Донбассе сейчас решается судьба мира, а возможность III мировой войны как никогда близка. Недавно

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

мощный промышленный центр страны стал ареной борьбы двух «жизненных миров», идеологических систем, способов мировосприятия – Западноевропейской модели развития и «Русского мира». Возможно, именно сейчас проходит становление украинской государственности и выбор модели государственного устройства, который будет адекватно отвечать украинской действительности, однако, что перевесит на весах в финале: человеческая жизнь и количество погибших, разрушенные города или возможность получить «новое государство», которая достаточно опасно балансирует с возможностью потерять независимость?

Распад Советского Союза посеял в умах населения, а также бывших советских политиков и номенклатуры идею утраченной родины и поисков себя в поликультурном мире, который открылся с падением «железного занавеса». К тому времени Россия потеряла статус сверхдержавы, который имел СССР, однако, любым способом пыталась сохранить влияние на бывшие советские республики, которые стали на путь самоидентификации и независимости. Это вылилось в ряд военных конфликтов в начале 1990-х годов в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии и Чечне, однако эти конфликты не были достаточно идеологически проработаны, что привело к потере и без того невыразительного международного имиджа государства. По этому поводу довольно четко высказался бывший председатель комитета Государственной Думы РФ по внешним делам К. Косачев: «Зачастую мы не можем толком объяснить сам смысл нашего присутствия на постсоветском пространстве, полагая это чем-то аксиоматичным. Запад делает это под флагом демократизации, а мы, получается, только во имя себя самих. Но лозунги демократии (даже с учетом явной геополитической подоплеки) адресованы самим народам, а наша активность слишком откровенно преследует российские интересы. Это патриотично, но неконкурентоспособно. Между тем нам следует предлагать что-то во имя самих ЭТИХ стран, понятное и доступное: «рост, модернизация, независимость»; какие-то объединительные, а не пророссийские проекты» [8]. Начиная с 2004 года российские идеологи начали активно искать тех, кого необходимо «защитить». Учитывая компактное проживание этнических русских в бывших советских республиках, долго искать не пришлось. «Российская диаспора предлагает социальную и гуманитар-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ную основу для осуществления интересов Российской Федерации на постсоветском пространстве», «в качестве Геополитической концепции «русский мир» полезен в странах Восточной Европы, которые Россия намерена держать в своей орбите и в которых она готова пойти на интервенцию в случае, если те выберут иную внешнюю политику», – отмечал бывший заместитель главы департамента соотечественников за рубежом А. Чепурин [1]. Защита интересов русскоязычного, православного населения для этого прекрасно подходила. Так появилась необходимость переосмысления «Русского мира» в геополитическую доктрину и политтехнологию.

Дискуссию о «Русском мире», которая велась в России в 1990-х начале 2000-х годов, можно свести к поискам и попыткам сохранить культурную идентичность русского народа, даже найти новую, взамен утраченной советской. В связи с этим часто вспоминают имена Петра Щедровицкого, а также Ефима Островского. По данным «Русского журнала», оба входят в список самых высокооплачиваемых политтехнологов в мире и специалистов по управлению политическими кризисами. Успели они поработать и в Украине, начиная с 1993 года сотрудничали с Л. Кучмой, В. Пинчуком, с 1998-го – с В. Хорошковским, а также некоторыми коммерческими банками, с «Командой озимого поколения» (в которую также входил В. Хорошковский) с 2001 года, а также входили в штаб Натальи Королевской в 2012 году. Проект «Озимого поколения» можно назвать неудачным, однако первая пятерка списка сделала замечательную политическую карьеру в Украине. Учитывая все это, интересно также участие П. Щедровицкого в проекте «Иное. Хрестоматия нового российского самосознания» 1995 года, в котором также приняли участие: А. Кураев, С. Чернышев, В. Каганский, С. Кургинян и многие другие. Это четырехтомное издание, приобрести которое, пока, возможно только в «Русском институте». Суть работы можно свести к тезису одного из авторов: «Иное – философский пароход, который возвращается на родину». В основу положено осмысление тех принципиальных вызовов, которые получила Россия после распада Советского Союза, а также желание, чтобы коллектив авторов обратил внимание на работы друг друга, осмыслив разные идеи. Авторы проекта ставили перед собой цель организовать определенный процесс, объединить

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

похожие, однако разрозненные идеи и донести их специалистам в различных областях науки. «Предположим, что некоторую страну поразил духовный голод. На ней не сеют трансцендентные зерна истины, блага и красоты, не жнут урожай, не молотят, не свозят его в элеваторы и разнообразные закрома, не мелют муку, не пекут хлеб и не распространяют его тем или иным способом через торговую сеть или систему полевых кухонь. Как известно, чем сильнее духовная дистрофия, тем беспощаднее огонь материальной вражды, который невозможно потушить материальными же средствами. В этой ситуации задачей-максимум является возрождение культуры смыслоделия, возделывания духовной почвы. Но первым шагом должно стать осознание самого факта трансцендентного голода, понимание, что функция духовного питания общества, функция целеполагания разрушена, нуждается в скорейшем восстановлении и институционализации», – пишет в предисловии С. Чернышев [2]. Работу Щедровицкого в данном сборнике, а также дальнейшее сотрудничество с Островским, следует считать основой идей «Русского мира» в том виде, в котором мы имеем дело с ним сейчас. Так, именно русский язык становится рычагом расширения влияния «Русского мира» за границу, «Русский мир» и есть сообщество людей, говорящих на русском, неважно где физически они находятся, если духовно они в России. Фактически Россия была вынесена за пределы физического и превратилась, скорее, в культурное явление, поэтому там, где говорят на русском языке, там и Россия. По мнению П. Щедровицкого, это открывало бы доступ России, в первую очередь, к экономической составляющей стран, в которых проживает русская диаспора. Однако в то время подобные идеи считались чисто теоретическими и даже утопическими.

Все изменилось в середине 2000-х годов, постепенно «Русский мир» перешел из интеллектуальных кругов в кабинеты Кремля и Русской православной церкви, став одним из основных векторов во внешней политике России. В первую очередь это связано с высокой привлекательностью и большим мобилизационным потенциалом данной концепции, ведь она не несет в себе политической или социально-экономической ангажированности, только культурные и этические смыслы, не ограничивает Россию только ее границами, а наоборот открывает возможности внешнеполитического влияния на страны, в которых су-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ществует русскоязычная диаспора, становится неважно, кто ты этнически, какие у тебя политические взгляды и социальное положение. Такой подход позволил сделать, казалось, невозможное – появились, например, православные коммунисты с лозунгами наподобие: «Задача номер один для Русского мира – православие и советский проект должны объединить усилия». В конце 2006 года президент РФ В. Путин на встрече с творческой интеллигенцией сказал: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за её пределами. Почаще употребляю это словосочетание – «русский мир» [3]. Чуть позже, в 2007 году, был создан указом президента РФ фонд «Русский мир», которому поставлена цель популяризации в России и мире русского языка и культуры. «Сейчас под эгидой фонда работает 100 Русских центров в 45 странах и 145 кабинетов Русского мира в 56 странах – от Аргентины до Армении». «Мир не состоит из Прибалтики, Украины и некоторых восточно-европейских стран, где происходят какие-то нападения на фонд «Русский мир». Поэтому мы просто с высоко поднятой головой продолжаем свою миссию и будем ее продолжать независимо от того, нравится она кому-то или нет». «За последний год изменился Русский мир, его изменила Украина. Семь лет назад мы говорили о Русском мире как о культурном феномене, мы говорили о мире русского языка и культуры. Сейчас все чаще Русский мир политизируется и становится категорией не столько культурной, сколько политической», – рассказал исполнительный директор фонда Владимир Кочин [4]. А уже в ноябре 2010-го Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил: «Ядро Русского мира – Украина, Беларусь, Россия. Основа Русского мира – русский язык, русская культура, православие. Киев – колыбель русской цивилизации.» [5].

Однако ориентация на диаспору отразилась внутри самой России. Исходя из опросов «Всероссийского центра изучения общественного мнения» в ноябре 2014 года, 71% россиян никогда не слышали понятия «Русский мир», из тех, кто понимает его значение, 52% не относят к нему центральную и западную Украину, однако относят Донбасс (72%) [6]. Комментируя этот опрос, протоиерей В. Чаплин отметил: «Я рад тому, что более четверти наших сограждан уже знают о понятии «Русский мир». Оно ведь новое. Оно появилось всего несколько лет

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

назад, и сейчас идет довольно широкая заинтересованная дискуссия о том, кого к «русскому миру» можно относить, и кто себя сам к нему относит. Мы побеждали многие нашествия с Востока и Запада, победим и тех, кто пытается навязать нам жизнь по чужим правилам. Победим и Америку – не непременно на поле боя, но на поле идей и смыслов. Мы говорим вещи, более очевидные для людей всего мира, мы задаем такие вопросы, на которые не могут ответить люди, которые строят мировую власть. Ибо за нами – правда» [7].

В 2010 году этим же центром был проведен ряд опросов с целью выявить степень религиозности россиян. Исследование показало, что только 2% россиян придерживается Великого поста, а 71% не считает нужным это делать, также лишь 2% исповедуются 1 раз в месяц или чаще, как правило, это те же люди, которые соблюдают пост. Также было выявлено, что 33% россиян не знают ни одной заповеди, а около 15% считают заповедями другие фразы, которые к ним не относятся. По тем же данным, к Русской православной церкви себя относят лишь 41% россиян, еще 25% просто веруют «в бога», а 21% – пытаются верить «больше чем сейчас» [9].

Подобная статистика наводит нас на размышления об идейных основах «Русского мира». Сразу на ум приходят концепции «Москва – Третий Рим», а также «Святая Русь», однако, подобные идеи больше подходят для академических кругов, из которых «Русский мир» вышел. Как отметил в 2010 году на круглом столе «Украинский мир и Русский мир. Антропоаспект» С. Градировский, «дискуссия стихла, потому что в России стала доминировать грубая сила. А еще позже словосочетание «Русский мир» подхватил Никонов, создал фонд, начал делать проекты, все это с другими деньгами и другим политическим весом. За тему взялся и новый патриарх. Но, надо признать, РМ отныне выглядит как геополитический, и еще больше как бизнес-диаспоральный проект» [10].

Когда «Русский мир» был взят на «вооружение» российской властью, для популяризации и большей доступности, если можно так сказать, создания определенной заинтересованности у населения, его максимально идеологически упростили. Поэтому к идейным основам, скорее, следует относить идеи «Оплот православия», «Деды воевали» и, как производную от предыдущих, «Крым – наш».

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Утверждение первое: РПЦ – основа Вселенского православия и единственная церковь, которая сохранила аутентичную веру. Эта идея возвращает нас к Ферраро-Флорентийскому собору середины XV века, на котором христиан восточного обряда представляли иерархи Константинополя и Киева. После принятия Флорентийской унии Киевский митрополит получил сопротивление в Москве, где находилась его резиденция, и уехал в Рим, а от Киевской церкви отделилась Московская не каноническим способом. Фактически собор, который был призван уменьшить противоречия, углубил раскол между западной и восточной ветвями христианства. После падения Константинополя, уния потеряла свое политическое значение, а религиозного, кажется, никогда и не имела. Итак, Вселенское православие базируется на идее «Пентархии», то есть 5 древних и ключевых церквей для христиан восточного обряда, в их состав входят: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская и Кипрская канонические поместные церкви. Также весьма интересна фраза из томоса Вселенского патриарха Григория VII от 13 ноября 1924 года: «Первое отделение от Нашего Престола Киевской Митрополии и зависимых от нее Православных Митрополий Литвы и Польши, а равно приобщение их к Святой Московской Церкви наступило не по предписаниям канонических правил, а также не соблюдение всего того, что было установлено относительно полной церковной автономии Киевского митрополита, носившего титул Экзарха Вселенского Престола» [11].

Утверждение второе: Россия самостоятельно победила в Великой Отечественной войне, освободив Европу от фашизма. Истоки этой идеи происходят, во многом, из советской пропаганды, однако, новое измерение ей придало выступление В. Путина в декабре 2010 года: «Теперь по поводу наших отношений с Украиной ... Я позволю с вами не согласиться, когда вы сейчас сказали, что если бы мы были разделены, мы не победили бы в войне. Мы все равно бы победили, потому что мы страна победителей... Война выиграна, не хочу никого обижать, за счет индустриальных ресурсов РФ. Это исторический факт, это все в документах» [12]. Начать необходимо с того, что Вторая мировая война – это глобальный процесс, в котором принимали участие 63 государства, на трех континентах и в водах четырех океанов. Это самый большой воо-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

руженный конфликт за всю историю человечества, общее количество погибших, предположительно, 65 000 000 человек. СССР действительно одна из стран победительниц, однако, это союз, в состав которого входило 15 республик, и Россия лишь одна из них. Например, потери Украинской ССР – примерно 45% от общих потерь СССР в войне. Название «Великая Отечественная война» употреблялось в Советском Союзе, сейчас – в России и некоторых бывших республиках, мир не называл отдельными войнами противостояния нескольких государств во Второй мировой войне, подобное название не упоминается в западных источниках, а рассматривается лишь как период участия СССР в конфликте. Советская пропаганда пыталась свести всю войну к противостоянию СССР и Германии, и в определенном смысле ей это удалось, однако соответствует ли это действительности? Особая роль отводится «Дню Победы», который для других стран-участниц – день траура по погибшим, день скорби и напоминание о трагедии, едва не приведшей к гибели человечества. В СССР, а сейчас в России и некоторых бывших республиках, этот день символизирует один из самых больших праздников, который подчеркивает военную мощь государства.

Сочетание двух предыдущих идейных основ представило третью – «Крым – наш». Приходит в голову разговор В. Путина с Дж. Бушем в 2008 году на саммите НАТО в Бухаресте: «Ты же понимаешь, Джордж, что Украина – это даже не государство! Что такое Украина? Часть ее территорий – это Восточная Европа, а часть, и значительная, подарена нами!» – заявил президент РФ [13]. Это было, пожалуй, первое открытое и агрессивное выступление В. Путина, в котором государственность Украины ставилась под сомнение.

«Для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам и иудаизм. И именно так мы будем к этому относиться отныне и навсегда, ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как его называли русские летописцы – Корсунь, принял крещение князь Владимир, а затем крестил всю Русь», – сказал президент РФ В. Путин в обращении к Федеральному собранию в декабре 2014 года [14]. Можно бесконечно долго говорить о том, что Путин в выступлении противоречит сам себе, Вла-

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

димир был Киевским князем, Москвы еще не было, россиян тем более, что до крещения всей Руси было еще далеко, а первая печатная Библия вообще появилась на этой территории только в конце XVI века и так далее. На самом деле, в этой ситуации нужно быть с собой максимально откровенным: уже неважно, были ли выборы в Крыму легитимными, была ли там русская армия и действительно ли Крым так хотел вернуться в Россию. Важно то, что в настоящее время – это территория другого государства и для Украины, пожалуй, утрачена. Крымом обладает тот, чей флот там базируется. Украинского флота там нет. В конце февраля 2014-го новое руководство Украины не смогло удержать часть своей территории и, кажется, ничего для этого не сделало, апелляции к принципу нерушимости государственных границ и призывы к странам Западной Европы, а также США нельзя считать адекватными мерами. Это выглядело так, будто вам отсекают ногу, а вы рассказываете о принципах гуманизма и человеческой жизни как высшей ценности. Главный вопрос «Крым – это Украина или Россия?», возможно, остается, хотя у автохтонного населения – крымских татар, пожалуй, есть свое мнение по этому поводу.

Постоянные апелляции властной верхушки российского государства к православию, его ключевой роли в строительстве государства и русском самосознании подталкивают нас к осмыслению деятельности Русской православной церкви и Украинской православной церкви Московского патриархата на территории Украины. Прежде всего, следует обратиться к статистическим данным, для более четкого понимания масштаба и возможностей этой организации. По данным «Центра Разумкова» [15], по состоянию на 2014 год 76% населения Украины относят себя к «верующим», независимо от того, посещают церковь или нет. 70,2% относят себя к православным, из них к Московскому патриархату – 24,8%, Киевскому патриархату – 31,9%, «просто православный» ответило 39,8% опрошенных. Например, в Донецке при поддержке УПЦ МП существует телеканал КРТ, а также издается 3 православных журнала и 2 газеты. И это при том, что на востоке страны к верующим себя относят 62% людей, а, например, на западе – 93%. Представители Киевского патриархата подобную деятельность не ведут, а доля греко-католиков чрезвычайно мала. Подобная деятельность не ограничивается

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

газетами и телевидением. Если заниматься анализом программных документов «народных республик», например, конституции ДНР, можно увидеть следующее: «МЫ, ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, ощущая себя неотъемлемой частью Русского Мира как русской цивилизации, общности русских и других народов, мысля нераздельность судьбы всего Русского Мира и желая по-прежнему оставаться ее участниками, оставаясь приверженными идеалам и ценностям Русского Мира и чтя память предков, проливших кровь за эти идеалы и ценности и передавших нам любовь и уважение к общему Отечеству, исповедуя Православную веру (Веру Христианскую Православную Кафолическую Восточного Исповедания) Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) и признавая ее основой основ Русского Мира, а также сознавая историческую ответственность и выражая волю многонационального народа Донецкой Народной Республики, выраженную в решении референдума от 11 мая 2014 года, следуя общепризнанным принципам равноправия и самоопределения народов и провозглашая незыблемость демократических принципов формирования и осуществления власти, подтверждаем государственный суверенитет Донецкой Народной Республики на всей её территории и создание суверенного независимого государства, ориентированного на восстановление единого культурно-цивилизационного пространства Русского Мира, на основе его традиционных религиозных, социальных, культурных и моральных ценностей, с перспективой вхождения в состав Большой России как ореола территорий Русского Мира, и принимаем настоящую Конституцию Донецкой Народной Республики» [16]. Бывший советник министра обороны ДНР по информационной политике в августе 2014 г. в своем интервью заявил: «С украинской стороны православных нет вообще, потому что ни один воцерковленный православный человек не пойдет воевать против Новороссии, потому что знает, что единство Святой Руси угодно Богу. Все святые, которые говорили на эту тему, единогласны в том, что Святая Русь должна быть единая. А вот укро-фашисты как раз и являются сепаратистами и хотят отколоть Новороссию от Святой Руси и присоединить ее к загнивающему воинствующему Западу. Поэтому церковных людей с украинской стороны нет вообще. В карательных батальонах в основном униаты,

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

раскольники, неоязычники и сектанты. Среди армейских солдат много людей, формально крещеных в Украинской Православной Церкви Московского патриархата, но не знающих даже азов православного вероучения, Символа веры» [17]. В состав так называемых «вооруженных сил» ДНР и ЛНР входят подразделения, позиционирующие себя как религиозные. Например, «Русская православная армия», пожалуй, самое известное из подобных подразделений, существуют также православный батальон «Восход», Легион Святого Иштвана, батальон Пресвятой Богородицы Августовской «Август». Такими действиями в общий рисунок конфликта были внесены религиозные мотивы с последующими попытками вывести их на передний план, якобы истинно православные воины защищают веру своих предков, что-то подобное закреплено в конституции ДНР. Конечно, официальная позиция РПЦ и УПЦ МП является достаточно четкой, например, протоиерей Г. Коваленко, председатель Синодального информационно-просветительского отдела УПЦ МП в июне 2014 года заявил: «Русская Православная Церковь не благословляла «Русскую православную армию» воевать за «русский мир» [18]. Подобная реакция церковных иерархов не удивительна, РПЦ не может позволить себе официальную поддержку «республик» и потерю остальной части Украины, однако, официально в Украине нет ни войны, ни российских солдат.

Исходя из всего вышеизложенного, возникают вопросы, действительно ли в Донбассе были и есть такие сильные позиции «Русского мира»? Возможно, имеет место разное видение украинской государственности, разыгранное «внешними силами»? И как так получилось, что на административной территории, на которой за время независимости не произошло практически ни одного протеста или забастовки и население которой является наименее религиозным в стране, появились фактически «религиозные армии», которые отстаивают «свой жизненный уклад и веру предков»? Вопросы достаточно сложные и вряд ли имеют однозначные ответы, приемлемые для всех участников конфликта. На самом деле Россия никогда не видела Украину независимым государством, например, в сборнике Института Европы РАН «Украинский кризис: экспертная оценка» [19], который вышел в конце 2014 года, можно проследить следующие тенденции: распад Украины – естествен-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

ный процесс, продолжение распада СССР. Украина – искусственная страна, насильственное собрание разных народов с разной идентичностью. Также отмечают, что российская наука никогда не занималась комплексным изучением Украины, считая ее частью себя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «добровольцы» из России защищают «свою» землю, православную веру и традиции на территории Украины. Такое сочетание элементов православного христианства, идеологии, геополитических концепций с неустойчивой государственной ситуацией, неудачными шагами власти в управлении страной, тяжелым экономическим положением в сумме дало восточнукраинский конфликт. Эта ситуация не возникла одновременно вместе с окончанием «Евромайдана», а стала следствием длительной незаинтересованности государства в решении, прежде всего, идеологических вопросов, а также небрежной информационной политики, недостаточной популяризации украинского языка и культуры, а также отсутствия идеи украинства, не противоречащей локальным культурным особенностям определенной территории, а, наоборот, дополняющей ее. Были ли у нее решения? Пожалуй, что существовала определенная последовательность из удачных политических и экономических, а также силовых шагов, которые могли бы привести к улучшению ситуации. Были ли стороны конфликта заинтересованы в решении? Очевидно, у каждого из нас есть свой ответ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин, симуляция консерватизма, или Русская агентура на Западе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gilgames-feanor.livejournal.com/75254.html>.
2. «Хрестоматия нового российского самосознания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/inoc/>.
3. Мы русский мир построим! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg492006/Polosy/1_1.htm.
4. Притяжение русского мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?subaction=showfull&id=1409560529&archive=1409042400&start_from=&ucat=14&.
5. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира [Электронный ресурс]. –

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>.

6. ««Русский мир» и как его понимать?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115074>.

7. Русский мир немыслим без православия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/religion/20141208/1037121524.html>.

8. Konstantin Kosachev, Нефтегазовая дипломатия как угроза маргинализации, *Nezavisimaya Gazeta* (Dec. 28, 2004), http://www.ng.ru/world/2004-12-28/5_uspeh.html.

9. Религиозность россиян и европейцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96_1/2010_2\(96\)_10_Kofanjva.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96_1/2010_2(96)_10_Kofanjva.pdf).

10. Русскій Міръ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/okara/4c48444962e33/>.

11. Короткий опис проголошення автокефалії основних Помісних Церков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cerkva.info/icd/203-declaracia-5-2.html>.

12. Путин: Мы бы победили в Великой Отечественной войне и без Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sensor.net.ua/video_news/146646/putin_my_by_pobedili_v_velikoyi_otechestvennoyi_voyine_i_bez_ukrainy_dobavleno_video.

13. Путин: ты же понимаешь, Джордж, что Украина — это даже не государство! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unian.net/politics/108325-putin-tyi-je-ponimaesh-djordj-chto-ukraina-eto-daje-ne-gosudarstvo.html>.

14. Послание Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruinform.com/page/vladimir-putin-dlja-rossii-krum-drevnjaja-korsun-hersones-sevastopol-imejut-ogromnoe-civilizacionnoe-i-sakralnoe-znachenie>.

15. Україна-2014: суспільно-політичний конфлікт і церква [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.razumkov.org.ua/upload/1403784760_file.pdf.

16. Конституция Донецкой народной республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrespublika.info/%D0%BE-%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5/konstituciya-doneckoj-narodnoj-respubliki/>.

Геополітичні передумови виникнення конфліктної ситуації на Востокі України

17. Игорь Друзь: «Православный человек никогда не будет воевать против Новороссии» [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/27055-igor-druz-pravoslavnyj-chelovek-nikogda-ne-budet-voevat-protiv-novorossii.html.

18. Пресс-секретарь УПЦ МП: Церковь осуждает «политическое православие», когда для достижения земных целей используют религиозную риторику [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://gordonua.com/news/separatism/Press-sekretar-UPC-MP-Cerkvosuzhdaet-politicheskoe-pravoslavie-kogda-dlya-dostizheniya-zemnyh-celey-ispolzuyut-religioznuyu-ritoriku-27530.html>.

19. Украинский кризис: экспертная оценка [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sov-europe.ru/2014/3/Ukk.pdf>.

20. Україна та проект «руського мира» [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.niss.gov.ua/public/File/2014_nauk_an_rozrobku/Rus_mir.pdf.

21. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/056_E.I.Pivovar.pdf.

22. Навернення малоросів: доктрина «Русского мира» як стимул до побудови нової універсальної української ідентичності [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.pnpu.edu.ua/bitstream/123456789/1378/1/Okara.pdf>.

У статті проводиться аналіз змін у соціально-політичній, релігійній ситуації, а також наслідків спроби реалізації доктрини «Русській мір» в Україні. Наводяться історичні і теоретичні витoki, а також головні ідейні засади доктрини «Русській мір», описані методи експорту культурних і релігійних цінностей як важелів у проведенні зовнішньої політики. Виявлено підґрунтя впливу доктрини «Русській мір» в Україні.

Ключові слова: «Русській мір», православ'я, геополітична доктрина, конфлікт в Україні.

The article analyzes the changes in the socio-political, religious situation and the consequences of attempts to implement the doctrine of "Rusky Mir"

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

in Ukraine. We present theoretical and historical origins and main ideological foundations of the doctrine "Russian Mir", describes methods for exports of cultural and religious values as leverage in conducting foreign policy. Found ground impact doctrine "Russian Mir" in Ukraine.

Keywords: "Rusky Mir", Orthodoxy, geopolitical doctrine conflict in Ukraine.

REFERENCES

1. Livejournal.com, available at: <http://gilgames-feanor.livejournal.com/75254.html>.
2. Otherwise. Readings of the new Russian identity, available at: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/>.
3. Literary gazette, available at: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg492006/Polosy/1_1.htm.
4. Strategy of Russia, available at: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?subaction=showfull&id=1409560529&archive=1409042400&start_from=&ucat=14&.
5. Official site of the Moscow Patriarchate, available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>.
6. Wciom, available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115074>.
7. Ria, (2015), available at: <http://ria.ru/religion/20141208/1037121524.html>.
8. Nezavisimaya Gazeta (Dec. 28, 2004), available at: http://www.ng.ru/world/2004-12-28/5_uspeh.html.
9. Wciom, available at: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96_1/2010_2\(96\)_10_Kofanjva.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96_1/2010_2(96)_10_Kofanjva.pdf).
10. Pravda, blogs, (Febr. 21, 2015), available at: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/okara/4c48444962e33/>.
11. Official site of the Kiev Patriarchate, available at: <http://www.cerkva.info/icd/203-declaracia-5-2.html>.
12. Censor, (dec. 16, 2010), available at: http://censor.net.ua/video_news/146646/putin_my_by_pobedili_v_velikoyi_otechestvennoyi_voyine_i_bez_ukrainy_dobavleno_video.
13. UNIAN, (Apr. 7, 2008), available at: <http://www.unian.net/>

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

politics/108325-putin-tyi-je-ponimaesh-djordj-chto-ukraina-eto-dajene-gosudarstvo.html <http://www.unian.net/politics/108325-putin-tyi-je-ponimaesh-djordj-chto-ukraina-eto-dajene-gosudarstvo.html>.

14. Informer (Dec. 04, 2014), available at: <http://ruinform.com/page/vladimir-putin-dlja-rossii-krym-drevnjaja-korsun-hersones-sevastopolimejut-ogromnoe-civilizacionnoe-i-sakralnoe-znachenie>.

15. Ukraine 2014: socio-political conflict and the church, available at: http://www.razumkov.org.ua/upload/1403784760_file.pdf.

16. DNR information portal, available at: <http://dnrespublika.info/%D0%BE-%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B5/konstituciya-doneckoj-narodnoj-respubliki/>.

17. Druz I., Religion in Ukraine, available at: http://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/27055-igor-druz-pravoslavnyj-chelovek-nikogda-nebudet-voevat-protiv-novorossii.html.

18. Gordon, available at: <http://gordonua.com/news/separatism/Presssekretar-UPC-MP-Cerkov-osuzhdaet-politicheskoe-pravoslavie-kogdadlya-dostizheniya-zemnyh-celey-ispolzuyut-religioznuyu-ritoriku-27530.html>.

19. Fedorov V.P., Ukrainian crisis: expert assessment, available at: <http://www.sov-europe.ru/2014/3/ukk.pdf>.

20. Analytical report, (2014), Ukraine and project «Russian World», available at: http://www.niss.gov.ua/public/File/2014_nauk_an_rozrobku/Rus_mir.pdf

21. Plenary Session «Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: The Making of Global Culture», available at: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/056_E.I.Pivovar.pdf.

22. Publicistica, available at: <http://dspace.pnpu.edu.ua/bitstream/123456789/1378/1/Okara.pdf>.

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 130.2

Тарас МОШОВСКИЙ

кандидат философских наук, эксперт Украинского института стратегий глобального развития и адаптации

УКРАИНА: РОЖДЕНИЕ ИЛИ ПРОБУЖДЕНИЕ СУБЪЕКТА ИСТОРИИ

В статье предпринята попытка увидеть современный восточнуукраинский конфликт не как противостояние Запада и России или внутренний гражданский конфликт, а исходя из самой Украины, из специфики, закономерностей развития украинской истории, ее внутренних детерминант и места в истории европейской (христианской) цивилизации, через попытку проследить от времен Киевской Руси до киевских Майданов XXI века единство исторического действия, единую историческую субъектность украинской (русской) культуры.

Ключевые слова: *субъект истории, украинская нация, католическая Русь, Русь, восточнуукраинский конфликт.*

Фабио Беллафатти в своей свежей заметке «Новый Ориентализм. Колониальные влияния в западных мнениях о Украине» [1] упрекает западных интеллектуалов во вполне колониальном видении Украины. Такой вывод автор делает, сопоставляя тезис Эдварда Саида из хрестоматийной уже для любых постколониальных исследований работы «Ориентализм», которая увидела свет в 1978 году, с последними опусами западных экспертов об украинском конфликте. Как азиатским обществам, так и Украине Запад фактически отказывает в праве быть субъектом истории, а не только ее объектом. Не то, чтобы нас принципиально лишили такого права, скорее, западное видение украинской истории и современности заставляет западных интеллектуалов мыслить нас именно в категориях объекта.

Так ли на самом деле, отвечает ли действительности такое видение Украины либо это попросту недостаточное, или не до конца кор-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

ректное видение Украины на Западе? Попробуем выяснить, правда ли Украина только теперь становится субъектом истории или у ее субъектности есть какая-то традиция в *longue durée* украинской истории.

Прежде всего, определимся с понятиями. Не углубляясь излишне в теорию, скажем, что под субъектом истории мы понимаем общность, которая способна самостоятельно влиять и влияет на ход собственной, а как следствие – и не только своей истории. Ярким примером тут, конечно, будут нации-локомотивы (англичане, французы, немцы, русские), то есть те нации, которые постоянно являются авангардом европейской истории и продуцируют тренды, за которыми следуют другие. Объектами же истории становятся народы, над которыми вершится история.

Что же делает объект истории ее субъектом?

Прежде всего стоит отметить, что субъект – это актор, т.е. действующий феномен. А любому действию предшествует целеполагание, ибо действовать – значит действовать ради определенной цели. Так вот в момент, когда определенная общность приобретает свою цель, она, во-первых, становится субъектом истории, т.к. начинает двигаться к поставленной цели, понимая путь к реализации цели как собственную миссию, что и наполняет содержанием существование общности. Возвращаясь к национальному бытию, мы вынуждены констатировать, что именно в этот момент нация и становится нацией. Именно осознание собственной цели, миссии собственного существования начинает тот путь, который будет протаптывать себе нация. Старт этого пути и становится моментом рождения нации, которая может родиться то ли из культурных общностей (евреи, немцы, поляки), то ли из политических (американцы, швейцарцы, австрийцы¹). Начало этого исторического пути к определенной миссии и есть становление субъекта истории, т.к. это и есть начало действия – реализации собственной цели. Итак, собственно бытие субъектом истории и конституирует нацию.

Вполне очевидно, что такое целеполагание на уровне больших общественных образований не может быть делом единогласного одобрения на вече, раде, общем собрании «акционеров» или референдуме. Каким же образом формируется и выявляется та цель, которая придает смысл

¹ Последние, как раз, отличный пример того, как нация рождается из династического государства.

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

существования целому народу? Такая нелегкая судьбоносная миссия ложится на плечи интеллектуалов. Ярким примером этому могут служить центральноевропейские Рисорджименто², двигателем которых были поэты-романтики, кое-где, как это было, например, в Словении – священники. Именно в среде «высокой культуры» (в ее геллнеровском понимании) возникает рефлексия касательно национального бытия целой общности. Основанием, материалом для такой рефлексии служит «низкая культура» во всем ее многообразии. В конце концов, цель национального существования не берется ex nihilo, она имплицитно присутствует в истории народа, является той конститuentой, что обеспечивает континуальность и сознание своей самости на дорогах истории. Фактически это тот первый, академический этап национального возрождения по М. Хроху [2]. Следующий этап – популяризация выработанных интеллектуальных идей. В классическом хроховском варианте она происходит, главным образом, через университетскую кафедру. Зато, на наш взгляд, для запоздалых центральноевропейских наций, которые частенько не имеют своей кафедры, такая популяризация вполне может происходить через литературное творчество, через «феномен» поэтов-пророков, который не полностью совпадает с более известными будителями-народниками. Такие поэты призваны возобновить в коллективном сознании связь прошлого с настоящим и будущим, убаюканную временем порабощения, способствуют, тем самым, возрождению народа как субъекта истории, что означает проявление цели национального существования, фактически той миссии, которая возложена на народ, является его крестом, который ему суждено нести по своей *via dolorosa* истории. Концептуализация такой миссии повсеместно происходит в христианских рамках, хотя может иметь внеили дохристианское наполнение.

Фигура поэта-пророка или пророка-будителя рождена романтизмом. Гений народа, который сподобился артикулировать национальные архетипы, способные звучать различными звуками, лаская или раздирая душу того или иного представителя нации, словом, каждого. Творчество такого литератора выходит далеко за рамки литературы или философии, это артикуляция того самого *Volksgeist*, который до сих пор был скрыт за покровом тайны для своих носителей.

2 Национальные возрождения.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

И речи быть не может о том, что Т. Г. Шевченко, как и его «коллеги-пророки» А. Мицкевич, Ш. Петефи, Й. В. Гете, В. Чавчавадзе, Г. Ибсен и т.д., выполнили свою миссию сознательно, однако, именно в этом их гениальность (та самая инспирация свыше, то ли от Бога, то ли от национального духа), чтобы интуитивно, непринужденно, возможно, даже не заметив, повернуть развитие мировой истории на качественно новый этап, выведя на авансцену истории новые формирования – нации. М. Хайдеггер писал в своей работе «О сущности истины»: «Лишь там, где само сущее, собственно, возвышается до своей незакрытости и сохраняется в ней, лишь там, где это сохранение понимается с вопроса о сущем, начинается история» [3, 18]. Именно открытие истории как основы национального бытия было актуальной задачей романтиков, интуитивное открытие незакрытости тайн, архетипов – сущности национального бытия, которая традиционно открылась как история, к тому же история национальная.

Заключительной стадией, по М. Хроху, становится политическая, когда нация, осознав свою миссию, и таким образом став субъектом истории, начинает борьбу за собственное государство, политическую реализацию.

Однако фактором, который инициирует процесс нациетворчества, становится осознание собственной религиозной миссии среди равных перед Господом, но отличных совокупностей. Центром кристаллизации этого национального мессианства становятся особенности религиозно окрашенного осознания своей общности, которые достигают дохристианских времен, но переинтерпретированы и специфически осознаны именно в христианском поле. Перекрещиваясь, две религиозных парадигмы не творят нацию, но делают ее возможной.

Если дохристианские образы сформировали первичный грунт для различения общности необходимого негативного этапа идентичности «мы не...», то для позитивного «мы есть...» было необходимо нечто иное. Именно европейское христианство и сделало возможной нацию, именно оно дало ей главное оружие – концепт истории линейного времени. Лишь в рамках времени, концептуализированного христианством как линейный последовательный процесс, стало возможным осознание протяжности, континуальности бытия вообще и бытия его составляю-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

щих в частности. Нация – это, прежде всего, память, историческое сознание, которое сознает себя как носитель четко определенной миссии. В результате того, что генезис нации – процесс, который принадлежит интеллекту европейскому, то и миссия оформляется в исторически приемлемом, понятном, обычном христианском облике. Осознанная подобным образом миссия инвариантна – возглавить общечеловеческое движение к спасению. Собственно, эмпирическое разнообразие нации творит разнообразное понимание путей и тропинок, которые ведут к спасению: от популяризации завоеваний верховенства демократических ценностей (очевидно основанных на библейских интенциях), как у французов, до идеи достижения царства небесного преследуемыми и униженными, которые и станут инициаторами вселенского братства и равноправия (идеи, на которых возникли славянские национальные возрождения XIX века). Метафизические основания ни античности, ни средневековья не позволяли нации родиться, поэтому нация – это объект исключительно современной реальности, которая в общественном пространстве заменила своего предшественника – династическое государство.

Теперь вернемся к Украине. На первый взгляд может показаться, что события последнего десятилетия в Украине и есть рождение субъекта истории под названием Украина. Здесь, знаете ли, все сходится – формирование гражданского общества, которое якобы только теперь появляется в Украине. Особенно хорошо это видно по событиям 2014 года (и тенденция продолжает жить), когда именно самоорганизация общества подкосила украинского Левиафана, стала тем выразительным актом действия, который разбудил украинцев к тому, чтобы самостоятельно решать свою судьбу, т.е. действовать на благо собственной цели. Попутно отметим, что украинские философы Игорь и Ярослав Пасько [4] связывают, и достаточно основательно, рождение европейских наций именно с формированием гражданского общества, когда само общество начинает через представительские институты разного уровня нести за себя ответственность, делегированную ранее монархам. Именно так, в этой неразрывной связке именно ответственность является первичной, свобода приходит только после ответственности, к тому же как ее необходимое продолжение. Именно взяв ответственность за себя

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

зимой 2014 года украинцы протоптали дорогу свободе. Сложилась уникальная ситуация, когда фактически общество на ограниченной территории Майдана оказалось способным на воспроизведение полноценного государства с медицинской системой, армией и милицией. Причем очевидцы процесса часто свидетельствуют, что функционировала эта система, по крайней мере, не хуже, чем официальное государство со всем бюрократическим аппаратом и ресурсами.

Не точно ли так спонтанно самоорганизовывалась Запорожская Сечь? Не является ли это социальное образование прообразом гражданского общества на наших территориях? Интересно, что, по мнению многих исследователей, одной из предпосылок рождения современного западного общества стало появление университета. На киевском Майдане тоже были открыты лекции на Барбакане. Все это – интересные исторические параллели, которые еще ожидают своего изучения.

Короче говоря, похоже на то, что последние события породили нового субъекта истории – украинскую нацию. Но так ли уж свеж и нов этот украинский субъект?

Что бросается в глаза западному интеллектуалу (равно как и российскому), недостаточно знакомому с украинской историей? Украина, ее территории и население постоянно оказывались в эпицентре событий и в сфере влияния более могущественных соседей: Московии (Российской империи), Речи Посполитой, Османской и Габсбургской империй и т.д. Т.е. все эти несопоставимо более могущественные силы управляли Украиной на протяжении всей ее истории, что, безусловно, на первый взгляд, не дает возможности говорить об исторической субъектности украинства. Но... По всем законам жанра в таких условиях украинцы должны были бы раствориться среди этих окружающих субъектов, усвоив их культуры, и приняв их миссии как свои, т.е. ассимилироваться.

В то же время очевидно, что это не так. Ни одно из больших политических образований, которые господствовали на территории Украины, не смогло ассимилировать украинцев, хотя безусловно, все внешние предпосылки этому содействовали. Т.е. существовало нечто, что держало украинцев вместе, нечто не давало утратить собственную идентичность, нечто, согласно нашему предположению, что осознавалось как собственная миссия.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Как мы уже отмечали, осознание миссии, которая конституирует национальное бытие, обычно происходило в категориях христианских. Соответственно и украинскую (русинскую, рускую³) цель стоит искать в этом русле. И тут следует поставить несколько вопросов, которые требуют ответа.

Природа христианства Киевской Руси и его наследие. Вопреки традиционной версии о принятии образцов христианства из Византии, возникает все больше голосов, ратующих об уникальности киеворусской христианской традиции. Как бы там ни было, Русь, будучи восточным форпостом христианского мира, должна была осознавать свою уникальную миссию обороны христианства, в начале территориально от орд с востока, а потом...

... а потом и институционально. Ведь после падения Киева в 1240 году значительная часть Руси оказывается под властью Орды. Причем, в то время как на южных землях возникают зачатки казачества, рыцарского феномена, для продолжения борьбы за Русь (если не в политическом, то прежде всего в религиозном смысле), Русь северо-восточная ищет пути, и не безуспешно, сотрудничества и адаптации в условиях подчинения Орде (будучи вынуждена, таким образом, перенимать ментальные и политические традиции кочевников). Интересно, что в момент возникновения идеи Москвы-Третьего Рима, Москва вменяет в вину Константинополю потерю независимости и подчинение последнего Османам-мусульманам, в то же время будто не замечая своей зависимости от тоже далеко не православной Орды. Когда на московский княжеский трон садятся финно-угры, которые подчиняются татаро-монгольским, ордынским сюзеренам, сложно говорить о сохранении киеворусской культурной традиции.

В это же время южная Русь также теряет независимость и попадает под власть Великого Княжества Литовского. Однако отношения между завоевателями и завоеванными развиваются совсем в ином русле, по стратегии покорения германскими племенами Рима. Когда завоеватель,

3 Названия русский, русинский, рутенский в данной работе употребляются как синонимичные, относящиеся к общности людей, которая проживала на территориях Древней Руси, соотносила себя с древнерусской киевской традицией в противовес идентичностям польской, литовской или московской.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

обозначив свое политическое и военное доминирование, не только не старается повлиять на местную культурную традицию, но и сам перенимает ее. Фактически, в отличие от северо-восточной Руси, южная Русь сохраняет свою культурную, религиозную и даже цивилизационную самость в новых политических условиях «литовского шатра», по меткому утверждению С. Плохия [5].

Фактически именно сохранение русской идентичности на территориях Украины-Руси и обеспечило национальное возрождение Украины, которое с XVII в. начинает быть головной болью для более могущественных соседей. Именно Киев – как концентр Руси, стоит в центре украинского движения от Хмельниччины и до времен УНР-Директории и П. Скоропадского. Даже когда Московия при Петре I переименовывается в Россию, с очевидной претензией на монополизацию прав древнерусского наследия, именно Киев продолжает быть *axis mundi* украинского (русинского) национального бытия, той пуповиной, которая ментально связывает Украину с Русью. Очевидно, что это также чувствует и российская культура и политика, понимая, что без Украины (которая часто может в российской мысли называться иначе) российский проект неполноценен. Понимание прослеживается практически во всем, от средневековых претензий на киевский престол, до речей В. Путина о «Храмовой горе» в Херсонесе, что, безусловно, по мысли оратора, имеет закономерную экстраполяцию и на склоны Днепра.

Время пребывания Украины в составе Речи Посполитой. В традиционной российской и советской историографии принято отчитываться о жестоком окатоличивании и полонизации русского населения, побочным продуктом которого, очевидно, и стали украинцы, которые в массовом сознании часто воспринимаются как «испорченные поляками русские», «запутавшиеся в своей истории», как недавно сказал патриарх Московский Кирилл. Что же произошло на самом деле?

На подотчетный период, конец XVI – начало XVII столетия, на территории Руси существовал серьезный слой населения, который был носителем как бы двух типов идентичности: политической – речпосполитской, и этнической – русской. Это нашло свое отражение в известном латинском выражении *genti Ruthenis, nationi Poloniae*. Подавляющее большинство активных членов общества принадлежало к католическо-

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

му вероисповеданию, что, впрочем, не мешало им четко проговаривать собственную рускую идентичность. Наиболее известным и ярким примером может быть С. Ориховский-Роксолан, чьи слова *Ruthenum me esse et gloriar et libenter profetior*⁴ могут быть девизом всей католической Руси середины-конца XVI века. Такое население Речи Посполитой для истории оставило два значимых культурных артефакта, известные как Добромильский кружок (во главе с Я. Щесным-Гербутом) и Киевский кружок, который объединялся вокруг фигуры киевского католического епископа Й. Верещинского. Нестандартность этого явления (речь идет об отсутствии привязки православный-русин) обусловлена причастностью к европейским культурным кругам через учебу в университетах Западной Европы. Этот факт обуславливал речеполитскую идентичность представителей Католической Руси, определенную политическую привязанность к юридическим нормам и власти короля. Однако четко выраженная руская идентичность в полной мере отрицает утвердившийся в отечественной историографии тезис о деструктивной роли католицизма в воспитании русской шляхты конца XVI века. Примечательно, что практически все письменные источники, которые оставили после себя представители Католической Руси, написаны на латыни, однако, – это, скорее, не свидетельство полонизации и дерусификации авторов, а аргумент в пользу отсталости собственной культуры и языка, которые не могли удовлетворить культурные потребности образованного населения вне церковного употребления. Пользуясь латынью для выражения собственных творческих наработок, русины-католики все же оставляют без сомнения свою рускую идентичность. Собственно анализ имен, которыми подписывали собственные произведения представители католической Руси, не позволяет говорить об их полонизации⁵. Вскользь обратив внимание на ономастику, можем прийти к выводу, что руская идентичность этих людей была вынесена на самый фронт их деятельности. Вполне очевидно, что с кризисом православия

4 «Я - русин, этим горжусь и об этом открыто заявляю».

5 Станислав Ориховский-Роксолан (Orichovius-Roxolanus, Orichovius-Ruthenus), Туробинский-Рутенец (Turobinus-Ruthenis), Павел из Кросна (Paulus Ruthenus Crosnensis), Георгий Тичинский (Tyczyniensis-Ruthenus), Григорий Чуй-Самборский (Gregorius Vigilantius Samboritanus Ruthenus) и т.д.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

как общекультурной матрицы рутенского народа, именно эти русины с католическим *Sredo* смогли поднять флаг местной культурной традиции, не прервав ее развитие, и даже, попытались вписать рускую культуру в общеевропейский контекст. Такое «вписывание» состоялось благодаря привнесению идеалов гуманизма и других ренессансных ценностей, которыми так наполнены произведения представителей католической Руси.

Католическое вероисповедание – это, скорее, реакция на упадок православия не только как чисто церковного явления, но и как культурной доминанты. Очевидно, что когда человек чувствовал потребность не только в умении читать, писать и знать Библию, но и приобщиться к ведущим интеллектуальным течениям своего времени, тут речь идет в частности о гуманизме, Возрождении и Реформации, то вынужден был приобщаться к образовательным источникам в более организованных и продвинутых католических заведениях (иезуиты появляются на украинских землях только в 1568 году). В 1605 году в известном полемическом труде «Пересторога»⁶ неопределенный автор ярко описывает подобную ситуацию: «Читаючи кроніки польськіє, знайдешь о томъ достатечне, якъ Поляци рускіє панства поосъдали, попріятелівшися з ними [т.е., с русинами], и цорки [дочки] свое за Русинов давши, черезных свое обичає оздобные и науку укоренили, так иж Русь, посполитовавшися з ними, позавидъли их обычаєм, их мовъ и наукам, и не маючи своих наукъ, у науки рымськіє свое дъти давати почали, которые за науками и въри навикли. И такъ помалу малу науками своими все панство руское до въри рымское привели, ижъ потомкове княжат русских з въры православное на рымскую выкрестилися и назвиска и имена собъ поотмъняли, якобы нъколи не знашлися быти потомками благочестивых прародителей своих. А за тымъ православіє греческое озимнъло и в згорду пришло и во занедбаня, бо теж зацных становъ особы, погордъвши своим православієм, до врьдовъ духовных приходи перестали, але ледакого на них вставляли ку воли только самому посполитому человъкови» [6, 89].

Приведенный широкий отрывок ярко иллюстрирует кризис православного образования, воспринятый сквозь призму православного

6 Полное название «Пересторога зъло потребная на потомные часы православнымъ христіаномъ, святое каволическое восточное церкве сынномъ»

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

функционера. Все попытки православного руководства создать образовательную альтернативу латинской системе в виде греко-латинских школ, не справились с возложенными на них задачами. Главная, на наш взгляд, причина этого состоит в направленности системы образования в прошлое, а не ориентации на ведущие наработки современности. По мнению В. Шевченко, «серьезное внимание, которое уделялось греческому языку, было вызвано не ренессансным желанием вернуться к античности, а необходимостью найти источники собственной традиции и противопоставить греческий латыни» [6, 104]. Таким образом, привязанность к византийской, довольно косной (во всяком случае на это время) традиции, мешала развитию русского образования, а, как следствие, и культуры вообще. Ведь «греческий язык уже перестал быть языком передовой научной мысли, а церковнославянский никогда таким не был. Их учили только потому, что ими были написаны православные церковные тексты» [6, 124]. Ведущие наработки интеллектуальной жизни Старого света сосредоточились в ареале западной традиции, а значит греческий и церковнославянский не обеспечивали к ним доступа в той мере, в которой его обеспечивали латынь и польский. Именно в этом видит проблемы национального развития в XIX столетии Т. Зеньковский [7, 234], ведь когда речь шла о создании национальной научной литературы, церковнославянский становился неприспособленным, и местная интеллигенция вынуждена была пользоваться польским, латынью, русским, а значит часто инкорпорировалась в соответствующую культуру и национальную традицию.

Итак, прозелитизм в Речи Посполитой был продиктован уж никак не подлыми происками иезуитов и ляхов-католиков, а скорее чисто прагматичным выбором прогрессивной и перспективной молодежи. Католический мир давал куда больше возможностей для карьеры и развития человека конца XVI – начала XVII столетия, а сам католицизм еще не демонизировался, католики были еще скорее братьями во Христе, нежели врагами. Польша стала для русинов окном в Европу. Именно через польско- и латиноязычную культуру русины делали карьеру в ведущих университетах: Павел Русин из Кросна в Кракове, Юрий Дрогобыч – в Болонье, Григорий Кирницкий – в Падуе и т.д., но такая принадлежность к официальной западной культуре не мешала им четко идентифи-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

цировать себя с руским общественным конгломератом. Таким образом, видим, что по крайней мере на рубеже XVI-XVII столетий отождествление православный-русин еще не работало, а становится актуальным несколько позднее, когда конфессиональная разница должна была придать ценностного веса политическим амбициям козачины.

Известный факт, что позднейшие, овеянные ореолом славы защитники Украины и православной церкви Б. З. Хмельницкий и И. С. Мазепа тоже учились в католических заведениях. О прогрессивности католического образования может свидетельствовать и колебание столпа православной Руси рода Острожских. Певцы од князьям Острожским редко вспоминают о том, что сам Василий (Константин) Острожский имел склонность к реформатским идеям, а его наследники – таки стали римо-католиками. Системный кризис православия порождал культурный и духовный вакуум, который руская элита должна была заполнять из католических источников, однако, ее этническая принадлежность оставалась выразительно русской⁷. А достижения западного образования фактически использовала для реформы собственного православного образования.

В конце концов, и Гадяцкая уния⁸ является свидетельством живой и не только культурной, но и государственнической русской традиции в сознании русской шляхты. Таким образом, видим, что обусловленное объективными причинами положение православной культуры вынуждало ведущих представителей Руси инкорпорироваться в католический мир, однако, оставаться при этом верными русинами. Как ре-

7 Известный украинский историк Н.Н. Яковенко, ведущий специалист по украинской шляхте раннемодерного периода, акцентирует внимание на том, что генеалогические легенды русских родов тяготеют к киеворусским временам, тем самым неся соответствующую историческую память украинских земель времен Речи Посполитой.

8 Попытка реформы Речи Посполитой из двучастной (польско-литовской) в трехчастную (польско-литовско-казаческую) республику. Соответствующий документ был подписан в Гадяче 6 сентября 1658 года представителями Речи Посполитой, с одной стороны, и гетманом Иваном Выговским – с другой. Фактически Гетманщина входила в Речь Посполитую на тех же условиях, на которых объединялись Коронные земли и Великое Княжество Литовское по Люблинской унии 1569 года.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

зультат этих процессов возникают теории типа Й. Верещинского про католический Киев либо идеи Руского княжества как третьей (наряду с Польшей и Литвой) части Речи Посполитой. Собственно причастность к обоим мирам – восточному (православному) через этническую принадлежность и западному (католическому) через вероисповедание и политическую принадлежность – породила попытку примирить два мира на территории Украины, создать симбиоз идентичностей. Это впоследствии и эволюционировало в идею Берестейской Унии. Представители католической Руси совершили попытку отделиться, как на религиозном фоне римо-католиков Речи Посполитой, так и развить это на почве политической, по словам Н. Яковенко, «в силу своей большей образованности [украинская (русская) шляхта] законсервировала историческую память о державном величии князей Руси» [8, 270], и которая мечтала о ее возрождении [9, 305]. Тут, собственно, возникает необходимость остановиться на принципиальном концептуальном моменте: украинское (русское) общество оказалось между двумя лидерами с двумя различными векторами развития.

Во-первых, набирало силу казачество как антизападный элемент. Но к последнему утверждению нужно относиться крайне осторожно, т.к. антизападность казачества уж никак не говорила о его восточном векторе. История дает нам много примеров, когда казаческие походы на Византию не оставляли нам шансов думать об их теплых отношениях, да и об особой дружбе между Войском Запорожским и Москвией также не приходится говорить. Казачество, или новая русская нация, становится носителем не абстрактной обобщенной, а скорее конкретной восточной христианской автохтонной идентичности и историческое обоснование своего права на существование связывает как раз с киевским православным престолом, не связанным с Константинополем.

Во-вторых, эта старая русская элита, княжеские роды, шляхта видела будущее своего народа в лоне европейской культуры⁹, ярким примером этого может служить феномен «католической Руси». Прикоснувшись к достижениям Ренессанса и гуманистическим ценностям, представители католической Руси придали истории собственного на-

9 Речь идет об определенном общеевропейском поле, которое основывалось скорее на западноевропейской традиции.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

рода «цивилизованный» вид, во многом легитимизировали существование русинов для остальной Европы (имеется в виду то, что они написали ее по принятому образцу, что сделало ее своей среди историй народов Европы). Так, по словам украинских исследователей В. Литвинова и Р. Множинской, «этническое самосознание в эпоху Возрождения имело такие признаки своего «мы», как территория, язык, религия и право. К этому уместно добавить и совместное происхождение, и совместное название «Русь» как сборное этническое понятие об украинцах в противовес к «они» (ляхи, москали, евреи, татары и т.д.). В произведениях многих украинских мыслителей католического вероисповедания (например, С. Ориховского, Ш. Пекалида, С. Кленовича, И. Домбровского) Киевская Русь все чаще называется государственным образованием украинского народа. Таким образом, делаются активные попытки вернуть историческую память народа, чтобы он почувствовал себя полноценным, самодостаточным этносом с глубокой исторической традицией и культурой» [9, 317].

С. Ориховский называет католическую Русь цветом Украины (*robore Roxolaniae*) и, перечисляя украинскую католическую шляхту, подчеркивает их роксоланский патриотизм (XVI в.) [9, 317].

Весьма показательным является вывод Литвинова и Множинской: «Если мы попробуем рассмотреть проблему «католической Руси» с точки зрения национальной идеологии, под углом политического, территориального и государственного понятия «украинской нации», то под украинцами надо понимать всех жителей украинской (русской) земли, а не только одну культурно-вероисповедальную часть, которая сформировалась в конце XVII века. С точки зрения такой национальной идеологии, «католическая Русь» сделала для украинской культуры не меньше, чем греко-католики или православные, и дала не меньше культурных сил как для материальной культуры, так и для культуры духовной» [9, 317].

Еще одним надежным источником определения идентичности католической Руси является употребление притяжательных местоимений типа *nostrum* касательно земли или народа. У каждой культуры есть «специфичное для данной культуры отношение к другим культурам, своеобразная география, «мир культуры», с характерным

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

для нее размещением центра и периферии: культур близких и далеких, важных и неважных» [10, 6]. Так, в частности, И. Домбровский свою известную поэму «Днепровы камни» строит на четком противопоставлении «мы» – «они», где «мы» – это русы-украинцы, «народ, который сберег дедовский Киевский престол аж до сего дня»; своими также являются и князья Острожские и Заславские, и потомки Данила Галицкого. «Они», т.е. чужинцы – поляки, татары, литовцы, мосхи, с которыми протекают перманентные войны» [9, 305]. Примечательно противопоставление русов как ляхам, так и мосхам, первым, несмотря на католическое вероисповедание автора, вторым – принимая во внимание имеющуюся советскую и подавляющую часть постперелавской историографии.

Уния – один из самых дискуссионных моментов украинской истории этого периода, в российской историографии традиционно рассматривается как сдача интересов чистого православия. Но стоит отметить, что унийные старания и примирение разодранного христианства – главная цель мирового христианства. По ходу отметим, что только Московская церковь заблокировала предыдущую Флорентийскую унию, сорвав процесс объединения церкви. Киев в Бресте скорее возобновил богоугодное дело, причем фактически не уступив в вопросах веры.

В конце концов, после объединения / покорения Руси, России государственному аппарату империи понадобилось немало времени и усилий, чтобы преодолеть культурную и ментальную разницу между двумя частями некогда единой Руси.

Даже после административного и политического покорения Южной Руси она оставалась культурным донором для Российской империи и ее культуры. Фактически сожженное ордой культурное пространство требовало внешних вмешательств для генерации собственной культуры. Так, самый большой прогресс русской культуры мы наблюдаем как раз во время активных заимствований из Европы, как технологических, так и культурных во времена Петра I. Примечательно, что на определенном этапе своей истории в России было ликвидировано преподавание философии как очевидно вредное, а когда решили его возобновить, то оказалось, что на всю империю остался лишь один специалист – про-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

фессор Киевской духовной Академии Памфил Юркевич, который был выписан в Москву возрождать философию. Это именно он стал учителем отца русской философии Владимира Соловьева. Фактически Украина становится тем культурным донором, который постоянно поставляет России необходимые для культурной жизни импульсы, тот же Н.В. Гоголь, ментальную судьбу которого чудесно охарактеризовал российский публицист А. Широпаев [11].

Итак, мы должны констатировать, что сегодняшние процессы украинской истории – это не процессы рождения нового субъекта, но его очередное пробуждение. На протяжении всей своей истории от Киевской Руси до современной Украины, украинский (русский) проект – это постоянная борьба за сохранение открытой к диалогу, неизолированной восточнохристианской культуры, которая укоренена в европейской традиции постоянного культурного обмена. Посткоммунистическое возрождение такого открытого пространства – это продолжение исторического действия украинства, является тем конституирующим моментом, что формирует историческую идентичность от киевских вече, через казацкие рады и традиции шляхетской демократии, до украинских майданов XXI века.

Война на Востоке Украины в этом свете выглядит скорее не как гражданский конфликт и даже не как столкновение российской (евразийской) и западной цивилизаций, а как конфликт двух моделей цивилизации православной. Обе они берут начало в традиции Киевской Руси, зато векторы их развития – разные: украинская (русская) версия православного мира на протяжении всей своей истории – активный участник процесса культурного обмена внутри христианской цивилизации, она – принципиально открыта для диалога; московская (российская) – постоянно дистанцируется, часто противопоставляет себя европейской цивилизации, аподиктически ориентируясь, таким образом, на мировоззренческие, в том числе и политические, заимствования из внеевропейских цивилизационных форм. Таким образом, нынешний конфликт глубже, чем просто геополитический, это конфликт культурный, мировоззренческий, метафизический, конфликт двух русских версий православной цивилизации.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ЛИТЕРАТУРА

1. Belafatti F. Nowy orientalizm. Kolonialne wpływy w zachodnich opiniach o Ukrainie [Електронний ресурс] / F. Belafatti. – Режим доступу: <http://nowyobywatel.pl/2015/02/02/nowy-orientalizm-kolonialne-wplywy-w-zachodnich-opiniach-o-ukrainie/>.
2. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / Б.Андерсон, О.Бауэр, М.Хрох и др. // Нации и национализм; пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Практикс, 2002.
3. Хайдеггер М. О сущности истины / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге: Сборник; [пер. с нем. З.Н.Зайцева] [под ред. А. Л. Доброхотова] – М. : Высшая школа, 1991. – 192 с.
4. Пасько І. Т. Громадянське суспільство і національна ідея. (Україна на тлі європейських процесів. Компаративні нариси) / І. Пасько, Я. Пасько – Донецьк : ЦГО НАН України, УКЦентр, 1999. – 184 с.
5. Плохий С. Походження слов'янських націй: Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусі / авторизований переклад з англ. – К.: Критика, 2015 – 424 с.
6. Шевченко І. Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку XVIII століття / І. Шевченко ; [автор. пер. з англ. М. Габлевич] [під ред. А. Ясіновського] – Львів: Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 2001. – 250 с.
7. Горський В.С. Історія української філософії / В.С. Горський. – К. : Наукова думка, 2001. – 386 с.
8. Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна) / Н.Яковенко. – К. : Наукова думка, 1993. – 416 с.
9. Литвинов В., Множинська Р. До питання про феномен «католицької Русі» / В. Литвинов, Р. Множинська // Україна XVII ст.: суспільство, філософія, культура : зб. наук. праць на пошану пам'яті проф. В.М. Нічик [ред. Л. Довга, Н. Яковенко]. – К. : Критика, 2005. – С. 304-319.
10. Русина О.В. Міжконфесійні взаємини й суспільно-політичні рухи XV –початку XVI на теренах України / О.В. Русина // Український історичний журнал. – 2006. – № 3. – С. 4-16.
11. Широпаев А. Русь-Украина и Московия, свет и тьма: Откуда

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

есть пошла вражда русская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novaukraina.org/news/urn:news:B6DF85>.

В статті зроблено спробу трактувати сучасний східноукраїнський конфлікт не як протистояння Заходу і Росії чи внутрішній громадянський конфлікт, а виходячи з самої України, зі специфіки, закономірностей розвитку української історії, її внутрішніх детермінант і місця в історії європейської (християнської) цивілізації, через спробу простежити від киеворуських часів до київських Майданів XXI століття єдність історичної дії, єдину історичну суб'єктність української (руської) культури.

Ключові слова: суб'єкт історії, українська нація, католицька Русь, Русь, східноукраїнський конфлікт.

*This paper is an attempt to see the modern East-Ukrainian conflict not as a confrontation between the West and Russia or internal civil conflict, but on the basis of Ukraine itself, from the specifics, patterns of development of Ukrainian history, its internal determinants and its place in the history of European (Christian) civilization, through the attempt to trace from the Kievan Rus to Kyiv Maidans of XXI century historical unity of action, a single historical subjectivity Ukrainian (rus, ruthenian) culture. Ukraine (Rus) appears as a kind of alternative version to the Moscow Old Rus tradition, which has the same right to present a tradition rooted in Kievan Rus, as Moscow one. Thus, there is a need to look at the conflict in the East of Ukraine through the prism of politics or geopolitics, but the *longue durée*, that is, to understand it in terms of philosophy of history and philosophy of culture, perhaps even ontology of culture. Like the conflict between two versions of evolution, versions of interpretation of the same tradition.*

Keywords: subject of history, Ukrainian nation, Catholic Rus, Rus, East Ukrainian conflict.

REFERENCES

1. Belafatti F. New Orientalism. Colonial Influences in the Western Opinions about Ukraine, available at: <http://nowyobywatel.pl/2015/02/02/nowy-orientalizm-kolonialne-wplywy-w-zachodnich-opiniach-o-ukrainie/>. (pol).

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

2. Hroch M. (2002), *From the National Movement to the Fully-Formed Nations*, Praksis, Moscow. (rus).
3. Heidegger M. (1991), *About the Essential of True*, Vyshaya shkola, Moscow, 192 p. (rus).
4. Pasko I., Pasko Ya. (1999), *The Civil society and National Idea (Ukraine on the Background of European Processes. Comparative Essays)*, CGO NAN od Ukraine; UKCentr, Donetsk, 184 p. (ukr).
5. Plokhyy S. (2015), *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus*, Krytyka, Kyiv, 424 p. (ukr).
6. Shevchenko I. (2001), *Ukraine between East and West. Essays about of history of culture to the Beginning of XVIII s.*, The Institute of the Church History LTA, Lviv, 250 p. (ukr).
7. Gorski V. (2001), *The History of Ukrainian Philosophy*, Naukova Dumka, Kyiv, 386 p. (ukr).
8. Yakowenko N. (1993), *Ukrainian Shlyachta from the End of XIV to the Middle of XVII c. (Wolyn and the Central Ukraine)*, Naukova Dumka, Kyiv, 416 p. (ukr).
9. Litwinow W., Mnozhynska R. (2005), *To the Question of the Phenomena of "Catholic Rus' in: Ukraine XVII c.: Society, Philosophy and culture"*, Krytyka, Kyiv, pp. 304-319. (ukr).
10. Rusina O. (2006), *Ukrainian Historical Journal*, № 3, pp. 4-16. (ukr).
11. Shyropaev A. *Rus-Ukraine and Moscow, Light and Dark: Where From is Russian Hate*, available at: <http://novaukraina.org/news/urn:news:B6DF85>. (rus).

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

УДК 297.17

Руслан ХАЛИКОВ

кандидат философских наук,
ученый секретарь Украинского института
стратегий глобального развития и адаптации,
член Украинского центра исламоведческих исследований

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В СИТУАЦИЯХ ВОКРУГ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» И САМОПРОВОЗГЛАШЁННЫХ РЕСПУБЛИК ДОНБАССА

В статье сравниваются ситуации вокруг самопровозглашённых государственных образований «Исламского государства» и ДНР-ЛНР, а именно действия представителей соответствующих формирований, реакция на них со стороны официальной власти и мирового сообщества. Продемонстрированы причины эскалации конфликта: территориальные претензии со стороны новообразований, религиозная самоидентификация, реваншизм по обе стороны противостояния. Доказано, что более жёсткая позиция иракского официального руководства приводит к большему количеству жертв, но и к более систематизированному осуждению сепаратистских формирований мировым сообществом вплоть до предоставления военной помощи.

Ключевые слова: государство, ДНР-ЛНР, «Исламское государство», конфликт, правительство, реваншизм, Украина.

Мир в начале XXI века не однороден, несмотря на механизмы глобализации, призванные унифицировать информационное поле. Если благодаря современным средствам массовой информации и коммуникации весть о событии действительно может разлететься по всему миру за несколько минут, то всё равно остаётся два фактора, способствующих неодинаковому восприятию этой вести разными адресатами. Во-первых, каждый информационный повод во время трансляции в 98

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

СМИ получает интерпретацию со стороны того, кто о нём сообщает. Даже абстрагируясь от того, что медиаресурсы очень часто представляют бизнес-интересы своих владельцев, СМИ всегда ориентируются на общий социальный заказ при формировании ленты новостей. Так, новости «Аль-Джазире», «Синьхуа» и «Гардиан» будут различаться и по содержанию, и по размещению (очередностью и акцентированием), и по комментариям, поскольку стратегические векторы заинтересованности аудитории этих трёх ресурсов априори не совпадают. Более того, подобная ситуация существует, например, в случае с русскоязычной и англоязычной версиями новостной ленты того же агентства «Синьхуа», которое посвящает почти всю русскоязычную ленту информации о китайско-российских отношениях. Стоит оговориться, что малые СМИ, вынужденные ориентироваться на материалы крупных новостных агентств типа «Ройтерс», зависят и от акцентов, этим агентством расставленных, а значит не вполне попадают под это определение и транслируют не всегда актуальные для аудитории сюжеты, как это было в ряде украинских СМИ в 90-е годы. Во-вторых, аудитория не обязательно соглашается с интерпретацией того или иного канала, а может вырабатывать собственную версию события, сопоставляя информацию из нескольких источников или пытаясь переосмыслить информацию из одного на основании собственного опыта. Неоднородность интерпретации углубляется в современном мире почти неограниченным количеством информационных каналов и отсутствием абсолютных авторитетов в области интерпретации для значительной аудитории.

До того, как новая информация будет встроена в сознание человека, она проходит через несколько фильтров, которые размещают её по степени важности и сопровождают интерпретацией. В том числе, это касается информации о конфликтах, происходящих в мире практически постоянно. Человек обращает внимание, прежде всего, на те конфликты, которые касаются его непосредственно или родственников, соседей, единоверцев и т.д. Так, проблема «Исламского государства» (бывшее ИГИШ) является экзистенциальной для ближневосточных христиан, иракских курдов или сирийских алавитов, тогда как вопрос «Новороссии» вряд ли волнует их в той же степени. Даже эксперт-ана-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

литик, если он живёт в Бразилии, занимается иными вопросами, чем эксперт из Беларуси или Кувейта, поскольку эксперт ориентируется также на общественный спрос. Реакция среднестатистического украинца на важность такого прецедента, как война в Европе, кардинально изменилась с 2008 до 2015 года. Для более-менее объективного видения ситуации и вариантов дальнейших действий её участников, необходимо абстрагироваться от эмоционального восприятия ситуации как экзистенциально насыщенной и попробовать рассмотреть её в контексте процессов, происходящих в мире в целом. Вместе с тем, это сигнал для тех, кто считает определённую ситуацию экзистенциально важной (например, для жителей региона, в котором происходит вооружённый конфликт), понять, что другие могут её такой и не считать, следовательно, их внимание необходимо привлечь, иначе мир попросту может пройти мимо проблемы и не реагировать на неё.

Для эффективных действий в ситуации вокруг Восточноукраинского конфликта и самопровозглашённых республик украинские публичные деятели должны абстрагироваться от эмоциональной оценки событий и рационализировать собственные стратегии. Между тем, сделать это сложно, если человек непосредственно пребывает в ситуации, и, следовательно, для начала обустройства собственной стратегии необходимо: во-первых, рассмотреть конфликты, произошедшие или происходящие в мире в похожих условиях, а именно действия участников и вызванные ими последствия; во-вторых, познакомиться с мнениями специалистов, не имеющих экзистенциального отношения к целевому конфликту и могущих в силу этого анализировать его с позиций рациональности. Непосредственный участник конфликтной ситуации в таком случае получает преимущество, поскольку к рационализированным выводам из первых двух пунктов он может добавить свои собственные наблюдения как свидетеля событий, тогда как не zaangażированные эксперты обращаются за фактическим материалом ко вторичным источникам (в том числе – СМИ), которые не могут давать целиком объективной картины. Соединение аналитики и собственных наблюдений позволит участникам конфликтной ситуации получить чёткие ориентиры для построения стратегии дальнейшего поведения и не сосредотачиваться на преходящих и нередко иллюзорных целях, которые кажутся важными с эмоциональной точки зрения. Нужно ещё раз акцен-

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

тировать, что такое соединение должно происходить путём прибавления к рациональным стратегиям собственного опыта, а не путём рационального объяснения ситуации с целью угодить собственным эмоциям.

Данная статья имеет целью выявить общие и различные характеристики Восточноевропейского и одного из наиболее актуальных конфликтов, а именно – связанного с деятельностью «Исламского государства». В дальнейшем результаты исследования могут быть использованы для наработки стратегии поведения украинской стороны в Восточноевропейском конфликте. В частности, помимо действий «Исламского государства» и ДНР-ЛНР будут проанализированы реакции на соответствующую деятельность со стороны правительств Украины и Ирака, а также международного сообщества. Ситуация на Ближнем Востоке, сложившаяся вокруг ИГ, является одним из наиболее актуальных конфликтов в современном мире, сравнимым по различным показателям с Восточноевропейским. Во-первых, движение ИГ получило пассионарный импульс вследствие радикализации идей «Арабской весны». Во-вторых, ИГ претендует на государственный статус, хотя и не признана ни одним из государств, существующих как в западном, так и в исламском мире. В-третьих, ИГ получает прибыль от использования полезных ископаемых на контролируемых территориях, финансируя свою деятельность, в том числе, за этот счёт. В-четвёртых, ИГ имеет чёткую религиозно ориентированную идентичность, что не присуще современным государствам и свидетельствует о контрсекулярном характере движения, выступающего одновременно против инакомыслия и (западной) современности. В-пятых, обе ситуации наложились на настроения политического реваншизма, когда представители предыдущего режима вынуждены открыто или тайно поддерживать силы, которые противостоят нынешней власти, также пришедшей к управлению государством с идеалом реваншизма.

ИГИШ появилось в 2006 году на базе иракского отделения «Аль-Каеды» и некоторых мелких радикальных формирований, однако, почти в течение десятилетия не имело особенного успеха и поддержки. Всплеск деятельности группировки произошёл в течение 2014 года, когда она отделилась от «Аль-Каеды», вышла за пределы Ирака и резко увеличила свою численность. Такой всплеск стал

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

возможен, в значительной степени, из-за проигрыша умеренных сил, которые пытались сбросить авторитарные режимы в ходе «Арабской весны». Вследствие неспособности умеренных исламистов навязать собственный дискурс, нежелания авторитарных режимов идти на диалог с повстанцами, а также военного переворота в Египте, на арену вышли радикальные группировки, которые ставили уже совсем иные цели и использовали иные средства. К таким группам начали массово присоединяться радикалы и авантюристы из других регионов, в том числе – арабо-мусульманского мира, Кавказа, Центральной Азии (поток отсюда увеличился после высылки незаконных мигрантов-мусульман из РФ, вследствие чего последние начали массово возвращаться домой и создали там агрессивную конкурентную среду [1]). Поскольку ИГ контролирует немалые финансовые потоки, в том числе – от продажи нефти с захваченных территорий, туда попадает также некоторое число авантюристов, продающих свой военный опыт и при этом не обязательно разделяющих идеи группировки. Другими непосредственными сторонами конфликта на Ближнем Востоке являются как иные радикальные группировки (суннитские, шиитские, курдские, мелькитские и др.), так и официальные вооружённые силы Ирака, Сирии, Йемена и других стран. Конфликт вокруг «Исламского государства» также заставил высказаться основных геополитических игроков, большинство из которых осудило действия представителей ИГ, а само формирование признало террористическим (США, например, даже предоставили Ираку военную технику для борьбы с «Исламским государством»).

Проблема радикализации политических и общественных движений в не имеющих опыта западной либеральной демократии странах связана с тем, что участники процесса не считают обязательным ведение диалога с противником, если он кажется безопасным. То есть, правители таких государств пренебрегают мирными народными движениями и не выполняют требований общественности, если эти требования выдвигаются мирным путём. С другой стороны, общественность не всегда знает законные правила выдвижения требований, действенные механизмы реализации политических решений, вследствие чего её требования остаются призывами в соцсетях. Наконец, когда оппозиция

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

получает властные полномочия, она начинает пренебрегать требованиями своих противников, которые политическую власть потеряли (как это произошло в Египте во время правления Мохаммеда Мурси), что способствует дальнейшей радикализации настроений и эскалации конфликтной ситуации. В то же время, механизмы западного общества позволяют власть имущим путём хотя бы иллюзорного диалога с обществом и умеренными оппозиционными движениями удерживать политический контроль в стране. В частности, есть предположение, что военный переворот в Египте был поддержан значительной частью населения, поскольку «Братья-мусульмане» не вели достаточно активный публичный диалог со своими оппонентами, продолжая авторитарную практику принятия политических и кадровых решений, оставшуюся от президента Х. Мубарака. Обращаясь к украинской ситуации, можно вспомнить т.н. «Налоговый Майдан» (2010 г.), когда президент В. Янукович и премьер Н. Азаров вышли к участникам митинга, общались с ними и обещали решить проблему, что сняло напряжение; во время же событий «Евромайдана» эти же чиновники не отреагировали на начало протестов, а пренебрежение умеренными протестными движениями привело к радикализации последних и выдвиганию всё новых требований (сначала – отставки Кабмина, а затем и Президента). Так же некоторые авторитарные шаги украинских институтов власти на современном этапе, в т.ч. прекращение соцвыплат гражданам, пребывающим на оккупированной территории, постоянное усложнение механизма передвижения из зоны АТО и т.д., приводят к радикализации настроений населения Донбасса и потенциальной заинтересованности в действиях ДНР-ЛНР. Впрочем, следует отметить, что президент П. Порошенко и другие чиновники относятся к общественному диалогу более ответственно, чем президент В. Янукович в течение последних месяцев пребывания у власти.

«Исламское государство» претендует на статус государства (араб. «Давля») и 29 июня 2014 года провозгласило восстановление Халифата, а глава организации Абу Бакр аль-Багдади получил статус халифа. Таким образом, речь идёт об образовании, считающем себя не организацией, а государством, а главным источником законодательства считает исламское учение, признавая только одну религию истинной.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

Отсюда жестокое отношение к шиитам, христианам, езидам и неверующим, и это вынуждает представителей соответствующих направлений (прежде всего, шиитов) включаться в раскачивание военного конфликта, или хотя бы пытаться давить на ИГ через дипломатические каналы (например, как езиды [2]). СМИ неоднократно сообщали о применении непропорционального насилия со стороны шиитов Ирака против суннитов, которых подозревали в симпатиях к «Исламскому государству» [3], а иракский суннитский муфтий Рафи' Таха ар-Рифаи аль-Ани в своих интервью постоянно делает ударение на том, что действия шиитской милиции являются одной из причин, которые вынуждают суннитов Ирака поддерживать «Исламское государство» [4]. Похожая ситуация в Сирии, где ИГ и другие суннитские группировки сражаются с шиитскими отрядами, поддерживающими режим Б. Асада. ИГ не признают государством даже те страны, за которыми прослеживается гипотетическая связь с этим образованием (Турция, Саудовская Аравия, Россия). Тем более сомнительна претензия на халифат со стороны ИГ, поскольку она не отвечает степени признания ни самого образования, ни его лидера в мусульманском мире.

Претендуя на настоящую государственность на определённой территории ИГ отличается от других радикальных мусульманских организаций, например, от «Хизб ат-Тахрир» или «Аль-Каеды», действующих по всему миру в виде сетевых структур, приближаясь к «Талибану». Заявляя претензии на государственность, «Исламское государство» претендует на территорию по крайней мере двух стран (Ирака и Сирии), в перспективе желая объединить все мусульманские государства. Именно ориентацию на государственный статус и захват территории считает ключевой характеристикой «Исламского государства», отличающей ИГ от классических террористических организаций вроде ИРА, ориентированной на отстаивание самостоятельности ирландского народа, украинский востоковед Александр Богомолов [5]. Интересно, что мотивом создания таких государственных образований, как ИГ, Богомолов считает противостояние западному секулярному обществу путём самоопределения консервативных сил. В отличие от ИГ, ДНР-ЛНР претендует на территорию только одного государства, Украины, но в перспективе этот проект связан с концепцией «Русского мира», а

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

значит также является экспансионистским, что хорошо понимают ближайшие соседи России (Беларусь, Литва, Польша, Казахстан), у которых в последнее время официальный курс на интеграцию с РФ сменился провозглашением собственного пути развития. Однако так же, как правительства Ирака и Сирии не в состоянии вести скоординированную борьбу против новообразования на своих территориях, так и Украина пока не предприняла действенных попыток стать региональным организатором противодействия российской экспансии, если не считать приезда президентов Беларуси и Казахстана, деятельности нардепа Игоря Мосийчука и его помощницы Амины Окуевой, других несистемных движений.

Сосредоточение на конкретной территории помогает использовать ресурсы этой территории, в том числе полезные ископаемые. «Исламское государство» получило контроль над важными нефтяными месторождениями, и контрабанда (по демпинговым ценам, вдвое-втрое меньшим официальной цены на нефть) в страны Европы и Азии принесла этому образованию много миллионов долларов [6], использованных для финансирования дальнейшей деятельности группировки. Стоит отметить, что на официальном уровне и правительства Ирака и Сирии, при поддержке ВВС США, и институции ООН пытаются помешать продаже нефти представителями ИГ, однако, этот процесс всё равно происходит на уровне контрабанды. В свою очередь, ДНР-ЛНР получили контроль над значительной частью угольной промышленности Донбасса, что позволило представителям этих образований заниматься контрабандой угля (масштабы деятельности ДНР в угольной сфере во много раз менее прибыльны, чем масштабы деятельности «Исламского государства», но и общие бюджеты этих образований не сопоставимы). Между тем, украинскому правительству понадобилось немало времени и значительный общественный резонанс, чтобы отказаться от официальной закупки угля у представителей ДНР-ЛНР, и лишь спустя некоторое время под жёсткую критику попал министр энергетики и угольной промышленности Украины В. Демчишин, которого премьер А. Яценюк обвинил в неадекватной политике относительно энергетических контрактов с Россией. Можно предположить, что появление такой критики вызвал, частично, общественный резонанс относительно деятельности

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

соответствующего министерства и уничтожения части угля проукраинскими военизированными формированиями [7], а частично – требования западных партнёров относительно введения Украиной реальных санкций против России и ДНР-ЛНР. При этом возможность поставки угля с контролируемых ДНР-ЛНР территорий до сих пор стоит на неофициальной повестке дня, о чем, например, представители ЛНР заявили 6 февраля 2015 года [8].

Религиозная идентичность является определяющей для «Исламского государства», поскольку именно попытка воссоздать условия для осуществления шариата является главным месседжем, с которым выступают сторонники аль-Багдади. В этом смысле следует отметить, что титул халифа, на который претендует последний, является не только политическим, а также религиозным. С другой стороны, статус Халифата требует гораздо большего уровня легитимации, и претензии на титул халифа должны подкрепляться широким авторитетом среди мусульманских учёных и религиозных деятелей. Узурпация этого статуса представителями «Исламского государства» привела к тому, что их не признаёт большинство мусульманских богословов и ни одно государство исламского мира, однако, к ним склоняются некритически настроенные радикальные группы со всего мира, которые постоянно пополняют ряды бойцов. ДНР-ЛНР, в свою очередь, позиционируют себя как православные государственные образования и ориентируются на религиозно окрашенную идеологию «Русского мира». Такие претензии не признаются, но официально и не опровергаются представителями РПЦ, что создаёт дополнительные препятствия для разрешения конфликта, а также стимулирует представителей «Новороссии» продолжать собственную борьбу, а других православных радикалов – постоянно поддерживать её и пополнять ряды «Русской православной армии» и других военизированных формирований. Более чёткая позиция религиозных деятелей и церквей, а также разъяснение обществу и участникам конфликта христианского видения проблемы, вероятно, нейтрализовали бы идеологическую составляющую. В этом смысле нужно констатировать недостаточно активное артикулирование позиции УПЦ – хотя эта церковь и не есть достаточно авторитетной для многих сторонников «Русского мира», но именно ей подчиняются пра-

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

вославные епархии в Крыму и на Донбассе, на которые ориентируются сторонники ДНР-ЛНР. Хотя похожая ситуация существует и в Ираке, где суннитский Великий муфтий не критикует прямо ИГ, но хотя бы принимает участие в дискурсе относительно этого формирования, призывая честно признать действия с обеих сторон неправомерными, а не обвиняет во всех бедах суннитских радикалов и их сторонников. Можно утверждать, что отсутствие связи с традиционными религиозными институтами приводит к тому, что в сухом остатке и в «Исламском государстве», и в ДНР-ЛНР присутствует, скорее, не религиозная идентичность, а антизападная и контрсекулярно ориентированная идеология, когда активность в борьбе с Западом заменяет необходимость религиозного образования [9].

Ещё одним фактором, который позволяет сравнивать «Исламское государство» с ДНР-ЛНР, является определённый реваншизм в действиях противоборствующих сторон. В Ираке противостояние разворачивается вокруг шиитско-суннитского вопроса, поскольку шииты после падения режима С. Хусейна начали давить как на чиновников этого режима из партии «Баас», так и на суннитов, ранее доминировавших во внутренней политике Ирака. Вследствие этого бывшие представители правящей партии объединились с силой, которая способна противопоставить себя новой официальной власти, что приводит к постоянной эскалации шиитско-суннитского вопроса, в том числе в средствах массовой информации, когда обе стороны обвиняют друг друга в преступлениях против мирного населения. В Восточнуукраинском конфликте подобное противостояние разворачивается не прямо на религиозном фоне, но, скорее, на этно-языковом, когда пророссийские и проукраинские силы постоянно обвиняют друг друга в таких же преступлениях, совершённых на почве национальной вражды. История вопроса, впрочем, напоминает иракскую, когда представители бывшей политической верхушки помогли развернуться группировкам ДНР-ЛНР и пытались приобщить к военной мощи этих формирований собственные политические требования, тогда как представители новой верхушки пытались, хотя и не так жестоко, как в Ираке, оттеснить своих политических противников от принятия политических решений (немало представителей бывшей украинской власти получили порт-

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

фели и в современных условиях, а значит не вынуждены делать ставку на прямую поддержку ДНР-ЛНР). В конце концов, нельзя говорить и о полном отсутствии национального вопроса на повестке дня ситуации с ИГ, поскольку в процесс там втянуты арабы, персы, курды, ассирийцы, армяне, турки и другие народы региона.

Таким образом, в деятельности «Исламского государства» и ДНР-ЛНР можно выявить некоторые схожие черты, но, в свою очередь, ответные шаги со стороны официальных органов государственной власти Украины и, например, Ирака не всегда идентичны. Можно констатировать, что действия украинского правительства направлены не на подрыв экономической и идеологической базы ДНР-ЛНР, а на политическое давление на Россию, к тому же довольно вялое и не всегда адекватное, без отсутствия реальных попыток стать региональным лидером в противостоянии российской экспансии. Ирак, напротив, постоянно пытается не допустить обогащения «Исламского государства» за счёт добычи нефти, иногда считая лучшим уничтожить партию при помощи американской авиации, чем позволить контрабандистам её реализовать. Более умеренное давление, которое нынешнее украинское правительство производит на представителей бывшей политической верхушки, снижает поддержку последними ДНР-ЛНР, однако, не всегда продуманные шаги относительно простого населения территорий, на которых происходит АТО, приводят к эскалации конфликтности. Непоследовательная политика украинского правительства в информационно-идеологической сфере привела к тому, что население Донбасса всё более попадает под влияние пророссийской идеологии, отслеживая события через СМИ России и самопровозглашённых республик, тогда как украинские институты не в состоянии эффективно противостоять этой идеологической деятельности, о чём свидетельствует и дискуссия относительно слишком несвоевременно созданного Министерства информационной политики Украины и неспособность добиться официальной реакции УПЦ, которая не выступает с критикой самопровозглашённых образований или призывом к диалогу.

Восточнокраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В. Центральная Азия: куда податься трудовому мигранту? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.respublika-kaz.info/news/politics/40031/>.
2. Leader of Iraq's Yazidis Issues Distress Call, Appeals for Help Against ISIS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aina.org/news/20140804041237.htm>.
3. Rasheed A. Iraqi Forces Stood By, Some Crying, As Iran-Backed Shia Militias Executed 72 Sunnis / Rasheed A., Parker N., Kalin S. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.businessinsider.com/survivors-say-iraqi-forces-watched-as-shiite-militias-executed-72-sunnis-2015-1>.
4. Sunni Mufti of Iraq: We Are Not Stupid Enough to Fight ISIS; The Shiites Would Slaughter Us [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=dV-IpEfIEpk>.
5. Булатчик В. ДНР/ЛНР и исламский терроризм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ostro.org/general/politics/articles/465739/>.
6. Рашид А. Нефтегазовый еженедельник RPI: Исламисты в Ираке зарабатывают на контрабанде нефти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thomsonreuters.ru/2014/07/rpi-iraq-islamists-earn-on-oil-smuggling/>.
7. Підрив так званими партизанами поїзду з вугіллям – це диверсія проти контрольованої Україною території Луганщини [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://moskal.in.ua/?category=news&news_id=1400.
8. «ЛНР» «готова поставлять уголь» на Луганскую ТЭС в Счастье при условии разминирования железной дороги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ostro.org/lugansk/society/news/463850/>.
9. Mosendz P. ISIS Captors Didn't Carry Koran, Former Islamic State Hostage Says [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsweek.com/isis-captors-didnt-carry-koran-says-former-islamic-state-hostage-304386>.

Геополитические предпосылки возникновения конфликтной ситуации на Востоке Украины

В статті порівнюються ситуації навколо самопроголошених державних утворень ІД та ДНР-ЛНР, а саме дії представників відповідних формувань, реакція на них з боку офіційної влади та світового співтовариства. Продемонстровано причини ескалації конфлікту: територіальні претензії з боку новоутворень, релігійна самоідентифікація, реваншизм по обидва боки протистояння. Доведено, що жорсткіша позиція іракського офіційного керівництва призводить до більшої кількості жертв, але і до більш систематизованого засудження сепаратистських формувань світовим співтовариством, аж до надання військової допомоги.

Ключові слова: держава, ДНР-ЛНР, ІД, конфлікт, реваншизм, Україна, уряд.

In article are compared situations around self-proclaimed state formations IS and DPR-LPR, namely, the actions of representatives of the relevant groups, the response to them by the official authorities and by the international community. Demonstrated the reasons for the escalation of the conflict: territorial claims from the self-proclaimed state formations, religious self-identity, doctrine of revenge on both sides of the confrontation. It is proved that a tougher position by the Iraqi official government leads to more victims, but also to more systematic condemnation of the separatist forces by the world community, including the military assistance. Author`s theory is that comparing of different contemporary conflicts can help participants of conflict situations to rationalize their own strategies in the future, and rationalized strategies are more productive for resolving of conflict.

Keywords: conflict, government, DPR-LPR, IS, revanchism, state, Ukraine.

REFERENCES

1. Volkov V. Central Asia: where-to-go for the labour migrant? Available at: <http://www.respublika-kaz.info/news/politics/40031/>. (rus).
2. Leader of Iraq's Yazidis Issues Distress Call, Appeals for Help Against ISIS, available at: <http://www.aina.org/news/20140804041237.htm>. (eng).
3. Rasheed A., Parker N., Kalin S. Iraqi Forces Stood By, Some Crying, As Iran-Backed Shia Militias Executed 72 Sunnis, available at: <http://www.>

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

businessinsider.com/survivors-say-iraqi-forces-watched-as-shiite-militias-executed-72-sunnis-2015-1. (eng).

4. Sunni Mufti of Iraq: We Are Not Stupid Enough to Fight ISIS; The Shiites Would Slaughter Us, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=dV-IpEflEpk>. (eng).

5. Bulatchik V. DPR/LPR and islamic terrorism, available at: <http://www.ostro.org/general/politics/articles/465739/>. (rus).

6. Rasheed A. Oil and gas weekly digest RPI: Islamists in Iraq earn money by smuggling oil, available at: <http://thomsonreuters.ru/2014/07/rpi-iraq-islamists-earn-on-oil-smuggling/>. (rus).

7. Explosion by so-called partisans trains with coal is a diversion against the controlled by Ukraine territory of Lugansk region, available at: http://moskal.in.ua/?category=news&news_id=1400. (ukr).

8. «LPR» is ready to supply coal at Luganskaya TPP in Shastia, if the railway will be demined, available at: <http://www.ostro.org/lugansk/society/news/463850/>. (rus).

9. Mosendz P. ISIS Captors Didn't Carry Koran, Former Islamic State Hostage Says, available at: <http://www.newsweek.com/isis-captors-didnt-carry-koran-says-former-islamic-state-hostage-304386>. (eng).

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ:
ТИПОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ, ПУТИ
ДЕЭСКАЛАЦИИ**

УДК 328.26(477)

Йосси БЕЙЛИН

*Ph.D., директор организации Veilink, Business Foreign Affairs,
экс-министр юстиции Израиля*

Лиат КРАВЧУК

директор организации Jeneba Project, Inc.

**ПОСТРОЕНИЕ ДОРОЖНОЙ КАРТЫ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ
КОНФЛИКТА И ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ**

В статье обосновывается подход к трансформации украинского конфликта, в рамках которого нынешний кризис признается проявлением глубинных напряженностей. Предлагается двухаспектный подход к достижению мира в регионе: а) путем осуществления многосторонней дипломатии, ориентированной на изменение аспектов поведения и установок участников конфликта; б) путем создания органа восстановительного правосудия по типу южноафриканского комитета правды и примирения. Предлагаемые автором стратегические шаги, направленные на мирное завершение конфликта, таковы: а) проведение реформ по децентрализации Украины; б) решение вопроса Крыма путем всенародного референдума; в) обозначение экономической безопасности как приоритетного пути для достижения политической безопасности; г) постепенное создание стратегических альянсов, которые предусмотрят членство Украины в ЕС, но не в НАТО, в ближайшие годы.

Ключевые слова: *Украина, Крым, конфликт, дорожная карта, стратегия.*

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Недавно в Донецке вновь вспыхнуло насилие, положившее конец хрупкому перемирию, достигнутому 5 сентября 2014 года в Минске. Это ознаменовало возобновление конфликта, который стал самым неразрешимым противоречием между Западом и Россией со времен холодной войны и самым кровавым конфликтом в Европе со времен Балканских войн, в котором погибло более 5,000, ранено 10,000 и стали беженцами миллион человек [1].

Конфликт этот многогранен и тесно переплетен, и должен решаться на разных уровнях. С одной стороны, перед нами украинская гражданская война между сторонниками послереволюционной власти Западной Украины и восточными украинцами, среди которых многие поддерживают Россию, и сепаратистами [2]. С другой стороны, внутренняя напряженность эксплуатировалась и обострялась для того, чтобы подпитать опосредованную войну между Западом и Россией, сущностно выраженную аннексией Крыма, которая служила в качестве символа и продолжения исторического раскола Востока и Запада.

Военные решения нереалистичны и могут быть контрпродуктивными. Поставки оружия президенту Порошенко как прямой вызов российским силам или размещение постоянных баз НАТО вдобавок к странам Балтии, вероятно, приведет к эскалации военного кризиса и резкому увеличению числа пострадавших среди мирного населения [3]. Аналогичным образом, непродуктивно давление на президента Путина путем введения более жестких санкций, так как он по-прежнему пользуется подавляющей поддержкой в своей стране.

Политическое решение, таким образом, это самый прагматичный подход. В данной статье предлагается двухаспектный подход к достижению мира в регионе. Сначала обозначается подход трансформации конфликта, в рамках которого мы признаем нынешний кризис как проявление глубинных напряженностей, и который направлен на изменение аспектов поведения и установок участников конфликта путем: а) осуществления многосторонней дипломатии, ориентированной на второе направление; и б) создания органа восстановительного правосудия такой же модели, как южноафриканский комитет правды и примирения.

Затем будут предложены методы разрешения конфликта, направленные на содействие мирному завершению текущего конфликта

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

с помощью стратегических шагов. Они таковы: а) проведение реформ по децентрализации Украины; б) решение вопроса Крыма путем всенародного референдума; в) обозначение экономической безопасности как приоритетного пути для достижения политической безопасности; и г) постепенное создание стратегических альянсов, которые предусматривают членство Украины в ЕС, но не в НАТО, в ближайшие годы.

Оппозиционные трактовки

Украина – страна со сложной историей и многоязычным многонациональным населением. Получив независимость лишь в 1991 году, после более чем 500 лет внешнего правления, страна не успела еще выковать сильное национальное самосознание, национальную идею.

Страна часто описывается как разделенная на два конфликтующих региона, и каждая попытка одной группы доминировать над другой выводит страну на грань гражданской войны [4]. С одной стороны – Западная Украина, которая была включена в состав СССР в 1939 году и состоит в основном из католиков с прозападными тенденциями. С другой – Восточная (и Южная) Украина, где проживает в основном православное, преимущественно русскоговорящее население с пророссийскими настроениями (и на краю этого региона – Крым, ставший частью Украины лишь в 1954 году). На самом деле, хотя история каждого из регионов придает им характерные отличительные свойства, разделение не столь четкое, и любые попытки оторвать восточную Украину от страны вероятнее всего будут встречены сопротивлением не только со стороны Западной Украины, но и широких масс украинцев, живущих на востоке, включая русскоязычных, которые выразили лояльность Украине.

Глубокие, фундаментальные противоречия уже давно создавали напряженность между сторонами; сторонники прозападного курса воспринимают Москву как исторического узурпатора независимости Украины, а провосточно настроенные воспринимают сторонников Киева как предателей, которые сотрудничали с Гитлером и представляют угрозу для общих русских корней двух наций [5].

В последние годы конфликт был сопряжен с информационными войнами относительно того, как начался кризис в Украине. С одной стороны, российское изложение истории предполагает, что массовые акции протеста против украинского президента Виктора Януковича и

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

его изгнание, под маской которого скрывались расширение НАТО или инициативы Европейского Союза, были не только поддержаны, но организованы на Западе, чтобы установить прозападные режимы и консолидировать зоны влияния у Российских границ [6].

Западная версия истории предполагает, что массовые демонстрации против президента Виктора Януковича в 2004-05 гг. и его свержение в 2014 году были оправданной реакцией на его псевдо-демократический режим кумовства и коррупции и его решение о заключении формального договора с Евразийским экономическим союзом Путина вместо вступления в Европейский союз против воли украинского народа.

Во-вторых, относительно соглашения от 21 февраля, в котором Янукович согласился на сделку о разделе власти при посредничестве ЕС, а затем бежал в Россию, сторонники Москвы считают, что оппозиция устроила антиконституционный переворот и военный захват власти. Исходя из этого, они отрицают легитимность нынешней украинской власти и отказываются признать ее в качестве партнера по переговорам.

Запад подчеркивает, что Янукович не исполнил свою часть сделки, сбежав и оставив свидетельства широкомасштабной коррупции [7] и, таким образом, потерял всю поддержку внутри страны [5]. Это касается российских шагов по Крыму как попытки создать и сохранить влияние на политические процессы в Украине, учитывая, что у Кремля нет отношений с новыми политическими субъектами в Киеве, и таким образом он использует военную силу, чтобы утвердить гегемонию в регионе [6].

В-третьих, Москва видит Киев во власти украинских националистов и экстремистов, которые угрожают безопасности русского меньшинства; это мнение вызвано попыткой нового правительства аннулировать закон о языке, принятый Януковичем в 2012 году, повышающий статус русского языка. Согласно военной доктрине 2010 года, российские вооруженные силы могут быть развернуты, если безопасность российских граждан за пределами своих границ находится под угрозой. Для оправдания аннексии Крыма, Кремль сослался на просьбы о помощи от Януковича, которого он считает легитимным президентом Украины, и представил это как попытку стабилизации ситуации в Украине [6]. Кроме того, Путин утверждает, что защищает

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

другие уязвимые меньшинства и заявляет о массовых нападениях на церкви и синагоги в южной и восточной части Украины.

Запад утверждает, что нет достоверных сообщений об угрозе этническим русским, и что исполнявший на тот момент обязанности президента Турчинов отказался подписать закон, ограничивающий использование русского языка на региональном уровне [7]. Подчеркивается, что не было никаких нападений на церкви, и что еврейские организации в южной и восточной части Украины заявляют, что не видят учащения антисемитских инцидентов [7]. Запад считает, что Путин использует любой повод, чтобы попытаться воссоздать Советский Союз, а также рассматривает его действия как политическую функцию, направленную на подчинение оппозиции в России и восстановление легитимности во имя защиты сферы влияния России [6].

I. Необходимые шаги для трансформации конфликта

В этом разделе описываются меры, которые могут трансформировать конфликтные отношения, лежащие в основе нынешнего конфликта в Украине и поддерживающие его продолжение на уровнях интересов, дискурса, межгрупповом и социально-структурном [8].

а. Многосторонняя дипломатия с упором на второе направление

В первую очередь необходимо разобраться в противоречивых представлениях в Украине по таким вопросам как история, личная и коллективная безопасность, ценности, экономические выгоды, язык и т.д., пока конфликт не стал неразрешимым, не стал неотъемлемой частью повседневной жизни и доминирующей силой в формировании антагонистичных идентичностей. Пока все стороны (Украина, Россия и страны Запада) продолжают приравнивать к победе управление общественным дискурсом [9], воинственность будет расти как среди международных лидеров, так и среди украинцев.

Для того чтобы перейти к деэскалации и стабилизации, должны быть предприняты некоторые шаги. Во-первых, такие организации, как ОБСЕ, должны продолжать играть роль нейтральных локально расположенных наблюдателей, чтобы факты, а не слухи были основой для принятия политических решений [10].

Во-вторых, переговоры на высшем уровне должны проходить под эгидой международных миротворческих организаций с участи-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ем всех сторон, в том числе украинских фракций, ЕС, США и России. Третьи стороны, такие как Миссия специального мониторинга ОБСЕ в Украине [11] могли бы способствовать принятию соглашений, а Совет Европы мог бы служить форумом для диалога между сторонами [12]. Все договаривающиеся стороны должны включать в себя мужчин, женщин и представителей меньшинств.

Одновременно с этим должна проводиться неформальная дипломатия (дипломатия запасного пути), включающая интенсивный устойчивый неформальный диалог для противоборствующих сторон как важный шаг не только для разрядки напряженности, но и как основное средство конструктивных изменений. Цель таких переговоров для сторон состоит в том, чтобы критически оценить свои собственные интерпретации [6] и взять на себя ответственность за глубоко укоренившуюся трагедию, которая разворачивается сейчас [12], без страха потерять лицо. Для успешности диалога необходимо, чтобы он включал следующие действия и принципы:

- каждая сторона должна очертить свои основные цели и запросы. Часто группы имеют общее представление о целях, к достижению которых они стремятся, но как только они садятся за стол переговоров, становится ясно, что им еще нужно разобраться во многих деталях и резервных вариантах;
- каждая сторона должна представить претензии других групп, как она их понимает. Это может прояснить недопонимания и определить ожидания;
- стороны должны принять дискурс, который фокусируется на потребностях, а не на правах. Например, вместо того чтобы настаивать на сельскохозяйственных полях из-за исторических претензий, более прагматичной может быть просьба современного жилья; вместо того, чтобы заявлять свои права на водоем, стороны могут определить необходимое количество воды, и т.д.;
- необходимо избегать давления на стороны для получения обещаний, которые они вряд ли смогут сдержать. Часто в переговорах сильная сторона давит на слабую, заставляя ее давать нереалистичные обещания. Нарушенные обещания часто становятся поводом разорвать переговоры на более поздних стадиях;

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

- вместо того, чтобы делить ресурсы, которые важны для обеих сторон, нужно создать площадку для совместного использования;
- необходимо включить женщин, а также представителей уязвимых меньшинств, для которых высоки ставки на переговорах, чтобы их голоса непременно были услышаны. Помимо русскоязычных украинцев, это могут быть члены еврейских или ЛГБТ сообществ, которые ощущают угрозу со стороны националистических военизированных групп, таких как батальон «Азов», который использует нацистские приветствия и знаки [3], а также крымских татар, которые столкнулись с расизмом и исламофобией из России [13];
- включить экстремистские группы, которые в противном случае могут выступать в качестве нарушителей мира, такие как пророссийские сепаратисты и члены ультра-националистических групп вроде Правого Сектора.

в. Реализация восстановительного правосудия через Комитет истины и примирения (КИП)

Помимо дипломатии «запасного пути» нужно рассмотреть вариант применения многоязычного Комитета истины и примирения (по образцу такого комитета в Южной Африке). Одной из целей этой инициативы будет создание Комитета по нарушениям прав человека, цель которого будет заключаться в проведении общественных слушаний, в которых жертвы конфликта могут рассказать о своем опыте, а виновные смогут явиться в обмен на какую-либо форму амнистии (точные параметры нужно будет определить). Формирование климата открытости, которая дает возможность критического анализа истории взаимоотношений групп (восточных и западных украинцев, меньшинств, таких как татары, евреи и т.д.), послужит необходимой основой для восстановления, реабилитации человеческого и гражданского достоинства и примирения. Такая платформа может придавать равновесие всем противоположным интерпретациям, которые часто основаны на дезинформации. Похожий комитет можно учредить для озвучивания жалоб против коррупции.

Украинский КИП в дальнейшем может послужить основой для нового, коллективного национального самосознания, которое так и не было полностью сформировано из-за относительно юной независи-

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

мости страны и ее сложной истории. Объединение людей с разными социальными идентичностями, разной верой и истиной, для того, чтобы поделиться взглядами на ситуацию, подтверждая при этом значимость индивидуального опыта каждого человека, а не концентрируясь на злодействах другой группы, может способствовать формированию коллективной правды. Кроме того, такой форум мог бы уменьшить стереотипизированность образов и восприятия поведения таких групп, например, приравнивание языка к региональной лояльности. После такого символического достойного перехода граждан к равноправию и уважению, люди смогут почувствовать себя включенными в одно государство. Кроме того, сам характер примирения может стать примером и, таким образом, обеспечить доверие политическим процессам демократизации и справедливости.

II. Шаги по разрешению конфликта

Данный раздел посвящен шагам, которые должны быть предприняты для стратегического управления и сдерживания текущего конфликта и продвижения противоборствующих сторон к положительным результатам.

а. Децентрализационная реформа

Споры по поводу того, нужно ли Украине стать децентрализованной, ведутся давно; пик их пришелся на начало 1990-х годов, когда Крым хотел отделиться, и на время Оранжевой революции, когда восточные и южные регионы угрожали сформировать свою собственную республику [14].

Для того, чтобы разрешить текущий кризис и установить основы для долгосрочного мира и развития в Украине, страна должна пройти конституционную реформу в направлении децентрализации. В настоящее время правительство слабо мотивировано на создание бюрократических институтов и несет мало обязательств по реагированию на потребности граждан, так как Конституция Украины дает президенту полномочия назначать и увольнять губернаторов, что крайне необычно для парламентских демократий. Централизованный контроль над местными органами власти обострил региональную напряженность и затруднил веру в демократическое руководство [15] как политическую структуру, где местные власти номинально подотчетны своему народу,

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

так как на деле они подотчетны внешним централизованным силам, что привело к возникновению чувства маргинализации.

Предоставление более широких полномочий региональной власти укрепит демократический характер Украины и позволит представить интересы меньшинств, чья неспособность выразить недовольство в демократическом процессе может стать стимулом, чтобы прибегнуть к насилию для изменения статус-кво, а этот риск Украина не может себе позволить [16]. Меры должны включать предоставление местным выборным советам в каждой провинции полномочия выбирать своих губернаторов. Это поможет гарантировать, что местное правительство сможет заслужить доверие и удовлетворить потребности своего населения, а не будет просто служить президенту и представлять национальное большинство. Кроме того, эта структура может служить в качестве важного плацдарма для местных политиков, где они смогут продемонстрировать свои лидерские способности и стать конкурентоспособными кандидатами на более высокие посты [15].

Президент Порошенко движется в правильном направлении, когда заявляет, что власти готовы начать процесс децентрализации. Тем не менее, важность такого шага необходимо подчеркнуть за пределами правящей партии, а реализация зависит от более широкого парламента, который подавляющим большинством проголосует за изменение конституции [14].

в. Разрешение крымского кризиса

Даже сейчас, когда внимание направлено на прекращение насилия в Восточной Украине, крымская ситуация не должна игнорироваться ни при каких обстоятельствах. Западные деятели не могут принять односторонний референдум о выходе из Украины, справедливость которого критики ставят под вопрос, или аннексию Россией региона, так как это нарушает нормы международного права, а также конституции Крыма и Украины.

Сейчас, когда российский рубль и российские законы на территории Крыма уже введены в действие, Запад должен решить стратегически, как быть с полуостровом. Продолжение неэффективной войны санкций или военное вмешательство лишь усугубит ситуацию. Вместо этого, как часть процесса урегулирования, Украина и Россия могут на-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

значить общенациональный референдум, в котором всем украинцам будет предоставлено право голоса относительно будущего статуса Крыма, с условием, что голоса крымского населения будут иметь больший вес. Это отменит одностороннюю и сомнительную с точки зрения свободы выборов природу предыдущего референдума и сделает его демократическим инклюзивным процессом, соответствующим международным и национальным законам. Если таким образом Крым вернется в Украину, он сможет продолжать быть автономией, полученной до настоящего времени, или пересмотреть ее, но так чтобы его собственная конституция была подчинена конституции Украины по вопросам юрисдикции [17]. Если Крым присоединяется к России, украинцам и другим меньшинствам, таким как татары, которые боятся преследования [18], должен быть предоставлен выбор: остаться с полными правами или мирно уйти [19].

с. Поддержание экономической безопасности как путь к политической безопасности

Не следует упускать из виду экономические факторы, которые сопутствуют политическим трудностям как существенные мотивы конфликта. Среднестатистический украинец на 20% беднее сейчас, чем был до падения бывшего Советского Союза¹. Сочетание мрачных перспектив заработка и низкой стоимости ассоциированного с конфликтом капитала, предоставленного Россией сепаратистам, такого как военное вооружение и организационные навыки, позволили напряжению проявить себя через насилие. Для борьбы с этим Киев должен рассмотреть вопрос о предоставлении позитивных стимулов для сепаратистов, способствующих прекращению боевых действий, таких как рассмотрение возможностей выкупа оружия (в виде денежных средств или других товаров и услуг) как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе.

Кроме того, Западом в значительной степени игнорируются негативные последствия удержания Киевом 2,6 млрд долларов пенсионных выплат и платежей государственным служащим (например, работникам школ и больниц) для местного населения в районах, контролируемых сепаратистами [20]. Киев должен рассмотреть прекращение карательных мер, которые ухудшают и без того ужасные

1 <http://www.themarket.com/wallstreet/1.2497610>.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

условия для местного населения, служат доказательством того, что Запад игнорирует народ, и способствуют дальнейшей маргинализации местных жителей, толкая их к пророссийским силам [2].

Также, вместо того чтобы поощрять рост Украины, Запад наложил суровые меры жесткой экономии. Учитывая серьезность событий в Украине и их потенциальных международных последствий, стоит переоценить эффективность такой политики и рассмотреть пути оказания финансовой и технической помощи Украине для обеспечения стабильности в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

d. Заключение верных альянсов: Евросоюзу – да, НАТО – нет

В эти непростые времена очень важно, чтобы Украина и международное сообщество стратегически подошли к тем партнерским отношениям, которые позволят стране добиться устойчивого мира. В связи с этим Украине должна быть предоставлена возможность вступить в Европейский союз, но не в НАТО, где ее статус может быть пересмотрен через несколько десятилетий, чтобы обеспечить стабильность в регионе.

Интеграция Украины в ЕС пользуется беспрецедентной поддержкой общественности, как стало ясно в 2013 году в ходе протестов на киевской центральной площади Майдан и из последующего подписания Соглашения об ассоциации [21]. Для этого Европейская комиссия взяла на себя обязательство осуществить ряд экономических и финансовых мер для поддержки реформ, необходимых для стабилизации ситуации в стране и обеспечения интеграции.

Шаги на пути к членству в ЕС должны продолжаться при условии, что интеграция принесет возможности для устойчивого экономического развития и процветания в регионе. Однако для России и ее соседей необходимо прояснить, что наличие тесных связей с Европой не будет означать поворота к той или иной сфере влияния, не противоречит и не наносит ущерба поддержанию тесных связей и торговли с Евразией.

С другой стороны, Украине нельзя позволить вступить в НАТО, хотя эта возможность может быть пересмотрена лет через 20. Все в таком роде будет представлять собой серьезную угрозу для безопасности в регионе.

Хотя официальные лица признают, что их страна далека от удовлетворения требованиям НАТО, декабрьский законопроект о снятии

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

внеблокового статуса страны и движении в направлении соответствия критериям членства означает, что Украина будет подавать заявку, если сочтет, что одобрение вероятно.

Законопроект вызвал недовольство Москвы, которая видит в НАТО одного из важнейших соперников за влияние в регионе [6]. Неудивительно, что премьер-министр России Дмитрий Медведев предупредил, что принятие закона «превратит Украину в возможного военного противника для России» [22]. Таким образом, рационально было бы поддерживать ненасильственные решения по преодолению кризиса, НАТО должен отказаться от такой возможности.

Кроме того, западное военное вмешательство скорее всего усилит представление о конфликте как международной войне, а не украинской гражданской войне – формулировка, которая скорее приведет Россию к соглашению. Главным приоритетом в настоящий момент должно быть прекращение насилия, а привлечение Киева в НАТО приведет лишь к обострению конфликта [22].

Заключение

Немедленное принятие намеченных шагов по урегулированию конфликта и долгосрочное применение методов трансформации конфликта может позволить Украине вырасти в благополучную и мирную нацию. Однако в этом процессе Украина не может позволить себе быть пешкой в опосредованной войне Востока и Запада. Напротив, ей нужно занять активную позицию, одновременно признавая свое стратегическое положение, дающее свой потенциал, но и тот факт, что сейчас она может позволить себе пойти на компромисс по таким вопросам, как Крым и НАТО, учитывая необходимость регионального сотрудничества по глобальным вызовам и учитывая, что в ближайшие годы во властных отношениях, вероятно, произойдут огромные изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ukraine crisis: Army retreats at Donetsk airport [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bbc.com/news/world-europe-30929344>.
2. Driving Ukrainians Into Putin's Arms [Электронный ресурс]. –

**Восточнуукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

Режим доступа : http://www.nytimes.com/2014/12/09/opinion/driving-ukrainians-into-putins-arms.html?_r=0.

3. Crafting a win-win-win for Russia, Ukraine and the West [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.washingtonpost.com/opinions/crafting-a-win-win-win-for-russia-ukraine-and-the-West/2014/12/05/727d6c92-7be1-11e4-9a27-6fdb6c12bff8_story.html.

4. Kissinger H. To settle the Ukraine crisis, start at the end [Электронный ресурс] / H. Kissinger. – Режим доступа : http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html.

5. At the heart of the Ukraine conflict is a conflict about what actually happened [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://qz.com/213318/at-the-heart-of-the-ukraine-conflict-is-a-conflict-about-what-actually-happened/>.

6. Fisher Sabine. Escalation in Ukraine: Conflicting Interpretation Hamper International Diplomacy [Электронный ресурс] / Fisher Sabine. – Режим доступа : http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2014C17_fhs.pdf.

7. President Putin's Fiction: 10 False Claims About Ukraine [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/03/222988.htm>.

8. Lederach J. P. Conflict Transformation [Электронный ресурс] / J. P. Lederach. – Режим доступа : <http://www.beyondintractability.org/essay/transformation>.

9. Dougherty J. Everyone Lies: The Ukraine Conflict and Russia's Media Transformation [Электронный ресурс] / J. Dougherty. – Режим доступа : <http://shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2014/07/d88-dougherty.pdf>.

10. OSCE in Ukraine: "Facts as basis for politics" [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dw.de/osce-in-ukraine-facts-as-basis-for-politics/a-17551906>.

11. OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.osce.org/ukraine-smm>.

12. UKRAINE: Dialogue and East-West cooperation are the key [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://worldbeyondwar.org/ukraine-dialogue-east-West-cooperation-key/>.

Восточнокраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

13. Ukraine, Not Ready for Divorce [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nytimes.com/2014/03/06/opinion/ukraine-not-ready-for-divorce.html>.

14. Would a federal Ukraine be viable? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dw.de/would-a-federal-ukraine-be-viable/a-17404541>.

15. Myerson R. A Call for Political Decentralization in Ukraine [Электронный ресурс] / R. Myerson. – Режим доступа : http://www.huffingtonpost.com/roger-myerson/a-call-for-political-dece_b_4903795.html.

16. Germany urges Ukraine to accept federal solution with separatists [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ft.com/cms/s/0/2b0b440c-2ac8-11e4-811d-00144feabdc0.html#axzz3P Yc4pwa5>.

17. Crimea Vote Deepens Crisis and Draws Denunciations [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nytimes.com/2014/03/07/world/europe/ukraine.html>.

18. Vladimir Putin tells Crimea's Tatars their future lies with Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.theguardian.com/world/2014/may/16/vladimir-putin-crimea-tatars-russian-ukraine>.

19. Galtung J. Ukraine-Crimea – The Solution Is a Federation with High Autonomy [Электронный ресурс] / J. Galtung. – Режим доступа : <http://www.ipsnews.net/2014/04/ukraine-crimea-solution-federation-high-autonomy/>.

20. Kramernov A. E. (2014), Ukraine to Freeze Payments in Separatist Areas [Электронный ресурс] / A. E. Kramernov. – Режим доступа : <http://www.nytimes.com/2014/11/06/world/europe/ukraine-to-freeze-payments-in-separatist-areas.html>.

21. ФАКТ SHEET “EU-Ukraine relations”, Brussels, 17 February 2015, 150217/02 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eeas.europa.eu/statements/docs/2014/140514_02_en.pdf.

22. Bando D. Ukraine Wants To Join NATO And Fight Russia: U.S. Must Say No And Make Alliance An Issue of Security, Not Charity [Электронный ресурс] / D. Bando. – Режим доступа : <http://www.forbes.com/sites/dougbando/2014/12/26/ukraine-wants-to-join-nato-and-fight-russia-u-s-must-say-no-and-make-alliance-an-issue-of-security-not-charity/>.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

У статті обґрунтовується підхід до трансформації українського конфлікту, в рамках якого нинішня криза визнається як прояв глибоких напруженостей. Пропонується двоаспектний підхід до досягнення миру в регіоні: а) шляхом здійснення багатосторонньої дипломатії, орієнтованої на зміну аспектів поведінки і установок учасників конфлікту; б) шляхом створення органу відновного правосуддя по типу південноафриканського комітету правди та примирення. Автор пропонує стратегічні кроки, спрямовані на мирне завершення конфлікту: а) проведення реформ з децентралізації України; б) вирішення питання Криму шляхом всенародного референдуму; в) позначення економічної безпеки як пріоритетного шляху для досягнення політичної безпеки; г) поступове створення стратегічних альянсів, які передбачають членство України в ЄС, але не в НАТО, в найближчі роки.

Ключові слова: Україна; Крим; конфлікт; дорожня карта; стратегія.

The article explains the approach to the transformation of Eastern Ukrainian conflict, in which the current crisis is recognized as a manifestation of deep-seated tensions. Features a two-pronged approach to achieving peace in the region: a) through the implementation of multilateral diplomacy, focused on changing aspects of the behaviour and attitudes of the parties to the conflict; b) by creating a body of restorative justice on the type of the South African Committee of truth and reconciliation. Suggested by the author strategic steps towards a peaceful end of the conflict, are: a) carrying out the decentralization reforms of Ukraine; b) the issue of Crimea by a national referendum; C) the designation of economic security as a priority the way to achieve political security; and (d) the gradual establishment of strategic alliances that will provide for Ukraine's membership in the EU but not NATO in the coming years. In his proposals author uses a large experience in this kind of problems on the conflicts on Middle East, Africa and Southern America areas.

Keywords: Ukraine; Crimea; conflict; roadmap; strategy.

REFERENCES

1. Ukraine crisis: Army retreats at Donetsk airport, available at: <http://www.bbc.com/news/world-europe-30929344>
2. Driving Ukrainians Into Putin's Arms, available at: <http://www.>

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

nytimes.com/2014/12/09/opinion/driving-ukrainians-into-putins-arms.html?_r=0

3. Crafting a win-win-win for Russia, Ukraine and the West, available at: http://www.washingtonpost.com/opinions/crafting-a-win-win-win-for-russia-ukraine-and-the-West/2014/12/05/727d6c92-7be1-11e4-9a27-6fdb612bff8_story.html

4. Henry Kissinger (2014), To settle the Ukraine crisis, start at the end, available at: http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html

5. At the heart of the Ukraine conflict is a conflict about what actually happened, available at: <http://qz.com/213318/at-the-heart-of-the-ukraine-conflict-is-a-conflict-about-what-actually-happened/>

6. Fisher Sabine (2014), Escalation in Ukraine: Conflicting Interpretation Hamper International Diplomacy, available at: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2014C17_fhs.pdf

7. President Putin's Fiction: 10 False Claims About Ukraine, available at: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/03/222988.htm>

8. Lederach John Paul (2003), Conflict Transformation, available at: <http://www.beyondintractability.org/essay/transformation>

9. Dougherty Jill (2014), Everyone Lies: The Ukraine Conflict and Russia's Media Transformation, available at: <http://shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2014/07/d88-dougherty.pdf>

10. OSCE in Ukraine: "Facts as basis for politics", available at: <http://www.dw.de/osce-in-ukraine-facts-as-basis-for-politics/a-17551906>

11. OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine, available at: <http://www.osce.org/ukraine-smm>

12. UKRAINE : Dialogue and East-West cooperation are the key, available at: <http://worldbeyondwar.org/ukraine-dialogue-east-West-cooperation-key/>

13. Ukraine, Not Ready for Divorce, available at: <http://www.nytimes.com/2014/03/06/opinion/ukraine-not-ready-for-divorce.html>

14. Would a federal Ukraine be viable?, available at: <http://www.dw.de/would-a-federal-ukraine-be-viable/a-17404541>

15. Myerson Roger (2014), A Call for Political Decentralization in

**Восточнуукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

Ukraine, available at: http://www.huffingtonpost.com/roger-myerson/a-call-for-political-dece_b_4903795.html

16. Germany urges Ukraine to accept federal solution with separatists, available at: <http://www.ft.com/cms/s/0/2b0b440c-2ac8-11e4-811d-00144feabdc0.html#axzz3P Yc4pwa5>

17. Crimea Vote Deepens Crisis and Draws Denunciations, available at: <http://www.nytimes.com/2014/03/07/world/europe/ukraine.html>

18. Vladimir Putin tells Crimea's Tatars their future lies with Russia, available at: <http://www.theguardian.com/world/2014/may/16/vladimir-putin-crimea-tatars-russian-ukraine>

19. Galtung Johan (2014), Ukraine-Crimea – The Solution Is a Federation with High Autonomy, available at: <http://www.ipsnews.net/2014/04/ukraine-crimea-solution-federation-high-autonomy/>

20. Kramernov Andrew E. (2014), Ukraine to Freeze Payments in Separatist Areas, available at: <http://www.nytimes.com/2014/11/06/world/europe/ukraine-to-freeze-payments-in-separatist-areas.html>

21. FACT SHEET “EU-Ukraine relations”, Brussels, 17 February 2015, 150217/02, available at: http://www.eeas.europa.eu/statements/docs/2014/140514_02_en.pdf

22. Bandow Dug (2014), Ukraine Wants To Join NATO And Fight Russia: U.S. Must Say No And Make Alliance An Issue of Security, Not Charity, available at: [http://www.forbes.com/sites/dougbandow/2014/12/26/ukraine-wants-to-join-nato-and-fight-russia-u-s-must-say-no-and-make-alliance-an-issue-of-security-not-charity/charity/.](http://www.forbes.com/sites/dougbandow/2014/12/26/ukraine-wants-to-join-nato-and-fight-russia-u-s-must-say-no-and-make-alliance-an-issue-of-security-not-charity/charity/)

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 658.01

Олег КИРНИЦКИЙ
аспирант кафедры философии
Донецкого национального университета

ВИРТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ ВОЙНЫ XXI ВЕКА

Данная статья рассматривает современные контексты проблемы войны. В работе автор акцентирует внимание на виртуальной составляющей в современных конфликтах. Особое внимание уделяется социально-конструктивистским механизмам формирования военной операции в двадцатом веке. В работе рассматриваются возможности виртуальных конструктов как стратегии войны.

Ключевые слова: война, виртуальность, социальное конструирование, гибридная война, реальность.

Проблема войны и мира в социально-философской мысли за последние две тысячи лет приобрела все более громкое звучание и актуализировалась большинством восточных, европейских и отечественных мыслителей. Сегодня важен вопрос сущности явления войны и её связи с явлением виртуальности. Активное внимание к подобной взаимосвязи объясняет тот факт, что сегодня категория «война» всё в большей мере связывается с нравственно-ценностным подходом. Для расширения подобного узкого видения следует обратиться к другим философским подходам, открывающим новые грани и аспекты проблемы войны. Данная статья ставит целью философское осмысление многофакторности современной войны, выявление сущности и методов её виртуализации в глобализирующемся мире.

Современным интерпретациям войны предшествует целый ряд историко-философских размышлений. Основную суть можно свести к следующему определению: война есть вооружённая борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. По сути,

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

каждый философ уделял внимание вопросу войны и мира, встраивая данную проблематику в сферу своих философских интересов.

Колыбелью военной истории и развития военно-философской мысли по праву считается Древняя Греция. Наибольший вклад в исследование явлений вооруженной борьбы внесли Фукидид, Ксенофонт, Полибий. Будучи передовыми мыслителями, они осознавали значимость военной тематики для стратегии выживания греческих полисов от натиска варваров. Вклад философов в развитие военного искусства состоит в исследовании причин войн, зависимости успеха в них от роли полководцев, материального фактора, географии, антропологии. Еще Гераклит говорил, что «война есть правда мира, отец и царь всех вещей» [1, 361]. Платон писал о войне как о необходимости, которая заставляет даже «идеальные» государства воевать, так как нет войны там, где нет изменений (для поддержания идеальности) [1, 373].

В XVIII в. произошло становление и оформление военной науки как суммы знаний о войне, военном деле и военном искусстве. Крупными военными писателями этой эпохи были Фолар, Гибер и Мориц Саксонский, а в последующем – Фридрих II, Д. Ллойд и Б. Бюлов. В их произведениях был обобщен опыт предшествовавших войн и определены некоторые общие принципы войны. В XIX веке существенное влияние на разработку военной теории оказали эрцгерцог Карл, Наполеон, Жомини и Клаузевиц.

Границы XX-XXI веков становятся той чертой, за которой научный прогресс и отдельные состояния массового сознания, как, например, «чёрные дыры» Ж. Бодриера, делают саму суть, идею войны абсолютно иной – неполной, алогичной, не соответствующей порядку вещей XXI века. Следовательно, война стала явлением, требующим новых социальных практик. К тому же опыт Первой и Второй мировых войн порождает полное отторжение глобальной войны мирового масштаба. Войны стали локальными, партизанскими, но от этого ещё более опасными и имеющими иную природу своей активности. Последнее довольно смелое утверждение подтверждает факт перехода масштабных открытых войн (особенно первой половины XX века), характерных для всей человеческой истории, в состояние «гибридных войн» [2]. Гибридные войны представляют собой способ ведения боевых действий в

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

необъявленном формате с максимальным применением местного населения, небольших высокопрофессиональных групп, что позволяет развитие сферы высоких технологий и информационного манипулирования. И основой данному процессу перехода войн в гибридное состояние есть явление виртуальности, о чём пойдёт речь дальше.

Виртуальность – объект или состояние, которое реально не существует, но может возникнуть при определённых условиях [3]. Слово *virtus* использовалось римлянами для обозначения лучших качеств, которые в идеале были присущи мужчинам – воинам: ловкость, сила, выносливость, моральность. Виртуальность можно считать «прародительницей» войны. Именно виртуальные в современном понимании качества создавали в римском социуме совокупность моральных качеств, способствующих войне – доблести, храбрости, агрессивности – что было первично у римлян при разжигании массы войн древнего мира. На непосредственную связь тематики войны и виртуальности указывает факт, что богиней войны римской мифологии была Виртута, которая вдохновляла римлян на военные подвиги [4, 747–748]. Именно из-за желания приобщиться к более доблестным, мужественным, воинственным, что было популярно в римском обществе, индивид становился частью такого виртуального мира в абсолютно реальных боевых действиях. Терялось различие между реальным и виртуальным положением. Виртуальность становилась тем состоянием, в котором субъект, принимающий участие в войне, терял различие между реальным миром, в котором он мог стать калекой во время ведения боевых действий в сложных условиях антисанитарии древних войн, где потери среди раненых после боя были существенно выше убитых в бою, и виртуальным, в котором богиня доблести Виртута гарантировала ему доблесть, браваду, продвижение в обществе Древнего Рима [4, 747].

Конечно, XX – XXI века не соотносятся с подобным восприятием понятия виртуальности в теологическом римском видении. Уже Томас Гоббс в Новое время утверждал, что «... война возможна только потому, что люди не знают причин войны и мира...» [5, 56]. Отход от подобных утверждений, актуальных до середины XX века, обнаруживается в кантовской традиции постановки вопроса «Как возможно познание войны и мира?», характерной для эпохи Просвещения, и рассуждениях

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

фон Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими средствами. Перефразировка этого суждения Мишелем Фуко, который назвал политику продолжением войны другими средствами, сделала предмет войны исторически перманентным, подобно гераклитовскому «всё течёт, всё меняется».

Для понимания взаимосвязи войны и процессов виртуальности следует поставить Хайдеггеров вопрос: «Почему есть война, а не наоборот, вечный мир?». С точки зрения как философии, так и политологии, геополитики, логистики можно приводить войны к обширному ряду причин существования. «Быть может, свобода человека может сохраняться и неизмеримо расширять опыт своего бытия только в том случае, если пребывает неразрешимость напряжения» [6, 352]. Таким образом, философ указывает на заложенный в самой природе общественного развития курс на имманентную присущность военных действий в мире.

В XXI веке явление войны начинает всё больше коннотативно связываться с явлением виртуальности. Спокойное и размеренное в военно-конфликтном плане существование общества Европы после Второй мировой войны воспринимает только термин «война», но не саму его суть. Виртуально в умах индивидов европейской культуры существует лишь сама оболочка, подобная идее Платона, без сущностного наполнения. Война, явившаяся всё больше в локальных конфликтах, перестала приносить страх большим массам, так как перестала быть связанной с понятиями жизни и смерти как «существованием на грани бытия и небытия» [1, 354].

Но индивиду жизненно необходимо ощущение подобных явлений для осознания собственной экзистенции. Сегодня симулякр подобного ощущения дают множество популярных в виртуальном мире продуктов кинематографа в виде боевиков и массы компьютерных игр жанра «шутер» [5]. Подтверждал данную тенденцию в самом начале эры становления виртуальной эпохи, открытой технологическим прогрессом и средствами коммуникации, Карл Ясперс, который писал: «Остаётся нерешённым вопрос, есть ли в человеке нечто подобное тёмной и слепой воле к войне – стремление к иному, к выходу из повседневности, из стабильности обстоятельств, нечто подобное воле к уничтожению и жертвенности, туманный энтузиазм, направленный на создание нового

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

мира, или далёкая от действительности рыцарская жажда борьбы; воля к самоутверждению, стремящаяся доказать, на что она способна, и предпочитающая пассивному ожиданию смерти в конце бессмысленного существования свободно избранную смерть» [6, 345-346]. В утверждении Карла Ясперса можно найти аналогию с образом богини войны Виртуты у древних римлян, и, самое главное, указание немецким философом на «или далёкую от действительности» жажду борьбы уже направляет логику рассмотрения проблемы к самому определению виртуальности как «объекта или состояний, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях». Следовательно, виртуальное существование войны – первичная предпосылка возникновения любых реальных боевых действий. Для военного конфликта в XXI веке уже недостаточно иметь территорию в определённой точке земного шара, максимально насыщенную оружием (Северная Корея, Сирия, Палестина, Афганистан). Почему-то все сегодня всё больше говорят о важности при ведении боевых действий параллельно и информационной войны, концепций которой безумное множество [7]. Но мало кто доказывает тот факт, что основной этап войны лежит перед непосредственным ведением боевых действий. Ведь именно после осознания того факта, что начать войну можно только на уже «виртуально подготовленной территории», что многие считают пропагандой или идеологией, появился термин «гибридных войн», который сегодня по сути заместил классическое понятие войны. Лишь после создания/разрушения целостного образа цели войны в умах индивидов возможна силовая акция. Подобный переход намечился в 90-е годы XX века. Так, в Югославском конфликте 1994 года уже был впитан опыт войны в Кувейте: «Новая стратегия направлена на то, чтобы вызвать замешательство среди командования и подорвать дисциплину югославской армии» [8, 112]. Фактически, это была одна из первых войн, в которых ставка эффективности делалась не исключительно на военные удары и активные боевые действия, а на изменение интерпретации общественного мнения для формирования мировосприятия индивидов. Эта война показала, что необходима «виртуальная смерть» противника в виде усиления негативных взглядов в общественном мнении, значимость которого оценили всё те же древнегреческие философы – софисты, Протагор, Демокрит. Обще-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

ственное мнение состоит из представлений, мысленных конструктов, логически-смысловых связей в умах. Сам факт влияния на состояние такого «виртуального продукта» можно свести к базовому теоретическому знанию о соотношении реальности и информации, поступающей из виртуального мира. Именно в факторе влияния на виртуальность лежит эффект создания и проведения успешных военных кампаний современности. Возможность «реализовать – представить» индивиду в его сознании наиболее сильные угрозы военных реальных/возможных действий лежит исключительно в плоскости языка, который неким образом связан с реальными объектами, как указывал Дж. Сёрл [9]. В конечном счёте, именно из-за необходимости создавать и контролировать реальные объекты в бытийном мире и ведутся самые кровопролитные войны, за исключением этнических. А окончательное понимание того, что «перетянуть» население определённой территории на свою сторону можно с помощью языка, пришло лишь с виртуально-информационными стратегиями. Идеологическое или пропагандистское влияние многими считается эффективнее непосредственных боевых действий.

Самые эффективные в виртуальном плане войны – операция «Буря в Пустыне» и Югославский конфликт – показали, что настоящая победа будет одержана лишь тогда, когда население будет формировать свои взгляды, исходя не просто из пропаганды, а из радикального конструктивизма, основу которому даст виртуальный мир стороны победителя – телевидение, радиовещание, отсутствие мобильной связи с другими территориями страны. Главное – тотальный захват всех социальных факторов и явлений, позволяющих человеку конструировать свою действительность. Подобное положение направлено на порождение явления крайнего солипсизма, которым индивиды на интересующей в военном плане территории либо поддерживают противника в уже существующих боевых действиях, либо создают возможность для появления конфликта в дальнейшем. Таким образом, виртуальность становится в XXI веке ключевым фактором при ведении боевых действий [10, 61].

Создание информационно-социальной сферы противника, погружённой с философской точки зрения в состояние, когда «расположение тех или иных реалий не сводится к правилам пространственного

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

и временного конструирования» [11, 14], даёт возможность создавать совершенно иную реальность для индивидов. Если адмирал Ушаков впервые в военной науке начал уничтожать лишь флагманский корабль, Ганс Гудериан впервые принял тактику танковых клиньев, отсекающих тылы и сообщения противника, то граница XX–XXI веков показала необходимость в боевых действиях первейшим образом брать контроль над сферами, способными менять восприятие реальности.

Ход военных действий показал, что виртуальность так же, как и в средние века, становится сущностью материальных объектов, заключённых в потенции, которая развивается в процессе поглощения действительности. Так, виртуальные ценности, цели, идеалы во время военных действий или перед подготовкой к ним, оказываются сущностью потенциальной по отношению к реальному миру и осуществляют сам ход боевых действий, выражая активную поддержку той или иной стороны. Если в средние века слово «виртуальность» использовалось для дополнения ведущей теологической модели реальности, то в современном мире во время войн виртуальность всё в большей мере формирует основную реальность человека, отрезанного войной от окружающего мира. Феномен виртуальности в XXI веке становится не характеристикой сознания или восприятия индивида, а формирует канву реальности. На образ последней обычно нацелено явление пропаганды [12]. Но последнее существенно отличается от виртуального влияния во время войны. Пропаганда создаёт лишь кратковременное влияние на взгляды и общественное мнение, носит преимущественно временно-политический характер и преследует кратковременные цели. Привлечение явления виртуальности носит гораздо более глубокий и философский смысл – изменить саму основу конструирования реальности массы населения через выстраивание логической системы причинно-следственных связей, которые должны привести реальность индивида к определённомu действию.

В контексте разговора о войне следует отметить, что явление виртуальности начинает всё больше преодолевать неполноту. Примером чего может быть появление беспилотных и абсолютно автоматизированных систем воздушных атак (дронов), сверхточных радиолокационных станций, систем наведения умных ракет. Они являются продуктом

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

автоматических (по сути, виртуальных) систем сбора информации. Они основаны на экспериментах Неймана, Экерта, а последние, в свою очередь, обязаны плеяде выдающихся философов и их достижениям: Бэббиджу и его аналитической машине, Лейбницу с его символической логикой. Последние уходят корнями своих достижений в отрывки логики Аристотеля, указывающие ещё две тысячи лет назад на понятие энтелехии как виртуально заложенной потенции. Таким образом, явление войны сегодня базируется на передовых виртуальных технологиях, опирающихся всей своей сутью на всё те же «виртуальные корни» перечисленной части философов, что заложили основу для моделирования реальности сегодня своими открытиями. Именно виртуальная составляющая войны сдвинула баланс сил в мире, создав системы слежения и оповещения и сделав неразумным и безуспешным ведение боевых действий масштаба двух мировых войн. Ведь если рассматривать с точки зрения Аристотеля «холодную войну», то её можно будет назвать не холодной, а виртуальной. А по-древнегречески – энтелехиальной как возможной в своей потенции. Ведь её суть была в постоянном совершенствовании систем точного, опять-таки виртуально-высокотехнологичного, наведения оружия на противника и чисто потенциальной возможности его уничтожения в случае возникновения угрозы.

Любая вероятность возникновения войны сегодня также может быть предопределена виртуальными стратегиями из-за того, что конструктивно-логический аппарат формирования картины реальности у индивида рассматривает не предельные факты реальности, а её конструкции, не абсолютную сущность (окружающий мир), а ограниченную структуру, конструкт, который неполон и может быть всегда дополнен логически обоснованными, по мнению того же индивида, явлениями [13]. Виртуальность в аристотелевском определении энтелехии как возможности, потенции в военном деле даёт вариант индуктивной логики, где на первичном этапе сама война должна обрести достаточное основание для своего «существования» за рамками «энтелехии-виртуальности». Лишь тогда она перейдёт в границы политологического, геополитического, антропологического и любых иных измерений реальности.

Многие находят необыкновенным тот факт, что часто пути дальнейшего развития чего-либо нового в этом мире закладывали авторы

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

философско-художественных произведений. Так, одну из основ виртуальности заложил известный фантаст Р. Желязны, который писал, «что немногие люди могут признать, что им полностью чужда идея о том, что мир, который они видят вокруг себя, на самом деле плод их воображения». По сути, данная цитата подтверждает, что мир, который мы представляем себе завтра, сегодня уже заранее сконструирован виртуально. Можно говорить, что в этом есть большая доля солипсизма, с его вариациями сталкивается и феноменология, которая осуществляет редукцию реального материального мира к чистому сознанию (как виртуальной категории). Если перекладывать подобную логику виртуальности на явление войны в XXI веке, то можно утверждать, что из-за синтетического анализа двух явлений – войны и виртуальности – стало возможным, во-первых, показать сущность дальнейшего развития войны, во-вторых, прогнозировать очаги её возникновения.

Так, Оруэлл указывал в 1945 году, ещё до возникновения угрозы ядерной войны, что её сутью есть положение, когда жизненное пространство мира поделено между несколькими крупными игроками. Этот же автор впервые применил термины «холодная война» и «сверхгосударства», которые определили суть дальнейшего вектора военной напряжённости на планете. Чисто виртуально-теоретическая литературная деятельность автора позволила спрогнозировать на планете будущее войны, которая с 40-х годов XX века всё сильнее втягивается в виртуальность как максимальную в своём выражении стратегию развития военной сферы современности. Если пропаганда показала эффективность благодаря своей нацеленности на подавление, использование уязвимостей человеческого сознания, благодаря чётко созданной стратегии, то влияние виртуального на характер современной войны позволяет создать целостную картину в сознании индивида, и показывает, что пропаганда может создавать лишь образы [13, 134].

Во-вторых, прогнозировать в XXI веке появление взрыва локального военного конфликта гораздо эффективней не через спутник, который даёт виртуально-визуальную карту переброски войск противника, а через сферу социальной коммуникации. Это утверждение не ново. Подобная стратегия применялась уже во время Второй мировой войны и была нацелена на выявление закономерностей в информационном

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

поле [13, 140]. Но виртуальность в военных конфликтах современности ставит целью больше, чем создание способствующих войне факторов в виде слов-маркеров, метафор, подмен смыслов, ложных фактов, которые, если смотреть с философской, а не журналистской, социологической точки зрения, есть ни что иное, как целенаправленное нарушение первого закона логики Аристотеля. Цель явления виртуальности в военном применении – создать в индивидуальном сознании массы индивидов, населяющих потенциально интересную с военной точки зрения территорию, явление, приближённое к радикальному конструктивизму, когда индивид не будет воспринимать правила и истины общества и государства, а строит некий бесконечно замкнутый на самом себе и не воспринимающий сигналы извне мир. Для создания войны, конфликта, любого вооружённого, социального противостояния самым эффективным методом сегодня есть применение парадигм радикального конструктивизма, указанных Глазерсфельдом: конструирование знания самим субъектом, перенос функции познания лишь в опытный мир, а не для дальнейшего открытия онтологической реальности [14]. Таким образом, можно создать виртуальный мир в сознании индивида, опираясь на основы принципа закрытости познавательного опыта последнего [14, 113]. Как протозарождение подобной виртуальной стратегии в практике войн можно назвать операцию спецслужб США по формированию образа Афганской войны 1979-1989 гг. в глазах населения Афганистана как войны СССР против всего ислама. Мировосприятие необразованных моджахедов, видящих ислам основой своей жизни, желающих возвращения времён «чистого ислама и шариата» в свою бытийную реальность, создавало ситуацию, описанную Глазерсфельдом, когда «мир, который мы познаем (проживаем) на собственном опыте и который мы сами же конструируем, является актом произвольным, наше конструирование – это не предмет специального внимания, т.е. мы не знаем, как мы это делаем» [14, 17], и давало самую лучшую почву для чисто виртуального, неосознанного конструирования мира, что способствовало эскалации и управляемости конфликта.

Так же масштабно, как в случае с моджахедами, и наиболее эффективно все вышеописанные стратегии виртуальности применены в конфликте на востоке Украины. Одна из его причин – обновлённая

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

военная доктрина РФ, которая определила информационное влияние как определяющее в войне XXI века. Использование информационного (виртуального) влияния на население Донбасса, ментально привязанного к советскому прошлому, позволило осуществлять действия, противоречащие международному праву, региональной стабильности. При этом становятся минимальными шансы доказать причастность официальных государственных структур к конфликту. Кроме того, создание жёстко-радикальной модели социального конструирования реальности для населения делает возможным «использование военного потенциала населения в комплексе с военной силой».

Построение подобного виртуального конструкта сегодня уже не вспомогательная, а главная стратегия для жизнеспособности любой военной кампании. А если говорить о конфликте на Донбассе, то всё вышеизложенное – его скелет, без которого агрессия захлебнулась бы в первые дни. Поэтому определить начало тех или иных приготовлений к военным действиям можно по малейшим началам изменений, подмене, исправлению основных критериев и фактажа, формирующих воспринимаемый мир, влияющих на саму селекцию фактов для формирования реальности и имеющих возможность приводить эти факты в соответствие с реальностью, которую желает конструировать индивид [14, 52].

Таким образом, сегодня имеется широкий спектр инструментов, использовавшихся ранее для моделирования виртуальной реальности, от СМИ и интернета до социальных сетей, новых религиозных движений, дискурсивных практик, бывших видеоигр, ставших прообразами дронов, который становится уже, скорее, средствами формирования действительности. Военная стратегия будущего будет всё больше отходить от стандартизированных практик использования лишь вооружённого и пропагандистского компонентов, и всё больше дополнять последний совершенствующимися практиками влияния на формирование реальности в восприятии. Основа возможности осуществления данной стратегии лежит в разграничении и дальнейшем противопоставлении истин, заложенных в содержание терминов, подаваемых индивидам, и истин, основанных на реальных фактах, с упором на бездумное применение первых при максимальной визуализации и реалистичности и максимальном искажении значения вторых [15, 21]. Как вариант, такая

**Восточнуукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

практика уже сейчас даёт возможность всё меньше применять собственные вооружённые силы и мобилизовать для войны население интересного с военной точки зрения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диоген Лаэртский. О Жизни, учениях и изречениях знаменитых философов: избр. соч / Д. Лаэртский; Перевод с древнегреческого М.Л. Гаспарова. – М. : Мысль, 1986. – 576 с.
2. Greg G. Hybrid Wars. Government Executive. [Electronic resource] // Retrieved 7 October 2010 – Mode of access: WWW.URL: <http://www.govexec.com/magazine/features/2008/05/hybrid-wars/26799/> - Last access: 21.05.2015. – Title from the screen.
3. Грицанов А. Виртуальная реальность / А. Грицанов // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
4. Fears R. The Theology of Victory at Rome: Approaches and Problem [Text] / Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. – 1981. –II.17.2. – p. 747–748.
5. Гоббс Томас. К читателю. О теле. [Текст] : Избранные произведения / Т. Гоббс Т.1. – М. : Наука, 1964. – 676 с.
6. Ясперс К. Духовная ситуация времени [Текст] / К. Ясперс. Смысл назначения истории. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.
7. Schwartau W. Information Warfare: Cyberterrorism: Protecting your personal security in the electronic age [Text] / W. Schwartau -Thunder's Mouth Press., 2nd ed., 1996. – 768 p.
8. Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирильо. – М.: Гнозис, 2002. –192 с.
9. Левин С. М. Метафизика и общая теория социальной реальности Дж. Сёрла / С. Левин // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2011. – № 3. – Том 2. Философия. – С.161-170.
10. Хоружий С. Род или не род? Заметки к онтологии виртуальности / С. Хоружий // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 56-74.
11. Леушкин Р.В. Виртуальный объект как проблема конструктивного реализма / Р. Леушкин // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

12. Propaganda, Communication and Public Order [Text] / Smith B. L., Casey R. D. – Princeton, 1946. – 127 p.

13. Харченко К. Материальная сторона жизни в зеркале субъективных смыслов: опыт контент-анализа / К. Харченко // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – №1 (28). – С. 129-148.

14. von Glaserfeld E. Radical constructivism: A way of knowing and learning [Text] / von Glaserfeld E. – London: Falmer Press, 1995. – 231 p.

15. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивные науки: от познания к действию [Текст]: Баксанский О. Е., Кучер Е.; Перевод с англ. А. Дмитриев. – М.: КомКнига, 2005. – 184с.

У статті досліджено сучасні контексти проблеми війни. У роботі автор акцентує увагу на віртуальній складовій в сучасних конфліктах. Особлива увага приділяється соціально-конструктивістським механізмам формування військової операції в двадцять першому столітті. У роботі розглядаються можливості впливу віртуальних конструктів як основних елементів стратегії війни.

Ключові слова: війна, віртуальність, соціальне конструювання, гібридна війна, реальність.

The present paper examines the problem of modern world military thought. In the work the author focuses attention on the virtual component in the modern conflicts. Special attention author accentuates, for the mechanisms of formation the social foundations of a successful military action in the twenty-first century. Finally, the author indicates philosophical roots interrelation virtuality and modern war.

Keywords: war, virtual, social construction, hybrid war, reality.

REFERENCES

1. Diogenes Laertius, (1986), About life, teachings and sayings of famous philosophers, Thought, Moscow, 576 p. (rus).
2. Greg G. (2010), Hybrid Wars. Government Executive, 7 October, Retrieved, available at : <http://www.govexec.com/magazine/features/2008/05/hybrid-wars/26799> . (eng).

**Восточноукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

3. Newest Philosophical Dictionary, (2003), Book House, Minsk, 1280 p. (eng).
4. Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, (1981), II.17.2, P. 747-748. (eng).
5. Hobbes T., (1964), Selected Works, Vol.1, Nauka, Moscow, 676 p. (rus).
6. Jaspers K., (1991), Sense and destination of history, Politizdat, Moscow, 527 p. (rus).
7. Schwartau W., (1996), Information Warfare: Cyberterrorism: Protecting your personal security in the electronic age, 2nd ed., Thunder's Mouth Press, 768 p. (eng).
8. Virilio P. (2002), Information bomb. The strategy of deception, Gnosis, Moscow, 192 p. (rus).
9. Vestnik Leningrad State University named after A.S Pushkin, (2011), 3, Volume 2. Philosophy, pp. 161-170. (rus).
10. Horuzhiy S. (1997). Gender or not gender? Notes for ontology of virtuality, Voprosi filosofyi, 6, pp. 56-74. (rus).
11. Leushkin R. (2014). Virtual object as the problem of the constructive realism, Basic Researches, 6. (rus).
12. Smith B.L, Casey R.D, (1946), Propaganda, Communication and Public Order, Princeton, 127 p. (eng).
13. Sociology: methodology, methods, mathematical modeling, (2009), 1 (28), pp. 129-148. (rus).
14. von Glaserfeld E., (1995), Radical constructivism: A way of knowing and learning, Falmer Press, London, 231 p. (eng).
15. Baksan O.E, Kucher E.N., (2005), Cognitive science: from knowledge to action, KomKniga, Moscow, 184c. (rus).

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 303.01

Владимир ФАДЕЕВ

кандидат философских наук,
заведующий отделом философских проблем этноса и нации
Института философии имени Г.С. Сковороды НАН Украины, эксперт
Украинского института стратегий глобального
развития и адаптации

СЕТИ, ТРЕНИЯ И МАШИНЫ ВОЙНЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ

Изучение текущего украинского общественно-политического кризиса требует преодоления ряда эпистемологических препятствий. Это становится возможным благодаря применению методологического инструментария, способного учесть особенности исследуемого объекта. В статье сделана попытка обосновать возможность использования сетевой теории. Дополнительным теоретическим модулем сетевой теории выступает концепт «машина войны».

Ключевые слова: сети, акторы, взаимодействие, трение, машина войны, украинский кризис.

Изучение текущего украинского кризиса, вызванного рядом причин и приведшего, в свою очередь, к многочисленным последствиям (Евромайдан, бегство Януковича, события в Крыму и на востоке Украины), сопряжено с препятствиями эпистемологического¹ и политического характера. Прежде всего, сама его незавершенность является принципиальной проблемой, поскольку не позволяет представить изучаемый объект во всей его целостности. Поэтому выводы относительно природы, движущих сил и направлений изучаемого процесса не могут быть окончательными. Его дальнейшее развитие может внести суще-

1 «Эпистемологическая преграда (obstacle epistemologique) – заимствованное из прошлого мнение, представление или интеллектуальная привычка, тормозящая научное познание или внутренне сопротивляющаяся его развитию» [1, 710].

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

ственные коррективы как в само исследование, так и в его результаты. Данная незавершенность проблематизирует и самого субъекта исследования, по ряду причин не способного занять надлежащую дистанцию относительно изучаемого объекта. К тому же его вовлеченность в изучаемый процесс – будь то явное участие в событиях или всего лишь затронутость ими – приводят к смешению требований объективности исследования и практических диспозиций, неразличимости собственных чаяний и логики событий. Дополнительным препятствием эмпирического свойства является труднодоступность достоверной информации об исследуемых событиях и процессах. Действительно, сам характер последних (полицейские и военные операции), особенности вовлеченных в них субъектов, информационная война с привлечением СМИ и т. д. – все это принципиально затрудняет адекватный анализ, востребует постоянных перепроверок и уточнения сделанных утверждений, обрекает на неполноту и неизбежные предположения, рискующие остаться неоправданными.

С другой стороны, изучение украинского кризиса осложняется распространением (если не доминированием) в социогуманитарных исследованиях постсоветских стран теоретических конструкций, отличительной особенностью которых являются (1) смешение исследовательских и управленческих парадигм и (2) ориентированность на изучение, так сказать, устойчивых объектов и «штатных» ситуаций. В данных исследовательских подходах предполагалось, что социальный мир представляет собой замкнутую и целостную систему, хорошо отличимую от внешнего мира. В ней можно было различить четко очерченные сферы и подсистемы, выделить элементы, определить структуры управления и способы воздействия, соизмеримые с существующими управленческими практиками. Подобная связь между исследовательскими и управленческими задачами сопутствовала развитию общественных наук на (пост)советском пространстве. Исходя из этого, сам исследуемый объект мыслился как относительно устойчивый или же развивающийся согласно заданной логике, любые отклонения от которой рассматривались как нарушения нормы, требующие «терапевтического» вмешательства.

Настоящая исследовательская ситуация рительного отличается от описанной выше. Уже упомянутые вовлеченность исследователя в изучаемые процессы, неполнота и сомнительная достоверность значи-

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

тельной части информации и ряд других особенностей побуждают к поиску такой методологии исследования, которая позволила бы преодолеть существующие эпистемологические препятствия и обеспечить надлежащим теоретическим инструментарием, адекватным поставленным исследовательским задачам. Изменчивость изучаемых социальных образований – будь то сотни самообороны Майдана или добровольческие отряды в зоне АТО – востребуют существенных изменений самой исследовательской оптики. Востребуемая методология должна быть способной учесть многообразие движущих сил, конфликтность и изменчивость самих изучаемых процессов, их принципиальную «открытость» внешним воздействиям. Исследование украинского кризиса на всех этапах его протекания неотделимо от изучения процессов массовых мобилизаций участников конфликтующих сторон, постоянных сборок и пересборок социотехнических сетей в процессе противостояния, сопровождаемых политическим и экономическим давлением с разных сторон и т. д.

Иными словами, украинский кризис – это незавершенный процесс становления и пересмотра связей и отношений, в который вовлечено множество индивидуальных и коллективных акторов, обладающих той или иной степенью автономии и зачастую преследующих свои собственные интересы. Необходимо учитывать высокую степень конфликтности данного процесса, а также «цену вопроса» для многих его участников, так сказать, нештатность ситуаций, что приводит к многочисленным трениям, несостыковкам, ошибкам и прочим «неполадкам» в функционировании едва ли хорошо отлаженных социо-технических сетей.

Изучение вышеописанных сложностей, к счастью, не является чем-то новым для социальных дисциплин. Для решения подобных исследовательских задач было предложено достаточно теоретических подходов, многие из которых разрабатывались в рамках сетевой теории. Впрочем, последняя, если быть точнее, выступала как метатеория, то есть такая концептуальная рамка, которая может быть сопряжена со множеством других теорий (групп и организаций, власти, коммуникации и т. п.), предлагая крайне абстрактные образцы и обретая спецификацию лишь по мере дальнейшей конкретизации исследуемых процессов. Частные теории представляли своеобразными модулями,

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

способствующими этой спецификации. Преимуществом сетевой теории является то, что она исходит в своих построениях из «незамкнутости» социального мира, позволяет отнестись к ней не как к недостатку, а как к его неизбывному свойству. Более того, сетевая теория как способ познания социального мира современна и соизмерима с определенным модусом его существования – миром децентрированных социальных сетей, «прозрачных» государственных границ и глобальных коммуникаций.

Сетевая теория разрабатывает довольно простые формы концептуализации социальных процессов, что позволяет ей гибко реагировать на изменения и сохранять, по выражению Р. Хойслинга, «идеологическую нейтральность»: «Составными частями сети – абстрактно говоря – являются узлы и отношения. Несколько узлов, вступающих в отношения образуют сеть. В общественных науках узлы, как правило, обозначают действующих, т. е. людей, группы, организации и другие социальные структуры. Отношения можно символически изобразить в виде каналов, через которые могут протекать различные виды социальной активности (например, дружеское общение, меновая торговля и/или решения власти) участвующих в ней действующих (узловые точки). К тому же сеть можно подразделять на центры и периферию социальной активности» [2, 36]. Сетевая теория оперирует топологическим представлением о пространстве, которое конструируется посредством размещения действующих (акторов) и отношений между ними, исходя из выявленных социальных дистанций. Топологическое пространство есть конструкт, а не отражение пространства физического, хотя оно может быть «наложено» на последнее, продуцируя таким образом карту отображения социального в физическом.

Сети представляют собой динамические образования, что позволяет использовать их для изучения социальных изменений. Естественно, не все участки сети являются одинаково изменчивыми – по мере необходимости можно различать несколько уровней устойчивости: от стабильных структур до хаотических флуктуаций, вызванных непредвиденными событиями и процессами. Структуры формируются благодаря регулярному воспроизведению, рутинизации взаимодействий между акторами сети. Переменными сетевых структур являются численность акторов, интенсивность взаимодействия, взаимность,

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

упорядоченность, открытость по отношению к внешнему миру, конфликтность / кооперативность, вертикальность / горизонтальность, формальность / неформальность и т. д. Впрочем, степень изменчивости сети может зависеть от множества факторов и определяется в ходе исследования эмпирическим путем. При этом следует учитывать, что сетевой динамике свойственно позиционирование, т. е. акторы так или иначе реагируют на изменения в окрестностях своего узла, поскольку данные модификации могут угрожать их взаимодействиям. В то же время каждый актор не только реагирует на изменения, но и сам производит их, следуя собственным или совместным стратегиям и преследуя определенные цели. Стратегии акторов могут развиваться как по отношению к сетям, так и внутри них. В стратегиях неизбежно заключен элемент рефлексивности актора, вследствие чего возникают разные перспективы: «взгляд снизу» – из сети и «сверху» – с позиции актора. Стратегии определяют участников и степень вовлеченности в процесс, направление действия, функции, процедуры, цели и задачи, формы взаимоотношений внутри группы и отношения к внешнему миру [3, 210].

Определяющим для становления любой сети является взаимодействие ее акторов. Взаимодействия упорядочивают отношения, стабилизируют структуры и подтверждают или же модифицируют установившиеся связи. Регулярное воспроизводство взаимодействий, их, так сказать, рутинизация формируют правила и поведенческие шаблоны, которые в дальнейшем могут воспроизводиться автоматически. В то же время сетевые отношения и связи, как правило, представляются чрезвычайно сложными для обозрения одним актором, способным наблюдать лишь часть сети, причем, составляя на этой основе общее представление обо всем происходящем. Возникающая в сознании картина, Б. Латур предложил называть ее панорамой, позволяет актору обозреть все и в то же время не увидеть ничего, «создавая у зрителя сильное впечатление полной погруженности в реальный мир без всяких искусственных опосредований или дорогостоящих потоков информации, идущих от внешнего мира или к нему» [4, 263]. Панорамы, несмотря на то, что искажают восприятие мира, создают ощущение обозримости и понятности, они позволяют актерам (само)определиться и подготовиться к действию, разместить себя в центре и сформировать целостный образ

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

мира как пространства взаимодействия: несмотря на свою упрощенность, панорамы делают взаимодействия возможными; благодаря своей упрощенности, они приводят к непреднамеренным для актора последствиям. Панорамы следует учитывать и реконструировать, поскольку благодаря им становятся понятны намерения и цели акторов, причины их ошибок, мотивы и т. д.

Таким образом, сетевая теория (в различных своих версиях) предлагает достаточно разработанный подход к изучению социальных процессов. Она задает наиболее общую, метатеоретическую рамку исследования, позволяющую совместить различные теоретические модули – специальные теории, разработанные для анализа конкретных явлений. В качестве подобного теоретического модуля исследования украинского кризиса представляется перспективным использование концепции машины войны, предлагающей продуктивный теоретический инструментарий для анализа как гражданских протестов (Евромайдан), так и вооруженного конфликта на востоке Украины.

Концепция машин войны (или военных машин) была предложена Жилем Делезом и Феликсом Гваттари [5, 587-716] и получила дальнейшее развитие в книге Мануэля Деланды «Война в эпоху разумных машин» [6]. В данной работе автор исследовал воздействие технологий на военную сферу, развитие различных техник ведения боя и организацию военной машины. Последняя в этой связи понималась как сложное социотехническое образование, соединяющее в себе людей, различные аппараты и вооружение: «Мы можем представить военный институт как «машину», состоящую из нескольких разных уровней, каждый из которых с древних времен был неотъемлемым компонентом армии: это уровень вооружения и военного аппаратного обеспечения; уровень тактики, на котором люди и вооружения интегрированы в соединения; уровень стратегии, на котором эти соединения сражаются, получая общую политическую цель; и, наконец, уровень логистики, сетей снабжения и поставок, на котором ведение войны связывается с сельскохозяйственными и промышленными ресурсами, которые его питают» [6, 11]. Успешное функционирование военной машины представляет собой отлаженное взаимодействие и коммуникацию на каждом уровне и между различными уровнями.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Безусловно, военная машина не функционирует в социально-политическом «вакууме» – она сама оказывается субъектом взаимодействия в сложной социально-политической сети, разомкнутой во внешний мир. Тем не менее, коммуникативная связность внутри военной машины сравнительно выше, чем между машиной и внешним миром. Машина представляет собой соединение множества элементов в единую сборку, обретающую автономные свойства. На примере кочевников древности Делез и Гваттари заявляли даже о принципиальном противостоянии машин войны и аппаратов государства, стремящегося обезопасить себя посредством уничтожения или кооптации кочевых подразделений в государственные структуры [5, 588-589]. Действительно, даже в условиях превращения машины войны в один из институтов государства, ставшего предметом рассмотрения Деланды, отношения армии и государственных органов зачастую складываются непросто. И дело не только в корпоративном духе военных – машины войны даже в условиях мирного времени и полной подконтрольности со стороны государства самим своим укладом выражают принципиальную альтернативу миру «штатских», присутствуют как возможность иного способа существования. В нашем случае принципиальной проблемой является необходимость нейтрализации или «присвоения» государством многочисленных (пара)милитарных формирований и кооптация их одной из государственных силовых структур с целью подчинения командной иерархии и выполнения ими четко очерченных задач, поскольку существование неподконтрольных государству вооруженных формирований является прямым нарушением монополии государства на легитимное применение насилия для поддержки правопорядка. Безусловно, те проблемы, с которыми столкнулось украинское государство в отношениях с возникшими во время Евромайдана формированиями и сепаратистскими отрядами на востоке Украины, являются также свидетельством существования для многих участников протестных акций пусть недолгой, но чрезвычайно соблазнительной возможности иного способа существования. Ведь сами по себе машины войны не имеют войну в качестве первой цели. Напротив, война как цель возникает лишь при столкновении с государственными аппаратами, стремящимися нейтрализовать машины войны или подчинить их своим целям. Когда государство успешно реа-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

лизует этот замысел, машины войны меняют свою природу и функцию, поскольку теперь их целью становится борьба с другими машинами войны или с другим государством. По мере превращения машин войны в институт государства, война становится для них непосредственной целью [5, 707]. Недавним примером подобного превращения стало вхождение отрядов самообороны и части активистов «Правого сектора» в Национальную гвардию Украины в марте 2014 г., что предусматривало их подчинение МВД Украины в соответствии с Законом «О Национальной гвардии Украины» [7].

Принципиальной проблемой функционирования военной машины является отлаженность и скоординированность взаимодействия, поскольку от этого зависит как ее способность решать поставленные задачи, так и само ее существование. Особенно остро данная проблема стоит перед современными армиями, вынужденными действовать в условиях все более возрастающей неопределенности. Как отмечает Мартин ван Кревельд, актуальной тенденцией в современном мире является распространение конфликтов низкой интенсивности, пришедших на смену традиционным войнам. То есть сегодня вооруженное противостояние между государствами, как правило, становится ниже того уровня, который принято было считать войной. Более того, в данных конфликтах нарушается тринитарное различие между правительством, армией и населением, поскольку последнее все более вовлекается в конфликт, становится его непосредственным участником: «Если сражения будут вообще иметь место, то не только вооруженные силы, но и политические сообщества, от лица которых они действуют, неизбежно будут тесно переплетены. Там и тогда, где и когда такое взаимопроникновение произойдет, по всей вероятности, вооруженные силы, развернутые этими сообществами, больше не будут армиями традиционного типа. В таких обстоятельствах различие между вооруженными силами и гражданским населением (а также между верхними и нижними частями соответствующих иерархий), вероятно, будет стерто» [8, 290]. Вооруженные формирования, участвующие в подобного рода конфликтах, подобно кочевым машинам войны основаны скорее на харизматических, чем на институциональных принципах. Их руководство неотделимо от самого вооруженного формирования, которое, зачастую опираясь на поддержку

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

населения, контролирует определенную территорию. Впрочем, границы этого контроля не являются четко определенными и непроницаемыми: «Военная организация любого размера будет контролировать территориальную базу того или иного характера. Однако вряд ли эта база будет геометрически непрерывной, непроницаемой или иметь большие размеры. Вероятно, ее границы – тоже современный термин – не будут четко очерчены на карте. Вместо этого в неожиданных местах будут встречаться дорожные контрольно-пропускные пункты, укомплектованные головорезами, набивающими свои собственные карманы и карманы своих боссов» [8, 295].

Возрастание неопределенности существенно усложняет координацию действий военной машины. Для описания сложностей подобного рода М. Деланда употребил метафору «трение», имеющую, впрочем, несколько значений: «С одной стороны, в транспортных и коммуникационных сетях оно означает физическое трение, ответственное за задержки, заторы и аварии машин. Но в более общем смысле оно используется для обозначения любого (естественного или искусственного) феномена, который мешает выполнению тактического или стратегического плана. В таком расширенном смысле слово «трение» может обозначать все – начиная с плохой погоды и заканчивая независимой волей противника (как его активным сопротивлением продвижению войск, так и саботажем). В случае тактических командных сетей трение представляется в виде «искаженных данных». В контурах командных сетей циркулирует не только информация, но и неопределенность, произведенная неясностью самой боевой обстановки» [6, 94].

Проблему неопределенности обычно решали посредством централизации принятия решений. Однако это создавало новые трения, вызванные тем, что максимизация определенности на вершине командной пирамиды благодаря детализации команд и проверки их выполнения, а также увеличение потока информации по сетям порождали информационные «перегрузки» и лишь усиливали неопределенность по всей сети. Другой подход, обозначившийся в немецкой армии времен двух мировых войн, напротив, решал эту проблему посредством децентрализации, когда командующий определял цели и предоставлял тактическим подразделениям право применять разные средства для их достижения: «Благодаря

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

понижению порога принятия решений (то есть передачи ответственности на места) каждая часть военной машины стала работать с небольшим объемом неопределенности, не позволяя ему теперь концентрироваться наверху. Создавая островок стабильности посреди войны, мы рассеиваем неопределенность по всей командной цепочке» [6, 95]. Однако, решение проблемы неопределенности посредством распределенной сети возможно лишь при условии высокой степени координации и кооперации различных подразделений и армейских служб, что выдвигает дополнительные требования к воинскому составу. Помимо необходимых для выполнения поставленной задачи знаний, умений и навыков отношения в децентрализованной командной сети должны строиться на доверии. Недостаток доверия приводит лишь к возрастанию неопределенностей и трения в сети, провоцируя конфликты и срывы в выполнении поставленных задач. В тоже время координация посредством распределенной сети стала возможной также благодаря развитию средств связи, то есть принципиально важной стала проблема технического обеспечения функционирования командной сети, а потому существенно возросла роль умений и навыков наладки и пользования техническими средствами. Таким образом, военные машины превратились в чрезвычайно сложные социо-технические сети, где материально-технический компонент приобрел решающее значение.

Дополнительным источником трения является необходимость координации взаимодействия военной машины с логистическими сетями, обеспечивающими поставками продовольствия, техникой и боеприпасами. Действительно, всякое более-менее крупное воинское формирование вынуждено налаживать систему снабжения всем необходимым. Функционирование логистической системы всегда сопряжено с многочисленными сложностями – поломки и недостаток машин, заторы на дорогах, отсутствие транспортного сообщения, задержки поставок и т. п. К тому же сбои в функционировании логистической системы приводят не только к невозможности выполнить поставленные задачи, но и к попыткам участников самостоятельно решить проблемы со снабжением на месте, что лишь создает новый источник трения во взаимодействии с местным населением.

Изучение украинского кризиса в перспективе сетевой теории способствует перенаправлению исследования в более прагматическое

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

русло. Вместо поиска ответа на вопрос «Что это?» оно сосредотачивает внимание на вопросах «Как это устроено?», «Как это работает?», «Из чего состоит?». Такая переориентация способствует значительно большей операционализации исследования, выявлению «сильных» и «слабых» мест в исследуемом объекте, а при необходимости его декомпозиции и пересборке.

Сетевая теория и разработанная на ее основе концепция военной машины позволяют ухватить ряд организационных проблем, стоящих как перед участниками гражданских протестов времен Майдана, так и перед сторонами вооруженного конфликта на востоке Украины. Они создают возможность для выявления ряда узловых моментов, приводящих в действие и/или создающих напряжение в функционировании протестных и военных формирований столь изменчивой, «кочевой» природы. Как сотни киевского Майдана и активисты Автомайдана, так и многие подразделения, участвующие в вооруженном конфликте на востоке Украины, представляют собой сложные по своему составу и слабо или недостаточно централизованные по способу принятия решений и координации действий формирования – по сути, конгломераты, состоящие из множества групп, разной степени сплоченности и подготовленности к активным действиям. Координация взаимодействия подобных формирований зачастую связана с необходимостью сдерживания их незапланированной активности, реакций на провокации, восстановления контроля и надлежащей степени дисциплинированности, примером чего могут быть как стихийная протестная активность отрядов самообороны, так и многочисленные сложности, с которыми сталкиваются стороны вооруженного конфликта на Донбассе при соблюдении достигнутых соглашений.

Взаимодействия в условиях неопределенности – всегда непростая задача. Различия в уровнях компетенции, слаженности взаимодействия, дисциплинированности, преследуемых целях и боевом духе этих групп и их участников – все это не может не сказываться на степени доверия друг к другу и успехе кооперации. Вероятно, множество просчетов, несостыковок и ошибок, наблюдаемых в ходе совместных действий этих коллективных образований, являются результатом многочисленных тренировок в организационных сетях, призванных координировать

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

действия групп. Не следует также забывать о многочисленных случаях дисфункциональности логистических сетей (прежде всего во время проведения силовых операций на востоке Украины), оказавшихся неспособными надлежащим образом обеспечить поставки продовольствия и вооружений, и влияния множества политических и экономических факторов на проведение протестных и военных действий. Иными словами, логистические и политические сети функционируют в «стык» с военной машиной. Данный подход предлагает продуктивную схему анализа и объяснения подобных проблем, поиска возможных путей их решения и, в тоже время, поиска новых точек уязвимости противника. Немаловажным в этой связи представляется также поиск путей минимизации разрушительного воздействия военной машины на мирное население, оказавшегося заложником создавшейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с фр. – М.: Этерна, 2012.
2. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории / Пер. с нем. – М.: Логос-Альтера, 2003.
3. Шуберт К. Логика структуры, логика субъектов и логика инновации: Концепция сетей и анализ сфер политики / Пер. с нем. // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. – М.: РОССПЭН, 2004.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с фр. – М.: ВШЭ, 2014.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии: машина войны // Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
6. Деланда М. Война в эпоху разумных машин / Пер. с англ. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2014.
7. Закон України «Про Національну гвардію України» [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/876-18>.
8. ван Кревельд М. Трансформация войны / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес букс, 2005.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Вивчення української кризи пов'язане з низкою епістемологічних перешкод. Це викликає потребу в застосуванні методологічного інструментарію, здатного врахувати особливості досліджуваного об'єкту. В статті зроблено спробу обґрунтувати можливість використання мережевої теорії. Додатковим теоретичним модулем виступатиме концепт «машина війни».

Ключові слова: мережі, актори, взаємодія, тертя, машина війни, українська криза.

The study of Ukrainian crisis associated with a number of epistemological obstacles. This is required to apply the methodological tools that can take into account the features of the objects. The article attempts to justify the use of network theory. Additional theoretical module will act as the concept of "war machine".

Keywords: network, actors, interaction, friction, war machine, Ukrainian crisis.

REFERENCES

1. Comte-Sponville A. (2012) Philosophical Dictionary, Moscow, 752 p. (rus.)
2. Haeussling R. (2003) Social processes as network games. Sociological essays on key aspects of the network theory, Moscow, 192 p. (rus.)
3. Schubert K. (2004) Logic structure, logic and the logic of the subjects of innovation. The concept of networks and analysis of policy areas// Methodological approaches of political science research and metatheoretical foundations of political theory, Moscow, 199 – 219 pp. (rus.)
4. Latour B. (2014) Reassembling Social: An Introduction to Actor-Network Theory, Moscow, 384 p. (rus.)
5. Deleuze J., Guattari, F. (2010) Treatise on Nomadology: War Machine // Deleuze J., Guattari, F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia, Yekaterinburg, 587 – 716 p. (rus.)
6. Delanda M. (2014) War in the age of intelligent machines, Yekaterinburg, Moscow, 338 p. (rus.)
7. The Law of Ukraine "On the National Guard of Ukraine" (2015), available at: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/876-18> (ukr.)
8. van Creveld M. (2005) Transformation of War, Moscow, 344 p. (rus.)

**Восточноукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

УДК 327.56

Андрей СУЗДАЛЬЦЕВ

*кандидат исторических наук,
заместитель декана факультета мировой экономики и мировой
политики НИУ Высшая школа экономики*

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

Статья посвящена исследованию позиции руководства Республики Беларусь в отношении ситуации на Украине. Освещается формирование белорусской политики в отношении новых властей Украины, изучается использование белорусским руководством украинского кризиса на внутреннем политическом поле Белоруссии. Особое внимание уделяется постепенному изменению геополитического курса Белоруссии на фоне эскалации войны на востоке Украины.

Ключевые слова: Республика Беларусь, Украина, Лукашенко, Евразийский экономический союз.

Украинский кризис, в основе которого на первом этапе преобладали внутренние экономические и политические противоречия, очень быстро оказался реформатирован в геополитическую «воронку», в которую постепенно были втянуты как ближайшие соседи, так и глобальные игроки, включая Россию, Евросоюз и США.

Если на первом этапе кризиса (май/дан, ноябрь 2013 – февраль 2014 гг.) страны западной части постсоветского пространства – Белоруссия, Молдова, Грузия – в целом сдержанно реагировали на кризис, стараясь использовать его исключительно для укрепления своих позиций в диалоге с Евросоюзом, завершившимся вступлением Кишинева и Тбилиси в ассоциацию с ЕС, то на втором этапе (февраль – март 2014 г.) кризис застал Минск врасплох.

Белорусское руководство неожиданно для себя оказалось на своеобразном геополитическом перекрестке. Вооруженные столкновения на киевском майдане, государственный переворот на Украине, сверже-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ние легитимного президента Януковича, относительно пассивная позиция России по отношению к кризису испугали А. Лукашенко, который сразу ощутил косвенную угрозу собственной авторитарной власти в Белоруссии. В то же время кризис на Украине предоставил Минску определенный коридор возможностей.

Помимо общей политической нестабильности, исходившей из Украины, на политику руководства независимой Республики Беларусь влияли унаследованные еще с советских времен номенклатурные предрассудки и традиционная ревность в отношениях с союзным центром.

Необходимо отметить, что отношения между Украиной и Белоруссией сначала в формате советских республик, а затем уже в статусе независимых государств никогда не отличались добрососедством или, тем более, братскими чувствами. В годы существования СССР высшая номенклатура двух республик активно соперничала друг с другом, пытаясь занять первое место во внимании Москвы. На высоком уровне шла конкуренция между Киевом и Минском за выделяемые республикам ресурсы, включая финансовые, поощрения, должности, награды. Несмотря на то, что отношения между первыми лицами республиканских партийных структур внешне носили добросердечный характер, на самом деле даже высшее партийно-советское руководство жестко боролось за влияние на Кремль.

В годы независимости, с 1991 года, отношения между Минском и Киевом периодически приобретали кризисный характер. В частности, нерешенность проблемы задолженности украинских предприятий белорусским партнерам позволяла белорусским властям почти пятнадцать лет блокировать демаркацию белорусско-украинской границы. В годы президентства А. Лукашенко белорусские власти, в период очередных обострений отношений с Россией, не раз пытались использовать Украину против Кремля. С одной стороны, Минск периодически пытался создать с Киевом своеобразный антироссийский союз в форме транзитного блока, способного навязать Москве жесткие условия транзита российских энергоносителей на европейский рынок. С другой стороны, белорусское руководство, используя традиционно сложные отношения между Россией и Украиной, пыталось закрепить на фоне «упрямого» Киева свой образ «единственного сотрудника», которого необходимо поддерживать ресурсами и кредитами.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

В свою очередь, российское руководство, пытаясь, начиная с середины 1990-х годов, вовлечь Украину в интеграционные проекты, иницилируемые Москвой на постсоветском пространстве, активно использовало Белоруссию в качестве примера выгоды нахождения в интеграции с Россией. В 2012-2013 годах, когда российское руководство активно работало с президентом В. Януковичем, предлагая ему высокий уровень финансово-ресурсной поддержки за вступление в Таможенный союз, Минск проявлял определенную озабоченность. Настороженность А. Лукашенко была связана с тем, что Украина, оказавшись в Таможенном союзе, без сомнений оттеснила бы Белоруссию от российских ресурсов, переключив на себя основные российские дотации.

В 2013-2014 годах стал очевидным кризис постсоветской государственности, совмещенный с распадом национальных экономических моделей, созданных в 1990-е годы. Наиболее ярким примером этого кризиса стала Украина, отказавшаяся в 2013 году вступить в Евразийскую интеграцию и оформившая в 2014 г. свое участие в Ассоциации с ЕС.

Победа майдана в конце февраля 2014 года была воспринята в Минске с большим беспокойством. В первую очередь, А. Лукашенко почувствовал, что повторяется «киргизский» сценарий удаления с президентской должности (свержение в 2010 г. в Киргизии президента К. Бакиева), когда Москва уклоняется от непосредственного вмешательства в политический кризис на стороне прежнего руководства. Белорусское руководство, опасаясь собственного вероятного майдана в 2015 году (год президентских выборов в РБ), остро ощущало свою беззащитность.

Власти РБ оказались в сложном положении. Политическая самостоятельность республики на внешней арене формально ограничена участием в Союзном государстве Белоруссии и России, Евразийском экономическом союзе, ОДКБ и, одновременно, в европейской программе «Восточное партнерство». Существующая экономическая зависимость Белоруссии от поставок энергоносителей, кредитов и российского рынка стимулировала Минск не интегрироваться с Москвой, а отмежеваться от России, уклониться от выполнения союзнического долга, чтобы не попасть «под руку» Западу. Украинский кризис оказался своеобразным тестом на приверженность белорусского руководства к союзу с Россией. Оказалось, что Минск в очередной раз тест не прошел.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Стоит напомнить, что белорусское руководство до настоящего времени не признало вхождение Крыма в состав Российской Федерации, что полностью повторило ситуацию 2008-2009 годов, когда А. Лукашенко сначала пообещал признать независимость Абхазии и Южной Осетии, а затем отказался от своих слов.

Минск практически мгновенно после переворота 22 февраля признал временное правительство А. Турчинова – А. Яценюка и поспешил встретиться с временным президентом Украины на юге Белоруссии (29 марта 2014 г.). РФ отказалась признавать новые постмайданные власти Украины. Белорусское руководство осталось равнодушным к ликвидации закона о языках, единственной реакцией официального Минска на трагедию в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 г. оказалась телеграмма с соболезнованиями на имя А. Турчинова. Белорусский президент оказался в составе иностранных гостей из стран НАТО на инаугурации П. Порошенко, где А. Лукашенко призвал расправиться с ополченцами Донбасса: «Здесь вариантов быть не может. Их всех нужно ликвидировать. Но сделать это нужно с холодной головой, чтобы не пострадали мирные люди» [4], т.е. фактически поддержал Антитеррористическую операцию (АТО) украинской армии. Позднее Минск начнет снабжать украинские части, задействованные в АТО, топливом и колесной техникой [10].

Белорусские правительственные эксперты и аналитики оправдывают позицию своего руководства, выступающего в роли политического партнера Киева, наличием большого товарооборота РБ с Украиной (по итогам 2013 года – 6 млрд. долларов). Неоднократно и на разных уровнях заявлялось, что Минск боится потерять в лице Киева важного торгового партнера. Однако, к примеру, товарооборот Белоруссии с Россией составляет около 40 млрд. долларов. Парадоксально, что при этом белорусское руководство не опасалось поставить под угрозу товарооборот с РФ. В свою очередь, Россия имела по итогам 2012 года товарооборот с Украиной больше 50 млрд. долларов, который к концу 2014 года сократится на 8,5 млрд. долларов [18].

В конце июля Минск вместе с Астаной не поддержали попытки Москвы сформировать единую позицию в рамках евразийской интеграции в отношении доступа украинских товаров на рынок Евразийского

Восточнoукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

экономического союза (ЕАЭС). Более того, в то же время украинский продовольственный экспорт был перенаправлен на российский рынок через территорию Белоруссии, где украинские товары получали белорусские документы и переупаковывались в белорусскую тару. Учитывая, что усилиями украинских властей контакты между предприятиями российского и украинского ВПК оказались разорванными, Минск попытался не только выступить в роли посредника по перепродаже военной продукции украинских предприятий, но и предпринял усилия по переводу на территорию Республики Беларусь ряда перспективных военных производств. Специалистам из украинского ВПК предлагаются новые места работы и жилье на территории РБ.

Использование украинского контекста в российско-белорусских отношениях

С первых дней украинского кризиса официальный Минск оказался на распутье. С одной стороны, сохранив союзническую риторику, А. Лукашенко поддержал Россию в конфликте с Украиной, а с другой – выступил на стороне Киева. В частности, оценивая итоги крымского референдума, А. Лукашенко заявил: «Тогда, в 94-м году, когда мы согласились на вывод ядерного оружия, США нам гарантировали так называемый «ядерный зонт» – что мы сохраним свою независимость и территориальные границы, в том числе и Украине. Поэтому недопустимо, чтобы эти гарантии были нарушены, и какое-то государство отнимало часть территории у другого государства. Это неправильно» [15]. Но тут же поправил себя, отметив что Россия в кризисе не виновата [15].

Осенью 2014 г., уже в разгар гражданской войны на Украине, А. Лукашенко заявил, что Россия в настоящее время вынуждена поддерживать территории юго-востока Украины: «Там живут братья, и в беде Россия их бросить не может», – сказал он на пресс-конференции для российских журналистов. По словам белорусского лидера, «ясно одно, что ни в коем случае нельзя там начинать войну» и Россия никогда не пойдет на прямое столкновение [7].

Однако тут же А. Лукашенко потребовал от Москвы признание за Минском особой роли во взаимоотношениях с Украиной, что отражало возобладавшее осенью 2014 г. в белорусском руководстве мнение, что Россия терпит поражение в противостоянии с Западом. В частно-

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

сти: «Риторический вопрос к вам, россиянам, что не нравятся в России, кстати, мои контакты с украинцами, – скажите, это что, во вред Беларуси и России, то, что я разговариваю с политиками Украины, поддерживаю с ними отношения? Что тут плохого? Последние события в Украине показали, что здесь ничего плохого нет. И, разговаривая часто с Президентом России, я у него спрашиваю: ”Может быть, мне подключиться к какому-то вопросу? Если это неудобно, я могу переговорить с какими-то политиками Украины... Поэтому то, что я разговариваю с украинскими руководителями, политиками, даже с... как это его фамилия? – Ляшко, по-моему (слишком такой активный там, вроде бы с точки зрения России, реакционный политик и страшный нацмен) ... И я буду поддерживать контакты с этими людьми» [13].

А. Лукашенко и в дальнейшем использовал миротворческую риторику для оправдания своей позиции в отношении украинского кризиса, но с каждым месяцем маскировать отход Белоруссии от России по украинской тематике оказалось все сложнее.

Со временем белорусское руководство смогло извлечь геополитические выгоды из сохранения союзнических отношений с Россией и развития контактов с новым украинским государством, которое возглавил П. Порошенко. Опираясь на столь противоречивую внешнюю политику, стороны, в той или иной степени причастные к конфликту, смогли открыть в Минске серию консультаций, которые в начале сентября закончились подписанием протокола о перемирии на Юго-востоке Украины.

26 августа в Минске состоялся первый саммит ЕС – Украина – Россия по вопросам урегулирования конфликта на Украине. Необходимо отметить, что и к минским консультациям, и к саммиту 26 августа белорусская сторона имела только косвенное отношение, предоставив переговорную «площадку», но использовала данные международные события для прорыва международной изоляции. В частности, в начале октября А. Лукашенко неожиданно и без согласования с Москвой предложил направить в зону конфликта белорусские войска: «Если нужно – а это для меня очень опасная и страшная вещь – коль есть недоверие России к Западу и Западу к России, Америки к России и России к Америке, и есть недоверие воюющих сторон, то я готов был бы

Восточнoукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

использовать и свои вооруженные силы для того, чтобы развести конфликтующие стороны» [8]. Данное заявление, не имеющее каких-либо перспектив для воплощения в жизнь, тем не менее, привлекло внимание международной общественности и политического истеблишмента к Белоруссии и её лидеру.

Чем больше Россия увязала в украинском кризисе, тем больше возможностей открывалось для белорусского президента. В октябре 2014 года А. Лукашенко публично присоединился к западной критике президента России В. Путина, посвятив свою очередную пресс-конференцию для российских региональных журналистов сокрушительной критике внутренней политики президента России: «И скажу вам откровенно: причина одна – в вашей безалаберности и бесконтрольности» [14]. Попутно, отмечая никудашную российскую власть, белорусский президент обратился к оценкам социально-экономической ситуации в Калининграде, Смоленске, Брянске и Пскове, заявив, что Калининградская область – «зона ответственности Беларуси». Считая, что Москва не занимается развитием регионов, он напомнил Кремлю, что часть этих регионов когда-то входила в состав Белоруссии [14]. Фактически А. Лукашенко попытался применить к России «крымский» подход.

Влияние украинского кризиса на евразийский интеграционный проект

Однако наибольшие проблемы возникли с Минском в сфере евразийской интеграции. Украинский кризис, а также включение Крыма в состав России, нанесли огромный ущерб интеграционным процессам на постсоветском пространстве, что сказалось на подготовке к подписанию договора о Евразийском экономическом союзе и отразилось на ходе подготовки к формированию Евразийского экономического союза:

- Белоруссия и Казахстан потребовали ограничить экономическую экспансию России на свои рынки в рамках ЕЭП, что проявилось на октябрьском и декабрьском 2013 г. Евразийских экономических советах;

- Казахстан выступил против развертывания на базе ЕАЭС Валютного союза. Как оказалось, Минск и Астана пока не готовы и к расширению политической интеграции на основе евразийской интеграции;

- Белорусское руководство в ходе подготовки договора о ЕАЭС потребовало создания единого рынка без «изъятий» – российской и ка-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

захстанской нефти. Фактически Минск потребовал особых привилегированных условий допуска к российской нефти и права на свободный беспошлинный вывоз нефтепродуктов с территории Таможенного союза. Это должно было принести Белоруссии более 30 млрд. долларов в ближайшие годы. Кроме того, белорусское руководство добилось от Москвы выделения срочного кредита в 2 млрд. долларов для стабилизации ускоряющегося сокращения золотовалютных ресурсов Белоруссии, что грозило республике девальвацией белорусского рубля [12]. Официальный Минск исходил из того, что на фоне продолжающейся эскалации гражданской войны на Украине Москва не может позволить себе кризис в отношениях с партнерами по евразийскому интеграционному проекту.

Осенью 2014 года, предвидя сокращение финансовых дотаций со стороны России из-за проводимого в российском топливно-энергетическом комплексе «налогового маневра», белорусская сторона прибегла к кампании давления на российское руководство и, в итоге, получила от Москвы согласие на оставление в белорусском бюджете экспортной пошлины на вывоз российской нефти. Фактически, на фоне ухудшения отношений Москвы и Киева, в Белоруссии был возрожден нефтяной офшор, что привело белорусскую правящую номенклатуру в состояние эйфории. Оказалось, что гражданская война на Украине очень выгодна режиму А. Лукашенко.

В итоге партнеры по созданию ЕАЭС и, прежде всего, Белоруссия, использовали украинский кризис для давления на Кремль, требуя от России увеличения дотационной поддержки.

Использование Республикой Беларусь санкций против России

С вводом в начале августа 2014 г. Россией продовольственных антисанкций в отношении стран Евросоюза и Северной Америки, ситуация в отношениях между Минском и Москвой приобрела нетерпимый характер. В начале августа, после 2-3 звонков В. Путина, который настоятельно просил белорусского президента не торпедировать продовольственные санкции против стран Запада, А. Лукашенко публично заявил: «Разговаривая с президентом России, мы вели речь о защите, как он сказал, российского рынка. То есть мы должны исполнить свои обязательства по защите союзного рынка в части транзита грузов с За-

Восточнoукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

пада через Белоруссию на российскую территорию. Если Россия закрыла свой рынок для определенных товаров, то мы эти товары транзитом через Белоруссию в Россию пропускать не должны» [9]. В принципе, это обязательство касалось и поставляемого на российский рынок через Белоруссию украинского продовольствия.

Однако Минск не выполнил данное Москве белорусским президентом обещание. Необходимо признать, что соглашения, составившие основу Таможенного союза и Единого экономического пространства, оказались неприменимы к чрезвычайной ситуации, сложившейся в отношениях между лидером проекта Россией и странами Запада на фоне украинского кризиса. Еще при создании Таможенного союза Россия фактически потеряла контроль над своими таможенными границами. В реальности, сейчас компетентные российские органы не имеют достоверной информации о том, что везут на российский рынок через Белоруссию, что крайне негативно сказывается на российском малом и среднем бизнесе и наполняемости бюджета РФ.

В рамках осуществления продовольственных антисанкций российское руководство договорилось с белорусской стороной, что Минск имеет право завозить продовольственное сырьё из стран Евросоюза, перерабатывать и поставлять готовую продукцию на российский рынок. Украинское продовольственное сырьё в данном случае не упоминалось, но подразумевалось. Воспользовавшись возникшим «окном возможностей» на границе Таможенного союза, белорусская сторона резко увеличила импорт продовольственного сырья низкого качества, в том числе и украинского, что было мгновенно замечено российскими санитарными службами. Кроме того, официальный Минск развернул целую логистическую цепочку по отправке на российский рынок товаров, не подлежащих переработке. Появились белорусские мандарины и апельсины, киви, хурма и т.д. Были отмечены и украинские фрукты. Товар формально направлялся в Казахстан, но фуры разгружались на территории России. Контролировать эти транспортные средства российская сторона, в соответствии с соглашениями, в рамках евразийского интеграционного проекта, не имеет права.

Ежедневно российскую границу с белорусской стороны пересекает от 100 до 150 фур (экспертная оценка). К концу 2014 года доход белорусской стороны от подрыва российских продовольственных антисанкций

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

составил до 400-500 млн. долларов (август – декабрь 2014 г.) [11]. Именно эти деньги, полученные на контрабанде подсанкционных товаров, составили основу предвыборного фонда А. Лукашенко для организации президентской кампании 2015 г.

Итак, с конца 2013 года политика белорусского руководства по отношению к России прошла довольно заметную эволюцию, что отражало коренные изменения настроений в официальном Минске в контексте украинского кризиса.

Изменение геополитического статуса РБ

Зимний киевский майдан 2013-2014 гг., свержение правительства В. Януковича, включение Крыма в состав России, резкое обострение взаимоотношений между Россией и Западом, массированное санкционное давление США и Евросоюза на Россию произвели глубокое впечатление на белорусское руководство. В какой-то момент власти республики почувствовали себя без надежного политического прикрытия.

Геополитические изменения в регионе, свершившиеся в 2014 году по причине украинского кризиса, на самом деле не угрожали непосредственно суверенитету Белоруссии, но могли разрушить монополию на власть правящей в республике политической группировки. Вопрос удержания власти в руках А. Лукашенко в преддверии президентской предвыборной кампании 2015 года (глава белорусского государства идет на пятый президентский срок) стал основной задачей руководства страны.

Белорусский президент в марте 2014 года ощутил себя между молотом и наковальней. С одной стороны, он опасался применения против него Западом киевского майданного сценария. А. Лукашенко учитывал, что в реальности его власть держится на преданности небольшого, но хорошо подготовленного силового подразделения, которое вполне может быть рассеяно натренированными боевиками, обученными для использования против сил правопорядка на майдане. Поворот к Западу в этих условиях имел свою логику – возникла необходимость уклониться от угрозы собственного белорусского майдана, продемонстрировав Западу, что белорусское руководство вполне лояльно Евросоюзу, США и НАТО, а услуги по ущемлению интересов России со стороны Минска могут быть востребованы Западом.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

С другой стороны, на белорусского президента большое впечатление произвел неумолимый и бескровный процесс выдворения украинских властей и воинских частей украинской армии с Крымского полуострова, что позволило ему примерить данный сценарий и на Белоруссию. Более того, само понятие «русская весна» привело главу белорусского государства в трепет, как, впрочем, и руководство других стран постсоветского пространства, включая Казахстан, Узбекистан и т.д. В итоге, в 2014 году кризис доверия между Москвой и Минском достиг пика. Кроме того, огромная зависимость Белоруссии от России практически во всех областях, начиная от стратегического энергетического импорта (почти 100% энергоносителей республика импортирует из-за рубежа) и заканчивая военно-техническим сотрудничеством, всегда очень тяготила А. Лукашенко, который крайне болезненно относится к ограничению своего властного потенциала.

В то же время необходимо учитывать, что за два десятилетия правления А. Лукашенко в сознании белорусского политического класса постепенно произошла серьезная эволюция роли и места белорусского президента в современной политической реальности: из лидера, пришедшего на волне неприятия итогов распада СССР и националистической реакции и поставившего во главу угла своей политики опору на интеграцию с Россией, А. Лукашенко в глазах большей части политического класса республики стал олицетворять задачу сохранения её суверенитета и независимости. Понимание огромной зависимости от России стало конвертироваться в угрозу существованию государства.

Осталась проблема замены зависимости от России на зависимость уже России от нового статуса Беларуси. В решении данной задачи, как посчитало белорусское руководство, у него появилось невиданное со времен окончания «холодной войны» «окно возможностей».

Новый статус Минска на фоне украинского кризиса

В основе оценок белорусским руководством политического противостояния между Россией и Западом лежит характерное для политических классов стран Восточной и Центральной Европы не критичное восприятие современной мощи основных стран Евросоюза (прежде всего Германии) и США. Белорусские власти не сомневаются, что в итоге консолидированного давления со стороны Запада Россия обязательно

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

пойдет на существенные уступки в территориальном, военно-техническом и экономическом плане (Крым будет возвращен Украине, Россия лишится ядерного оружия, а её ресурсы будут поделены соседями и, в итоге, РФ ждет распад). Данный максималистский сценарий вовсе не страшит белорусское руководство, которое считает, что даже если Россия сумеет формально устоять под экономическими санкциями и политическим давлением Запада, то федерация окажется существенно ослабленной, в ней сменится власть и она попадет под влияние США и Китая, что обеспечит совершенно новую роль для Минска, который станет крайне необходим России как «окно» на Запад.

В свою очередь, Минск сделал ставку на то, что и дальше, в условиях противостояния с Западом, Россия, опасаясь потерять «единственного союзника», будет вынуждена идти на уступки Минску и не настаивать на неукоснительном выполнении им союзнического долга, что открывает перед Минском новые возможности на международной арене.

В частности, в этом плане очень симптоматичным выглядит заявление декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета В. Шадурского: «В философском плане Белоруссия устала быть «форпостом», теперь она «мост» и «место встреч»... Существует два подхода. Что такое Белоруссия? Каково её геополитическое положение? Белоруссия – «мост», «портал», «место встреч», «место диалога» – я имею в виду в философском понимании, либо Белоруссия – это «форпост», «форпост цивилизации», «форпост духовный» и т.д. Ситуация, когда Белоруссия была «форпостом», – она была очень губительной для Белоруссии, т.к. форпост всегда страдает... Не форпост, а именно мост. Кому-то не нравится «мост» – пусть будет «место встреч», но так исторически сложилось, это экономическая потребность. И здесь, я думаю, партнёрам не надо обижаться» [2]. Речь идет о новой роли Белоруссии, как своеобразном «шлюзе» между Западом и изолированной Россией. В этом случае Минск оказывается политическим и экономическим посредником, активно используя все выгоды своего нового геополитического позиционирования. При этом победа Москвы в противостоянии с Западом в Минске не рассматривается, так как она означает окончательную потерю доверия российского руководства к Лукашенко.

Восточнoукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Новая политика белорусского руководства в условиях геополитического кризиса в тактическом плане должна была обеспечить снятие западных санкций против администрации А. Лукашенко, что на фоне усиления санкций против России должно было нанести огромный ущерб авторитету В. Путина в России по формуле «Лукашенко смог, а Путин не смог» и помочь дистанцироваться от России. В свою очередь, укрепление западного вектора белорусской внешней политики в условиях усиления противостояния Запада и России должно было создать исключительно выгодные условия для экономического шантажа России, которая в создавшихся условиях не сможет пойти на международный скандал с пусть формальным, но все-таки союзником, не говоря уже о российско-белорусском кризисе, способном подорвать евразийский интеграционный проект.

В стратегическом плане белорусским руководством была поставлена задача добиться признания Западом запрограммированных итогов президентских выборов 2015 года, что обеспечивало бы Лукашенко не только сохранение власти в своих руках на десятилетие, передачу республики в руки своих наследников, но и долгожданное освобождение от контроля Москвы. При этом роли в связке Россия – Белоруссия на фоне украинского кризиса должны были коренным образом поменяться. Объективно белорусское руководство заинтересовано в изоляции России, но не окончательном поражении России, так как в этом случае под угрозой мгновенно окажется сама Белоруссия. Минск торопится, рассчитывая, что Россия начнет уступать Западу по украинской проблематике в ближайшие месяцы. Исходя из данных надежд, белорусские власти оттянули открытие российской военно-воздушной базы на территории Белоруссии на 2016 год.

Миротворческий статус Минска

А. Лукашенко использовал гражданскую войну на Украине в качестве инструмента для прорыва внешнеполитической блокады, снятия с Белоруссии западных санкций и нового собственного выхода на уровень балансирования между Западом и Россией. К осени 2014 года А. Лукашенко достиг определенного уровня диалога с Западом, что содействовало проведению в конце августа в Минске заседания контактной группы и саммита ЕС-Россия-Украина. Предоставляя пере-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

говорную площадку, белорусские власти объективно способствовали заключению минских соглашений в сентябре 2014 г., что является несомненным вкладом в установление мира в Донбассе. Однако говорить о том, что Минск смог сформировать отдельную от России миротворческую политику в отношении гражданской войны на Украине, не приходится. А. Лукашенко не раз заявлял, что Минск имеет собственный план урегулирования конфликта, но следов обсуждения данного плана ни на заседаниях контактной группы, ни на саммите в Минске 11-12 февраля обнаружить не удалось.

Вершиной дипломатического успеха белорусского руководства оказался выбор Минска в качестве места проведения саммита в «нормандском формате». Примечательно то, что предложение А. Лукашенко предоставить Минск в качестве «переговорной площадки» сделал П. Порошенко, о чем белорусский президент отметил во время своей встречи с В. Путиным в Сочи 8 февраля («Мы договорились с Путиным в Сочи. Он мне сказал: «А сможешь ты это организовать с точки зрения безопасности, это же непростое дело?». Я ему говорю: «Слушай, успокойся. Ты же знаешь, в Беларуси могут всё, мы всё сделаем на высшем уровне...») [6]. А. Лукашенко, используя саммит в Минске 11-12 февраля 2015 г., приложил максимум усилий для того, чтобы попутно решить свои проблемы с Евросоюзом, пытаясь заручиться поддержкой ЕС в преддверии президентских выборов 2015 г. Однако сценарий февральского саммита в Минске не оправдал надежд Евросоюза и белорусского руководства. А. Лукашенко, как и лидеры ЕС А. Меркель и Ф. Олланд, был уверен, что саммит будет посвящен фиксации уступок со стороны России, и он, в данном случае, окажется в наиболее выгодной ситуации как хозяин саммита. Весь процесс должен был занять не более двух часов, но когда переговоры вылились в 16 часовой марафон, белорусский президент растерялся.

В ходе переговоров А. Лукашенко пытался поддержать П. Порошенко, встречался с ним наедине, подшучивал над В. Путиным во время диалога с А. Меркель. Но в целом, минский саммит 11-12 февраля произвел сильное впечатление на белорусского президента. Он убедился, что надежды на то, что Россия в лице российского президента начнет отступать, пойдет на уступки, не оправдались, что проявилось в пер-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

вых интервью А. Лукашенко после завершения саммита. В частности, 12 февраля глава белорусского государства заявил: «Как я могу спать? Как без боеприпасов может идти война на мирном фронте? ... Моя задача была – боеприпасы подносить вовремя. Поэтому я старался выполнять свою функцию (т.е. «кормили всем, что производят в Белоруссии и России. Ели яичницу, сыр, молочные продукты, выпили несколько ведер кофе» – А.С.) [16].

Однако столь скромный статус белорусского президента на фоне не имеющего прецедента переговорного процесса очень быстро был признан в Минске недостойным А. Лукашенко. В ходе начавшейся в Беларуси информационной кампании украинский контекст состоявшегося в Минске саммита постепенно исчез, и населению республики стали внушать мысль, что канцлер ФРГ и президент Франции прибыли в Минск исключительно для встречи с белорусским президентом.

Буквально через неделю после завершения саммита А. Лукашенко, обеспокоившись тем, что тема его участия в саммите начнет забываться, решил поднять свой статус до уровня «тайного» переговорщика: «Но мы больше работаем не публично. Это иногда важнее, чем некий пиар. Хочу, чтобы вы знали, мы это не афишировали, но свои предложения и свою позицию к переговорам (об урегулировании украинского кризиса) мы высказали, и все участники ее знали. Уверен, что наша позиция по Украине в ближайшем будущем будет востребована» [3]. Однако, как известно, на саммите «нормандского формата» никакой план, предложенный А. Лукашенко, не рассматривался. Белорусский президент не был допущен к столу переговоров.

18 февраля, стремясь сохранить за собой статус миротворца, А. Лукашенко предложил себя в качестве исполнителя минских соглашений: «Сегодня очень серьезная ситуация после минских соглашений в направлении Дебальцево. Беларусь могла бы сыграть большую роль в урегулировании этого конфликта, если бы стороны, вовлеченные в него, этого хотели... Мы сегодня предложили украинской и другой стороне, вовлеченной в этот конфликт, что проблему Дебальцево можно решить в течение суток, если этого захотят Украина, Россия, ДНР и ЛНР... Мы готовы не просто быть посредником, а достойно прекратить этот конфликт в районе Дебальцево и вывести всех военнослужащих Украины оттуда

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

под наши гарантии, что они больше никогда воевать не будут... И, если кого-то напрягает оружие, которым обладают сегодня военнослужащие Украины, окруженные в Дебальцево, мы готовы принять на территории Беларуси это оружие... [5]. Данное предложение белорусского президента вызвало непонимание на мировой арене, так как в день, когда А. Лукашенко огласил свое предложение, окруженные под Дебальцево солдаты ВСУ стали сдаваться или пытаться выходить из «котла» самостоятельно. Тем не менее, предложение А. Лукашенко активно использовалось на внутренней политической арене. Депутаты белорусского парламента поддержали своего президента, отметив, что «с содроганием сердца наблюдают, как разворачиваются события в соседней Украине» [1].

Тема войны в белорусском медиа-пространстве в украинском контексте используется в исключительно внутренних политических целях. Населению внушается мысль, что Белоруссия остается «островком мира и стабильности» исключительно благодаря усилиям президента республики А. Лукашенко. По этой причине ужасы войны, которая идет не первый месяц в соседнем государстве, не подвигли белорусские власти и республиканскую общественность к сбору и отправке в зону конфликта гуманитарной помощи. За весь период украинского кризиса в Донбасс из Белоруссии не пришло ни одного килограмма в качестве поддержки людям, находящимся в зоне гуманитарной катастрофы.

Постепенно следствия из особого позиционирования Минска по конфликту на Украине начинают проявляться на республиканском уровне. В частности, 13 февраля в 8.00 по белорусской проводной радиосвязи было заявлено, что после подписания 12 февраля соглашения в Минске и прекращения огня начнется отвод украинских войск и «российских войск вместе с сепаратистами ДНР и ЛНР». И дальше, в ходе данной радиопередачи использовались словосочетания «российские войска в Украине», «сепаратисты», «боевики» и «террористы». В официальной белорусской печати встречаются намеки на то, что «Путин снял с себя табу (мы не воюем, не участвуем, ничего не знаем, не являемся стороной конфликта, наша хата с краю и т.п.) и решил, приехал и показал Евросоюзу и всем другим, что готов к серьезным договоренностям, имеющим самое прямое отношение к России сегодняшней и завтрашней» [17]. При этом газета Администрации президента Белоруссии советует

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

российскому руководству: «Для этого, правда, и Москве, и Киеву надо свернуть градус ненависти и лицемерия на телеканалах, одним спрятать куда подальше излюбленные словечки насчет «бандеровской хунты карателей», когда речь идет о правительстве Украины...» [17].

К марту 2015 года А. Лукашенко смог максимально использовать украинский кризис в собственных политических целях:

- В результате саммита «нормандской четверки» по урегулированию украинского кризиса А. Лукашенко оказался легализован Евросоюзом после выборов 2010 г. Представляется, что, если он сохранит политику поддержки Киева, то у него не будет проблем с признанием Западом итогов выборов 2015 г., что, безусловно, теоретически увеличит его политическую независимость от Москвы;

- А. Лукашенко при содействии Запада, используя украинский фон, постепенно выходит из изоляции и воодушевлен открывающимися перед ним возможностями по разворачиванию нового этапа политики балансирования между Востоком и Западом с новых, уже прозападных позиций, что должно уравновесить формальное участие республики в интеграционных проектах с Россией;

- В принципе, в перспективе, при содействии Запада, белорусский президент сможет перенять статус В. Януковича в 2012-2013 г. и, теоретически, опираясь на перспективы ассоциирования РБ с ЕС, развернуть против Москвы масштабную политику давления, требуя не только увеличения дотаций, но и закрепления за собой статуса основного посредника между Востоком и Западом.

В случае более очевидного перехода А. Лукашенко на сторону Запада и Украины перед ним открываются новые перспективы. Белорусский президент частично избавляется от контроля Кремля, его единоличная власть над Белоруссией укрепляется, окончательно ликвидируется националистическая оппозиция (она постепенно примыкает к властям), главным лозунгом властей становится ранее оппозиционный лозунг борьбы с Россией за суверенитет перед «угрозой» со стороны Москвы («аннексия»). Однако при этом республика, лишившись привычной поддержки со стороны России, исторически мгновенно войдет в глубокий экономический кризис, что может поставить под вопрос существование независимого белорусского государства.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусские парламентарии призывают участников украинского конфликта использовать варианты мирного урегулирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/politics/Beloruskie-parlamentarii-prizyvajut-uchastnikov-ukrainskogo-konflikta-ispolzovat-varianty-mirnogo-uregulirovanija_i_695855.html.
2. Белорусский эксперт: В философском плане Белоруссия устала быть «форпостом», теперь она «мост» и «место встреч». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1851647.html#ixzz3LFeBuiW1>.
3. Блиц-интервью Александра Лукашенко ведущему программы «Вести в субботу» на телеканале «Россия 1» Сергеем Брилеву. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by/prezident-belarusi/article/intervyu.html>.
4. Козлик И. Лукашенко на инаугурации Порошенко: «Сначала разберитесь, кто террорист. А то поубиваете своих». [Электронный ресурс]. / И. Козлик. – Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26241.5/3122476/>.
5. Крят Д. Старые знакомые в новом формате. «Советская Белоруссия», №32 (24662), 19.02.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by/prezident-belarusi/article/starye-znakomye-v-novom-formate.html>.
6. Лукашенко в интервью НТВ: Путин послал Порошенко «приятный и мощный месседж». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1320336/>.
7. Лукашенко высказал опасения из-за скопления наемников на Донбассе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rian.com.ua/world_news/20150129/362737619.html.
8. Лукашенко готов послать миротворческие войска на Украину. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2014/10/02/lukashenko-claims-was-ready-to-send-ukrainian-peacekeeping-force-but-was-/>.
9. Лукашенко обещал не допустить реэкспорт попавших под санкции товаров в Россию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/8/11/699841.html>.

**Восточнoукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

10. Лукашенко снабжает «Национальную гвардию». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusimperia.info/news/id20365.html> (05.12.14)

11. Мы не можем даже представить объем контрабанды через РБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1463513/> (04/12/14)

12. Нацбанк Беларуси предупреждает об угрозе новой девальвации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://govorim.by/novosti-belarusi/29042-nacbank-belarusi-preduprezhdaet-ob-ugroze-novoy-devalvacii.html> (05.012.14)

13. Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко журналистам российских региональных средств массовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalistam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/.

14. Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко журналистам российских региональных средств массовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalistam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/.

15. Присоединение Крыма к России – это неправильно, но Украина сама виновата. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/prisoedinenie-kryma-k-rossii-eto-nepravilno-ukraina-sama-vinovata-lukashenko-561509.html>.

16. Саммит в Минске: Лукашенко кормил гостей яичницей и лично подносил им кофе. // RT на русском. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/73935>.

17. Советская Белоруссия. – №30. (24660). – Минск, 16.02.2015

18. Эксперты отмечают большое падение товарооборота с Россией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://banker.ua/bank_news/govregulations/2014/10/29/1180471664/eksperty-otmechajut-bolshoe-padenie-tovarooborota-s-rossiej/ (04.12.14)

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Стаття присвячена дослідженню позиції керівництва Республіки Білорусь відносно ситуації на Україні. Висвітлюється формування білоруської політики щодо нових властей України, вивчається використання білоруським керівництвом української кризи на внутрішньому політичному полі Білорусії. Особлива увага приділяється поступовій зміні геополітичного курсу Білорусії на тлі ескалації війни на сході України.

Ключові слова: Республіка Білорусь, Україна, Лукашенко, Євразійський економічний союз.

Article is devoted to research of a position of Republic of Belarus concerning to situation in Ukraine, formation of the Belarusian policy for the new authorities of Ukraine. Use of the Ukrainian crisis on an internal political field of Belarus is studied. The special attention is paid to gradual change of a geopolitical course of Belarus in a background of escalation of war in the east of Ukraine.

Keywords: The Republic of Belarus, Ukraine, Lukashenko, the Eurasian economic Union.

REFERENCES:

1. Belaruskoe telehrafnoe agenstvo belta, available at: http://www.belta.by/ru/all_news/politics/Beloruskie-parlamentarii-prizyvajut-uchastnikov-ukrainskogo-konflikta-ispolzovat-varianty-mirnogo-uregulirovanija_i_695855.html.
2. Informational agency regnum, available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1851647.html#ixzz3LFeBuiW1>.
3. Gazeta Belarus Segodnya, available at: <http://www.sb.by/prezident-belarusi/article/intervyu.html>.
4. Kozlyk I, Komsomolskaya Pravda, available at: <http://www.kp.by/daily/26241.5/3122476/>.
5. Kryat D., Sovetskaya Belorussia, 32 (24662), available at: <http://www.sb.by/prezident-belarusi/article/starye-znakomye-v-novom-formate.html>.
6. NTV, available at: <http://www.ntv.ru/novosti/1320336/>.
7. Rianovosti Ukraine, available at: http://www.rian.com.ua/world_news/20150129/362737619.html.
8. Euronews, available at: <http://ru.euronews.com/2014/10/02/>

**Восточнуукраинский конфликт:
типология, особенности, пути дэскалации**

lukashenko-claims-was-ready-to-send-ukrainian-peacekeeping-force-but-was-/.
9. Gazeta Vzgljad, available at: <http://vz.ru/news/2014/8/11/699841.html>.

10. Information portal of the Russian imperial movement, available at: <http://www.rusimperia.info/news/id20365.html>.

11. Newsland, available at: <http://newsland.com/news/detail/id/1463513/>.

12. Govorim.by, available at: <http://govorim.by/novosti-belarusi/29042-nacbank-belarusi-preduprezhdaet-ob-ugroze-novoy-devalvacii.html>.

13. President.gov, available at: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalizam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/.

14. President.gov, available at: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalizam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/.

15. Segodnya.ua, available at: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/prisoedinenie-kryma-k-rossii-eto-nepravilno-no-ukraina-sama-vinovata-lukashenko-561509.html>.

16. RT in Russian, available at: <http://russian.rt.com/article/73935>.

17. Sovetskaya Belorussia, (February, 16, 2015), 30 (24660), Minsk

18. Banker.ua, available at: http://banker.ua/bank_news/govregulacii/2014/10/29/1180471664/eksperty-otmechajut-bolshoe-padenie-tovarooborota-s-rossiej/.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 327:330.101(477)

Виктор ЛЕВИЦКИЙ

кандидат философских наук, директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации

ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ КАК СЛЕДСТВИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В УКРАИНЕ (ЧТО ПРОИСХОДИТ?)

Статья представляет собою попытку разобраться с теми событиями, которые сейчас происходят в Украине. Для того, чтобы их происхождение было более понятным, подаётся определённая историческая ретроспектива украинской истории последнего года. На основе этого автор не пытается делать конечные безапелляционные выводы, а только предлагает определённую логику вопрошания. Такой методологический подход, с одной стороны, позволяет непривычным и, в некотором смысле, непопулярным, способом посмотреть на украинское сегодня, а с другой – представляется, что при этом он имеет и свои эвристические достоинства. По мнению автора, философское осмысление украинских реалий поможет и в прагматической плоскости лучше понимать, что происходит, и позволит принимать правильные решения, даже в сложнейших условиях.

Ключевые слова: система, стратегия, Angst, пропаганда, кризис, конфликт, революция, манипуляция, власть.

Когда-то К. Ясперс, выделив одно родовое понятие, назвал период с VIII-го по II-ое столетие до нашей эры «осевым временем». Он объединил процессы, происходящие тогда в ойкумене от Китая до Греции, потому что увидел в них нечто общее. Определить эту общность можно рациональным прорывом к трансцендентности: Конфуций и Сиддхартха Гаутама, Зороастр и иудейские пророки, Сократ и Платон, каждый из них по-своему, обосновывая моральные законы, задумывался над миром интеллигибельного. Это была первая попытка человека собственноручно приблизиться к потустороннему, постичь сакральное.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Именно эта общая установка не схожих между собой гигантов человеческого духа позволила немецкому философу увидеть что-то общее в таких дифференцированных культурных целостностях.

Возможно, и нынешнее время тоже можно классифицировать по подобию чего-либо и определить для него единую дефиницию. И имеется ввиду вовсе не глобализация с ее силой унификации, независимо от культурных типов или национальных традиций, или, даже, от гендерных констант. Нет, речь идет скорее об ощущении духа этого тяжелого момента, об экспликации его экзистенциальной нагруженности. Весьма вероятной выглядит попытка определить это общее основание через страх. Именно так; точнее было бы даже использовать хайдеггеровский *Angst* (дословно «ужас») – экзистенциальный, бескомпромиссный ужас. В контексте анализа сегодняшнего времени этот термин выглядит весьма удачным. Ужас настоящего – это не простой испуг, как, к примеру, испуг ребенка, боящегося темноты: в этом случае рецепт очень прост – включить освещение и испуг исчезает сам по себе вместе даже с самим воспоминанием о нем. Нет, мы ведем речь совсем о другом: это ужас, который ощущаешь всей своей сущностью, когда лишь понимаешь, что оторопел, и не в силах ему противостоять. Это ощущение, когда сталкиваешься с чем-то непостижимо-непонятым, а от этого только чувствуешь свою беспомощность – ужас, который вызывает оцепенение. Это имеет такую классическую формулу: ужас не знает того, что его ужасает.

Достаточно, пессимистические интонации понятны, – скажет кто-то, а потом спросит: в чем же причина такой ситуации? Ответ будет следующим: в ужасной ситуации в Украине, и, даже, не столько в самой ситуации, сколько в тех проблемах, которые она обнажила.

Действительно, существуют мнения, что это локальная проблема, только у самих украинцев она интерес и вызывает, ну, возможно, еще у ближайших соседей. Да, такая позиция известна, и очевидно, что градус восприятия (но не всегда даже дискуссии) снижается пропорционально к увеличению расстояния от эпицентра событий. Но то, что эта проблема беспокоит всех мыслящих людей независимо от географии – это тоже факт (который может быть подкреплен как заголовками первых полос мировых газет, так и другими вещами, в том числе и личным опытом). Написано много статей, задекларировано множество

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

рецептов, предложено достаточно стратегий, но выхода не видно, хотя прошел почти год от начала конфликта. Поэтому и возникает ощущение этого самого Angst.

Но может ли быть иначе, если в начале XXI столетия, после ужасающих уроков XX-го, в то время, когда, казалось бы, найдена стратегия безостановочного движения к государству всеобщего благоденствия, а возможно и «вечного мира», оказалось, что нормы международного права не срабатывают, в ценностях, которые исповедует западная модель демократии, найдены логические ошибки, а общечеловеческие ценности (самое большое достояние секулярной эпохи) иногда используются как разменная монета в геополитической игре. Все эти вопросы не позволяют видеть в украинских событиях просто локальный конфликт на периферии Европы.

Все же, главной задачей этого исследования является не аналитика столкновения цивилизаций или экспликация ситуации постистории. Мы даже не ставим своей целью дать ответы на определенные конкретные вопросы. Но считаем, что крайне необходимо содержательно задать (определить) эти вопросы. Известно, что правильно поставленный вопрос несет в себе более пятидесяти процентов ответа. Впрочем, даже, не эта статистика нас интересует. Возможно, меткий вопрос поможет разобраться: Что происходит? Как случилось так, что достаточно развитая страна в центре Европы оказалась в состоянии войны, в которой украинцы убивают украинцев? Можно ли эти события объяснить исключительно внешней интервенцией? А что делается для того, чтоб остановить этот конфликт? И, что наконец ждет нас в финале этого процесса? Мы не ставим своей задачей найти ответы на эти и другие вопросы, целью является построение определенной логики вопрошания, которая очерчивает четкий путь освещения (как бы наведения прожекторов на темные места). Так что попробуем таким образом выяснить, что же все-таки происходит? Логично будет начать сначала.

Осенью 2013-го страна оказалась перед экзистенциальным выбором пути дальнейшего развития. Одним из критических факторов дальнейших трагических событий стала позиция власти, которая проигнорировала общественное мнение, изменив задекларированный курс в Европу за считанные дни до саммита в Вильнюсе. Катализатором

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

дальнейшего процесса стал «Майдан» – массовые акции протеста на площади Независимости в Киеве, которые позже, после прихода к власти нового руководства страны и в период героизации событий зимы 2013-14 гг., получили название «Революции достоинства». Но вначале стоит определиться с терминологией.

Еще со времен советской исторической школы известно, что революция – это коренной, радикальный переворот (поворот), качественное изменение, прыжок в развитии общества, природы и т.д. Тут, понятно, можно сказать, что данное методологическое виденье устарело, и именно его олицетворение в истории не выдержало испытания временем. Конечно, такая точка зрения имеет смысл. Но давайте обратимся к Новой философской энциклопедии и разберемся с дефинициями. Так, читаем: «Революция – резкий всплеск, бурные возмущения движения, интервал взрывообразной активности какого-либо явления, в процессе и результате которого оно изменяет свои качественные, сущностные, целостные определенности ... В отличие от реформы революция есть наиболее концентрированное, максимально быстрое и глубокое обновление явления, открывающее ему небывалые до этого возможности самоосуществления, самобытия» [1, 429].

Сразу возникает вопрос: какие сущностные изменения произошли после февральских событий 2014 года, которые заставили бы нас констатировать небывалые до этого возможности самоосуществления и самобытия? Да, во властных кабинетах оказались новые люди. Но что изменилось? Исполнены ли те обещания, которые они давали людям на улицах и площадях? Наказаны ли виновные в трагедиях, более того – доказана ли вина тех, кого сегодня объявили преступниками и изменниками? Известны ли виновники расстрелов и похищений?

Если предметно задуматься над этим явлением, то более релевантным будет другая коннотация нерядового понятия «революция», которое сегодня много что оправдывает и еще на большее дает права. Этот термин впервые появился в XIV столетии и означал тогда кругообразное движение, хождение по кругу, поэтому самое известное произведение Николая Коперника называется *De revolutionibus orbium coelestrium* («О вращении небесных тел»). Речь идет о коловороте, в определенном смысле, можно сказать, пользуясь ницшеанской тер-

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

минологией, что речь идет о возвращении того же самого. С таким понятием революции, глядя на современные события в Украине, трудно не согласиться. Следующие сменили предыдущих без каких-либо существенных трансформаций. Полагаю, такое описание очень точно характеризует саму природу украинских событий. Еще в XVII ст. под революцией понималось циклическая смена правителей или правящих элит. Как ни странно, такая дефиниция удовлетворяет украинским реалиям, но все же и такое определение на сегодняшний момент не может считаться актуальным. Так что с какой стороны не подойди, применяя научную методологию, «революцию» в тех событиях увидеть, не получается. Или может переписывание Конституции нужно понимать как коренной переворот, ведущий к невиданным ранее качественным изменениям?

Если поставить перед собой цель разобраться с теми требованиями, с которыми люди вышли на протесты, и сравнить и с тем, к чему эти протесты привели в феврале 2014 года, возникает удивление: каким образом была возможна трансформация от законных требований к отрицанию существующих законов? Не сталкиваемся ли мы, принимая во внимание последствия событий того времени, с очередной подменой понятий? Тут, уместно вспомнить И. Канта, который в своей политической философии сформулировал некоторые позиции, ставшие сегодня фундаментальными принципами образования государства и сформировавшие рамки общественно-государственного диалога [2]. Среди прочего, Кант отрицал любую возможность бунта (термин И. Канта): для немецкого философа он невозможен, потому что нарушает главное правило – уважение к законам. Он неоднократно настаивал на том, что править должны законы, а не люди: только так можно приблизиться к «вечному миру». В ситуации же бунта это первичное право и значимость закона сводится на нет. В силу вступают совсем другие правила, никак не способствующие приближению вождельных далей. Но и на этом он не останавливается: если же все-таки революция произошла, самое главное, что нужно делать – это следовать существующим законам (так, кстати, Кант отрицал и возможность контрреволюции). Беспорядок не может привести к порядку. Однако, руководители украин-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

ских протестов были отчаянными практиками, поэтому изменение законов – это первое, что они начали делать и кажется, что именно это объединяет все их последующие шаги¹.

Но вернемся к попытке разобраться, каким образом можно обозначить февральские события 2014 года, произошедшие в Украине. И здесь придётся кстати еще одна терминологическая аналогия. Все это время мы как бы постоянно находились в сюрреалистической понятийной картине мира, грубо ведя себя с терминами и постоянно пытаясь легитимировать какие-то практики через апелляцию к определенным ценностям, однако, с сознательной подменой понятий. Да, правосудие в этот период сменилось уличным самосудом, но при этом по большинству телевизионных каналов звучали обоснования такой трансформации. Мол, если нет доверия к системе правоохранительных органов и судов, тогда можно брать этот вопрос в свои руки: как будто майдан представляет собой волю всего народа, а он является единственным сувереном, поэтому любые действия оказываются легитимированными. Свободу заменили произволом, а информацию – пропагандой. Сегодня это уже можно констатировать как факт. Однако тогда сразу возникает вопрос: зачем такие события пытаться представить в демократических цветах?

Такая стратегия поведения имеет другие названия, и ни одно из них не созвучно демократии. Поэтому логичным представляется и следующий вопрос: зачем тогда такая манипуляция?

Интересным выглядит и участие иностранных чиновников в этих событиях. Нет сейчас смысла говорить об ангажированности и необъективности их позиций, однако полное нарушение всякого дипломатического этикета выглядит просто беспрецедентным. Неоднократно определенные зарубежные деятели не просто выступали со сцены на площади Независимости (что само по себе выглядит странным при сохранении дипломатических отношений между странами), а прямо призывали бороться с, в то время, полностью легитимной властью. Так, значит, следует понимать добрососедские отношения. Хорошая, так

¹ Спектр таких изменений очень широк – от немедленной реформы Конституции до создания Министерства информационной политики. Но, если присмотреться к подобным изменениям, кажется, что происходят они не потому что так лучше, а потому, что так выгоднее их инициаторам.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

сказать, мина при плохой игре. Вроде у нас нормальные взаимоотношения между государствами, а некоторые иностранные чиновники приезжают и прямо поддерживают антиправительственные выступления. Это, пожалуй, также нужно понимать как проявление демократии и олицетворение принципа невмешательства во внутренние дела другого государства. Определенным образом картину дополняет и отказ министров иностранных дел от тех гарантий, что они предоставили при заключении договоренностей между властью и оппозицией².

Все это выглядит странным, не говоря уже об искусственности многих событий того времени. Эта неестественность четко прослеживается с самого начала (разгона майдана), через странные обстоятельства похищения будущего министра, и до трагических событий последних дней противостояния, когда погибло более сотни человек (основные смерти пришлись на 19-21 февраля, когда готовился и подписывался протокол урегулирования противостояния. Договоренности удалось достичь, однако, кажется, кому-то нужно было, чтобы конфликт завершился иначе. И все эти неестественные, искусственные события сопровождается единая линия инфернализации власти. Делалось все (причем власть иногда сама этому очень помогала), чтобы максимально демонизировать власть, чтобы все, что с ней ассоциируется, воспринималось как нечистое, чтобы весь социальный универсум был разделен на воинов добра и зла, а само противостояние приобрело метафизические признаки.

Не будем сейчас вдаваться в политическое мифотворчество, но, как видим, технологии сработали. Однако, вопрос не снимается с повестки дня: ради чего все это?

Здесь можно привести пример полковника Аурелиано, из бессмертного произведения Г. Маркеса «Сто лет одиночества», который просто пришел в бешенство (потому что, в отличие от многих наших современников, он был порядочным человеком), когда осознал, что бороться можно просто за власть, или только за власть. Да, не за высокие цели или идеалы, не за право построить лучший мир и получить лучшую судьбу, а за овладение властью, которая является самоцелью, кото-

2 Речь идет о договоренности 21 февраля между властью и оппозицией, которые гарантировались министрами иностранных дел Германии, Франции и Польши.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

рая является настоящим желанием, хотя истинные мотивы этой борьбы, как раз и скрывают за великими лозунгами большей демократии, сплошного равенства, социальной справедливости и тому подобного. Однако, это только красивая форма, за которой едва улавливается настоящая сущность призывов к кардинальным преобразованиям. Власть ради власти – кажется, это не только латиноамериканский архетип!

Дальше – больше, как говорил классик. Если события февраля 2014 года и не тянут на революцию, однако стратегии поведения четко соответствуют лучшим примерам смены символического поля, начиная от так называемого «Ленинопада» до отмены старых праздников и назначения новых.

Поэтому одним из главных шагов новой власти должен был быть шаг идеологического сорта (например, создание Министерства информационной политики), а все оппоненты должны быть устранены тем или иным способом. Как в свое время отмечал французский философ Ф. Фейде: «Власть, строго говоря, не терпит ничего, что тем или иным образом не вступает с ней в компромисс» [3, 114]. Украинский политиком это правило освоил очень хорошо. Сегодня мы не имеем настоящей оппозиции, полностью отсутствует какая-либо критика, журналистика выглядит мягко говоря ангажированно³, а информация из новостных агентств полностью исчезла, освободив место интерпретациям и пропаганде⁴. Логичным может показаться вопрос: как же быть тогда с

3 Я настаиваю, в Украине сегодня очень проблематизована честная, объективная журналистика. И хочу обратиться с вопросом к публицистической братии: а где же корпоративная этика? Куда делись стандарты журналистской объективности? Или преданно служить акционерам удобнее и комфортнее, чем показывать правду? Куда же делись эти правдолюбцы, постоянно кричащие о нарушении норм беспристрастности. Для более глубокого осмысления посмотрите эту ссылку, которых десятки если не сотни «гуляют» по интернету, может стыд еще не окончательно потерян: <http://youtu.be/gf32sOftOuo>.

4 Как пример, просто обратите внимание, насколько похожа (в некоторых моментах до совпадения), информационная кампания вокруг Надежды Савченко на такой же процесс, который был посвящен Джессике Линч, американской героине иракской войны. Ракурсы некоторых фото заставляют подозревать чуть ли не одного и того же оператора, не говоря уже об одинаковых схемах героизации.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

критическими заявлениями и острыми ток-шоу? По этому поводу, как и по поводу оппозиции, можно только еще раз отослать к мнению цитируемого философа. Критичность любых заявлений только определяет те рамки, в которых был найден этот компромисс: никакие оппозиционные темы сейчас не провозглашаются, если предварительно они не получили согласования ответственных лиц. Попробуйте разместить некую критическую новость на топ медиа-ресурсах Украины и после всех отказов сразу станет ясно, что имеется в виду, когда чиновники говорят о демократических ценностях и независимой четвертой власти. Еще якобинцы знали это правило, провозгласив его как некое кредо: «Никакой свободы врагам свободы».

Но и на этом вопрос не исчерпывается. Как случилось так, что после ужасных событий в Волновахе был объявлен всеукраинской траур с шествием в Киеве, а когда ровно через неделю минометная атака в Ленинском районе Донецка унесла жизни тринадцати человек, даже не были приспущены государственные флаги. Так что: нужно умереть только на подконтрольной Украине территории, чтобы твоя смерть была замечена? Или в Донецке погибли «менее украинские» граждане? Или если человек остался у себя дома и ему некуда выезжать, он сразу становится сепаратистом? Из анализа тенденций последних недель мы видим, что на первый план в ближайшее время должны выйти экономические проблемы. Все это очень напоминает работу министерства изобилия из оруэлловского произведения «1984», которое ежеквартально публикует отчеты, на основании которых уровень жизни вроде повышается [4], а на самом деле наименования товаров сокращаются, количество продукции тоже, а реальный уровень жизни ухудшается. Кажется, что с такой политикой основная масса населения скоро будет поставлена на грань выживания. Девальвация гривны (которая отбросила большинство Украинский за черту бедности), стремительное падение промпроизводства и ВВП, потеря рабочих мест, остановка предприятий, разрушение инфраструктуры – все это сущностная характеристика современной экономической политики. Это не может не сказаться на экономическом здоровье как страны в целом, так и каждого гражданина в частности.

Государство на грани катастрофы, однако, нам все рассказывают, что кто-то мешает работать. Это очень удобно, когда кто-то мешает

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

работать, потому что всегда, если что-то не удалось, можно списать на то, что кто-то мешал. Это очень удобная политика, чтобы прикрывать свою несостоятельность. Худший вариант для чиновников сегодня – это если эта помеха куда-то денется. Потому что сразу исчезнет и завеса, за которой скрывается сейчас реальный «профессионализм», и обнажится настоящая ситуация в государстве. Это когда исчезает туман и оказывается, что стоишь на самом краю пропасти. Рассеяния тумана нельзя допустить.

Впрочем, опять остается вопрос: ради чего? Ответ давать не будем, как и договаривались изначально. Однако, если не ради власти, то ради чего? Если вместо мира мы все больше финансируем войну! Если вместо благосостояния средний украинец стал жить втрое хуже! Если вместо информации и новостей сплошная пропаганда, которой пытаются компенсировать все остальные проигрыши! Ради чего тогда, если не ради власти, если во всех отраслях, за которые принимали на себя ответственность государственные деятели, становится только хуже? Но есть те, кому хуже не становится, может потому, что они у власти и делают все, чтобы там и остаться? В заключение еще несколько вопросов. Что сегодня происходит в экономической плоскости? Имеется в виду кроме сплошной катастрофы, что делается, чтобы ее преодолеть? Вопрос не о кризисном моменте настоящего времени, а о стратегии. Что мы имеем в качестве экономической стратегии государства? Что видно из реальных действий власти? Слышим: давайте поднимем тарифы для населения, повысим пенсионный возраст, отменим дотации для сельхозпроизводителей и т. д. Все это только для одного – чтобы получить новый транш МВФ, который поможет нам просто отдать старые долги и определенное время выполнять социальные обязательства. Эти деньги не будут направлены на то, чтобы зарабатывать новые деньги. Мы даже не слышим о модернизации экономики, создании новых точек выработки дополнительной стоимости, о новых рабочих местах и тому подобное. Кажется, любая экономическая стратегия просто отсутствует.

К сожалению, такой же вывод напрашивается, когда размышляешь о военной плоскости. Очевидно, что речь может идти только о ситуативных действиях, связанных с мгновенными угрозами. Никакой

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

стратегии, продуманной заранее, нет. Все, что смогли наши деятели, – это максимально усложнить жизнь своему народу. Сначала в зоне АТО были приостановлены все социальные выплаты, затем отключены все операторы банковской системы, но и этого оказалось мало: сегодня максимально проблематизовано сообщение между оккупированными территориями и Украиной. А напоследок принимается решение о введении чрезвычайной ситуации на Донбассе⁵. Возникает вопрос: для чего это и кому от этого становится хуже? Подам размышление личного характера. В зоне АТО у меня и сейчас остаются обе бабушки, которым почти по восемьдесят лет, и они отказались выезжать из своих домов. Последний раз пенсию они получали в июне (хотя всю жизнь проработали на шахте и имеют на социальные гарантии законное право), деньги им перечислить невозможно, потому что не работают банковские учреждения, а теперь и приехать к ним или вывезти их стало сложнее. Получается, политика украинских властей на Донбассе направлена в первую очередь против украинского населения. Возможно, не стоит, если люди остались в своих домах, если им некуда ехать, или не на что жить, если они и в такое трудное время продолжают работать, сразу записывать их в сепаратисты и начинать бомбардировки? Возможно, существует другая, более продуктивная логика?

И такие решения принимаются, когда существуют системные проблемы другого характера. Сегодня приходится констатировать наличие в Украине частных армий (этого никто не хочет признавать, однако, очевидно, это так), которые мало того, что не понятно, кому подчиняются и чьи приказы выполняют, но иногда занимаются откровенным мародерством [4].

На сегодня они несут системную угрозу целостности страны. Впрочем, пока удобно их использовать, об этом никто не хочет думать. Думать о том, куда затем направить энергию этих молодых людей, вернувшихся с войны, когда места в социальной плоскости им не найдется.

5 Очень наивно полагать, что в ситуации, когда на оккупированной территории не работает ни один старый закон Украины, новое Постановление сразу установит законность. Те, кто не выполнял закон и не начнет его выполнять через новое постановление, вместо этого усложнится жизнь тех, кто и так уважал законодательство.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Думать, как отобрать у них оружие, чтобы оно не было аргументом в социальном диалоге. Думать о том, в конце концов, как сделать невозможным в мирное время существование частных армий, потому что, кажется, простых призывов будет маловато. Отсутствие ответов на все эти вопросы приводит к выводу, что военной стратегии также нет. Такая позиция сегодня стоит сотни жизней, а завтра, кажется, еще подорожает.

Исходя из ситуации, нужно было бы сказать, что политической (как внутренней, так и внешней) стратегии также не существует. Или если она есть, то ведет к самоуничтожению страны. Однако, определенные стратегемы все же вырисовываются, правда, они носят далеко не общегосударственный характер. Кажется, живой нерв их заключается в том, чтобы любой ценой остаться у власти. А поэтому неважно, что обещать на предвыборных гонках⁶, все равно с кем вступать в коалицию, чтобы иметь контролируемое большинство и гарантировать себе определенные должности, ситуация дошла уже до того, что даже не стыдно определенным образом интерпретировать смерти украинцев, чтобы определенным образом строить информационную кампанию⁷. В такой ситуации, как тут не вспомнить о ницшеанской воле к власти.

Экономической стратегии тоже нет (зато есть плачевное состояние рядового украинца), военной – также нет (но, очевидна гуманитарная катастрофа, и слава Богу, еще не произошла технологическая), политической – нет (однако, очевидна все большая разбалансировка власти изнутри страны и системный кризис извне). Вместо этих жизненно необходимых элементов государственности есть только пропаганда, которой пытаются компенсировать отсутствие системного видения. Следовательно, очевидно, не приходится говорить о развеивании того ужаса, с констатации которого начиналось данное размышление. Тем более, что сегодняшнее положение вряд ли можно назвать контролируемым.

6 Сравните предвыборные обещания на тот момент еще не Президента с реальностью: <http://www.youtube.com/watch?v=v15108qPgnU>.

7 Очень трудно поверить, что все жертвы среди мирного населения – это только ответственность террористов. И реальное количество жертв среди украинских военных также в последнее время ставится под сомнение зарубежными специалистами. Такое мнение было, в частности, озвучено в номере Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung за 8 февраля 2015 г.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Оно скорее напоминает ситуацию, когда в вагонетке под откос мчатся люди, и с расстояния кажется, что они управляют ею, однако, первая же попытка затормозить или изменить курс сразу показывает, что они просто пассивно несутся к пропасти. Самое печальное, что после того, как передвижное устройство с экипажем достигнет дна, лучше не будет. Поэтому и покоя на просторах нашей Родины ждать пока не приходится. Поэтому, исходя из таких футуристических перспектив и возникает вопрос: что происходит?

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая философская энциклопедия : в 4-х тт. – М. : Мысль, 2010. – Т. III. – 692с.
2. Кант И. К вечному миру // Кант И. Собр. соч. / Иммануил Кант. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 257-309.
3. Федь Ф. Хайдеггер: анатомия скандала / Ф. Федь. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2008. – 256 с.
4. Средняя зарплата в Украине в октябре выросла на 0,8% – до 3509 грн, – Госстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.planetoday.com/sredniaia-zarplata-v-ukraine-v-oktiabre-vyrosla-na-0-8-do-3509-grn-gosstat/>.
5. 20% бойцов добровольческих батальонов наживаются на войне – Кихтенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zn.ua/UKRAINE/20-boycov-dobrovolcheskih-batalonov-nazhivayutsya-na-voynе-kihtenko-164784_.html.

Стаття являє собою спробу розібратися з тими подіями, що відбуваються зараз в Україні. Для того, щоб їх генеза була зрозумілішою, подається певна історична ретроспектива української історії останнього року. На основі цього автор не намагається зробити кінцеві безапеляційні висновки, а тільки пропонує певну логіку запитування. Такий методологічний підхід, з одного боку, дозволяє незвичним та, в деякому розумінні, непопулярним, способом подивитися на українське сьогодення, з іншого – видається, що при цьому він має і свої євристичні переваги. На думку автора, філософське осмислення українських реалій допоможе і в прагматичній площині краще зрозуміти, що

Восточноукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

відбувається, та дозволить приймати правильні рішення, навіть у найскладніших умовах.

Ключові слова: *система, стратегія, Angst, пропаганда, криза, конфлікт, революція, маніпуляція, влада.*

The article represents an attempt to deal with those events that are now taking place in Ukraine. Certain historical retrospective of last year's Ukrainian history must make their origin more understandable. Based on this retrospective, author does not try to do the final categorical conclusions, but only offers a certain logic of questioning. Such a methodological approach, on the one hand, allows unusual and, in some sense, unpopular way to look at Ukrainian today, and on the other, it seems that he has some heuristic advantages. So, I hope that the philosophical understanding of the Ukrainian realities will help and pragmatic better understand what is happening, and will allow you to make the right decisions, even in the toughest conditions.

Key words: *system, strategy, Angst, advocacy, crisis, conflict, revolution, manipulation, power.*

REFERENCES

1. New philosophical encyclopedia, in 4 v., V. III. (2010), Mysl, Moscow, 692 p. (rus).
2. Kant Immanuel (1966), Perpetual Peace in: Collected Works, Vol. 6, Mysl, Moscow, pp. 257-309 (rus).
3. Fedier F. (2008), Heidegger: anatomy of the scandal, Vladimir Dal, SPetersburg, 256 p. (rus).
4. The average salary in Ukraine in October increased by 0,8% – to 3509 UAH, Statestat, available at: <http://www.planetoday.com/sredniaia-zarplata-vykraine-v-oktiabre-vyrosla-na-0-8-do-3509-grn-gosstat/>. (rus).
5. 20% of soldiers of the volunteer battalions are cashing in on the war – Kikhtenko, available at: http://zn.ua/UKRAINE/20-boycov-dobrovolcheskihbatalonov-nazhivayutsya-na-voyne-kihtenko-164784_.html. (rus).

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 930.1

Владимир ГЛАЗУНОВ
доктор философских наук,
профессор кафедры социальной философии и управления
Запорожского национального университета

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА В УКРАИНЕ: ОЛИГАРХИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Статья посвящается рассмотрению феномена гибридной войны. Исходя из того, что военные действия представляют собой определенный процесс, то предлагается проанализировать явление с позиций технологического подхода. Изучение феномена происходит не в рамках традиционной «демократической парадигмы», а исходя из утверждения того, что в современной Украине сформировалась олигархоцентрическая модель социально-политического устройства. Рассматриваются цели, задачи, принципы, направления, формы, методы и приемы ведения гибридной войны. Определяется общее и особенное в феноменах традиционной и гибридной войн. Акцентируется внимание на комплексном характере явления, его многоуровневой структуре. Обращается внимание на то, что участники процесса на различных уровнях выполняют различную роль, что и фиксируется экспертами, анализирующими ситуацию с различных идеологических позиций. Так, Украина может рассматриваться в качестве субъекта гибридной войны на региональном уровне, но она же становится средством, а ее будущая роль – целью, задачей и объектом для субъектов геополитического уровня.

Феномен гибридной войны характеризуется отсутствием принципов в выстраивании технологии процесса. В случае с Украиной отсутствие четких принципов в организации процесса продиктовано исключительно экономическим интересом олигархических кланов, вступивших в борьбу за передел модели закрепления в собственности орудий труда и средств производства. Реализации их же корпоративных инте-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

ресов служат и другие элементы технологического процесса гибридной войны. Основным средством в этой борьбе выступает главный ресурс эпохи – информационный.

***Ключевые слова:** гибридная война, технология, олигархия, информационный ресурс.*

Драматические события на юго-востоке Украины, которые стали логическим продолжением Майдана-2014, большинством экспертов оцениваются как самые критические за годы существования независимого государства. Действительно, состояние перманентного политического кризиса достигло своей кульминации, когда встал вопрос о дальнейшем существовании государства Украины, о суверенитете. При этом оценка событий с различных позиций далеко не однозначна, ввиду сложности, комплексности явления, включающего в себя как элементы гражданской войны, так и элементы внешней агрессии. Поэтому для описания и анализа событий экспертное сообщество все чаще апеллирует к термину «гибридная война». Такая тенденция в определении указанного явления находится в русле современного мейнстрима – попытки описать сложные системы с позиций теории хаоса. Причем в таких попытках преобладает формальный подход, когда, несмотря на то, что модель, описывающая систему, является детерминированной, поведение системы представляется случайным.

Тем не менее, любая система поддается определенной систематизации, анализу, и т.п. Если представить происходящие события в виде процесса, то очевидно, что к его описанию можно применить технологический подход. Другими словами, любой процесс можно разбить на технологические элементы и выделить: цели, задачи, принципы (стратегический ряд), средства, формы, методы, приемы, уровни и т.д. (тактический ряд). Такой подход предусматривает, прежде всего, определение главных участников процесса в качестве субъектов и объектов. Именно определение основных игроков в явлении «гибридной войны» на юго-востоке Украины, их интересов и возможностей, является целью данной работы. Такая попытка предполагает решения ряда задач, в частности:

1. Описание характерных моментов «гибридной войны», выделение общего и особенного.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

2. Выявление причинно-следственных связей, лежащих в основе процессов «гибридной войны».

3. Установление субъект-объектных отношений в процессе гибридной войны, их закономерной обусловленности.

4. Выявление роли социальной группы олигархов в указанных процессах.

Очевидно, что в термине «гибридная война» присутствует как общее, так и особенное. Поэтому для определения особенного целесообразно несколько слов сказать об общем, т.е. о феномене войны. Достаточно системный анализ явления и различных взглядов на него приводит, в частности, Дидье Жюлиа [1]. В нем присутствует как раз технологический подход к процессу войны. Следует особое внимание обратить при этом на позицию самого автора, который сводит причины войн к «двум: 1) голод: до тех пор, пока рядом с богатыми нациями будут находиться нации зависимые, рядом с людьми, купающимися в роскоши, люди, испытывающие голод, будет существовать угроза войны; 2) политическая свобода: «война свята, – говорил Фихте, – когда под угрозой независимость – развитие культуры». Этот момент представляется особенно актуальным в контексте событий на юго-востоке Украины. Причины конфликта лежат в плоскости противоречий между бедностью и богатством, а поводом конфликта являются «покушение на культурные ценности».

Нелишним представляется также вспомнить и традиционный диалектико-материалистический подход, в рамках которого «война – организованная вооруженная борьба между государствами (или группами государств), нациями (национально-освободительная или колониальная) или классами (гражданская война, свойственная антагонистическому классовому обществу)» [2]. В рамках этого подхода «война есть продолжение политики» того или иного класса; и в каждом классовом обществе, и в рабском, и в крепостническом, и в капиталистическом, бывали войны, продолжавшие политику угнетательских классов, а также бывали войны, продолжавшие политику угнетенных классов» [3]. Из этих определений представляется целесообразным выделить, с одной стороны, «вооруженность» столкновения, что является формальным признаком войны в традиционном ее восприятии.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

С другой стороны, сущность войны заключается в том, что она является продолжением политики определенной социальной группы в борьбе за власть как возможность диктовать свою волю другим социальным группам. Другими словами, война является средством в достижении политических целей. Можно предположить, что специфика феномена «новой войны», войны в новых, изменившихся условиях, должна трансформировать свою структуру: изменить свою форму, оставив относительно неизменным свою сущность и содержание. Именно такие трансформации можно наблюдать, анализируя феномен гибридной войны.

Рассматривая явление гибридной войны, следует отметить, что в современной отечественной научной литературе имеются весьма скудные сведения по обозначенному вопросу. Исключение представляет С. Дацюк, системно работающий в этой сфере [4]. Гораздо больше имеется достаточно противоречивой информации на уровне масс-медиа. Большинство журналистов очень интенсивно вводят это понятие на уровень массового сознания, зачастую пользуясь им больше как формальным, удобным, модным термином новояза, нежели термином, за которым стоит устойчивый образ на уровне общественного сознания.

Само понятие «гибридная война» позаимствовано из зарубежной литературы. Так Виктор Дьяченко констатирует: «термин «hybrid warfare» чрезвычайно популярен в последнее время в западных СМИ в контексте событий на юго-востоке Украины» [5]. Самое обобщенное представление предлагает соответствующая статья на Википедии [6], которая становится все более популярным источником информации при всей неоднозначности отношения к его достоверности и качеству. Обобщая указанную информацию, можно констатировать, что гибридная война отличается, прежде всего, комплексностью, т.е. сочетанием различных видов специфических военных действий; проявлением активности в нескольких сферах, направлениях и на различных уровнях; в разных масштабах; использованием различных форм, подходов, методов и приемов. Более того, именно широкая вариативность в выборе технологических структурных элементов является специфической особенностью рассматриваемого феномена. При этом особое внимание следует обратить на то, что большинство исследователей обязательно делают акцент на информационной составляющей гибридной войны.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Информационная борьба, медийные войны, сетевые войны, кибервойны, пропаганда и контрпропаганда, информирование и дезинформирование – вот далеко не полный перечень ведения активных действий, основой которых является информационная составляющая. Можно высказать предположение, что ведущая роль именно информационной составляющей объясняется тем, что информационный ресурс является базовым ресурсом современной информационной эпохи. Именно этот ресурс является основным «конвертационным ресурсом», позволяющим перевести один значимый ресурс в другой, и ускоряет весь процесс указанной конвертации. В свою очередь, скорость конвертации одного вида ресурса в другой является критерием эффективности приращения совокупного капитала или ресурсного потенциала. При этом необходимо помнить, что уровень совокупного капитала или ресурсного потенциала является базовым показателем, лежащим в основе многих явлений и процессов, определяющих их сущность. В частности, соотношение «относительный дефицит-избыток» общественно ценного ресурса определяет роли «субъекта» и «объекта», соответственно, во властных взаимоотношениях, т.е. в политической сфере. Субъектом становится сторона, обладающая относительным избытком социально значимого ресурса, объектом – сторона, испытывающая его дефицит.

Именно на этот момент указывают эксперты, когда определяют гибридную войну как метод действий в асимметричной войне [7]. То есть, гибридная война является вынужденной формой в том случае, когда в конфликт вступают стороны, имеющие различную структуру ресурсных потенциалов. Для того чтобы добиться благоприятного для себя исхода военного противостояния каждая из сторон старается предложить противнику «игру по своим правилам». При этом преследуется цель перевести противостояние в ту плоскость, в ту сферу, тот масштаб, в котором у обозначенного участника имеется преимущество в соответствующем ресурсе. Необходимо заметить, что противник не всегда принимает выдвигаемые условия, а потому каждая сторона играет «свою игру», что и воспринимается субъективно как «хаос». С другой стороны, можно предположить, что «отсутствие принципов» при выборе основных технологических параметров также является системным принципом гибридной войны. Но это – лишь в общем случае. В каж-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

дом конкретном случае стороной выбираются именно те принципы, которые этой стороной воспринимаются как самые выгодные исключительно для нее. Более того, эта «выгода» носит исключительно ситуативный характер. С быстрым изменением многофакторной ситуации так же быстро изменяется и оценка новой ситуации, а соответственно, меняются и принципы построения всей технологической цепочки проведения гибридной войны. Таким образом, можно предположить, что успех в гибридной войне, во многом, обеспечивается за счет мобильности в оценке и соответствующей корректировке элементов технологии ее проведения.

Особое внимание следует обратить на то, что при организации соответствующей гибридной активности ее организаторам приходится стремительно изменять задачи, а затем, в соответствии с задачами, и весь технологический ряд военных действий. При этом неизменной должна оставаться стратегическая цель организатора (технолога) процесса. Это замечание особенно актуально в том случае, если организатор-технолог сопряжен и встроен в различные системы, в системы различных сфер и уровней. В этом случае он неизбежно вынужден субъективно ранжировать эти системы по приоритетности, в соответствии со своими субъективными представлениями о ценности этих систем.

Нельзя не заметить и еще один важный момент. При ближайшем рассмотрении тех технологических элементов, которые вводятся в действие в процессе гибридной войны, можно отметить их относительную традиционность: они «обновляются» лишь за счет составляющей технического прогресса – прежде всего, происходит изменение средств ведения боевых действий. В связи с этим изменяются приемы, методы, формы, а соответственно, и стратегия, и тактика. Но это присуще процессу развития и «традиционной» войны. Поэтому можно заметить, что «дополнительная специфика» гибридной войны, в основном, задается новизной сочетания технологических элементов. «Эффект хаоса» на уровне восприятия как раз и формируется за счет относительной необычности такого сочетания. Можно провести аналогию с восприятием сюрреалистической картины: традиционные, реальные предметы и нетрадиционные, нереальные связи между ними.

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Все обозначенное выше в полной мере относится к современной ситуации в Украине, к процессам, происходившим в Крыму и на Донбассе. Причем комплексный характер этого явления именно в украинских условиях требует отдельного многогранного изучения. В рамках этой статьи хотелось бы обратить внимание лишь на отдельные важные моменты.

Весьма актуальным представляется вопрос о субъектах гибридной войны. Субъективная оценка экспертов в этом вопросе разнится в зависимости, с одной стороны, от того, какой уровень гибридной войны рассматривается, с другой стороны, следует учитывать идеологическую заангажированность эксперта. Анализ процесса ведения гибридной войны на разных уровнях позволяет выделять субъектов-инициаторов, организаторов, манипуляторов, движущие силы и т.д. на конкретном уровне. Однако на другом уровне те же социальные группы выступают в качестве объекта, средства в решении задач субъектов более высокого уровня. Так, современный украинский конфликт оценивается некоторыми экспертами в качестве гражданской войны, т.е. борьбы между различными социальными группами. Причем здесь также присутствуют разночтения: борьба «про-европейцев» против «про-азиатов» (продолжение Евромайдана); «регионов» против «центра» (за децентрализацию); одних олигархических группировок против других; «русских националистов» против «украинских националистов» и т.д.

Этот же конфликт рассматривается на межгосударственном уровне как конфликт между двумя субъектами: Россией и Украиной; либо как конфликт между США и Россией (а Украина – «поле боя», «разменная монета», «средство в чужих руках» и т.п.).

С другой стороны, конфликт может рассматриваться как продолжение борьбы транснациональных конгломератов за сферы влияния. В этом случае уже государства и союзы государств выступают в качестве средства для достижения корпоративных целей игроков геополитического масштаба.

В другом измерении этот конфликт служит проявлением цивилизационной борьбы: ведь для Украины это – цивилизационный выбор. Кроме того, одновременно, он имеет религиозно-конфессиональную составляющую. В целом же, этот уровень может быть определен как

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

уровень духовно-парадигмальный. При этом стоит заметить, что в рамках работы умышленно опускается из вида, так называемая, «конспирологическая составляющая».

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что Украина в рамках глобальной гибридной войны одновременно, но на разных уровнях, является и субъектом, и объектом, и средством, и тактической задачей («завоевания»), и стратегической целью, но с позиций различных участников процесса! Соответственно, в зависимости от уровня или системы, выбранной в качестве объекта или предмета исследования, экспертами фиксируются различные субъекты процессов в гибридной войне. При этом необходимо заметить, что противостояние между ними происходит с разной интенсивностью, но на всех уровнях одновременно. Кроме того, в гибридной войне очень важную роль играет субъективный фактор – момент наиболее полного и адекватного осознания происходящего. Именно от уровня осознания участниками (потенциальными субъектами) процесса гибридной войны зависит то, какую роль они предлагают в ней той системе, которую представляют.

Так, в оценке относительно современной ситуации в Украине, большинство экспертов традиционно исходят из того, что Украина в определенной степени достигла своего политического идеала – демократии. В этом случае основным действующим лицом, в том числе и субъектом, выступает народ, в лице государства, в виде законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Однако следует заметить, что оценка ситуации претерпевает значительные изменения в случае, если Украину рассматривать в качестве олигархии или олигархоцентрической системы [8], т.е. социально-политической системы, в которой все институты государственной власти и сегменты гражданского общества находятся в жесткой финансово-экономической зависимости от социальной группы олигархов. В этом случае, основным действующим лицом, в том числе, и субъектом на определенных уровнях гибридной войны, выступают олигархические кланы, персонализированные в образах конкретных олигархов. При этом и государство, и гражданское общество (народ Украины), являются средствами олигархических группировок в достижении своих, прежде

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

всего, экономических целей. Но тогда олигархическая составляющая придает значительную специфику каждому технологическому элементу гибридной войны, принципиально меняет акценты в ее оценке.

В частности, Украина вошла в гибридную войну, не имея четкой стратегической цели. Под предлогом деидеологизации, выгодной олигархам, Украина, в отличие от той же России или США, не заявила о своей роли и о своем месте на геополитическом уровне. Более того, такая «неопределенность» все годы независимости Украины была обусловлена разной направленностью приоритетов, векторов, в экономических связях ведущих украинских олигархических кланов. Отсутствие парадигмы, концепции, философии, миссии, понижает рейтинг Украины как системы и не позволяет выйти на высшие уровни ведения геополитики, в том числе и на высшие уровни ведения гибридной войны. Это сокращает перечень процессов, где Украина выступает в качестве субъекта, автоматически превращаясь в цель, задачу, средство, объект в руках других участников. Естественно, эта «ущербность» сразу же проявляется в «момент истины», коим является военный конфликт.

События на юго-востоке страны стали логическим продолжением Майдана-2014, который, в свою очередь, имеет ярко выраженную олигархическую составляющую. В этом контексте Майдан-2014 можно рассматривать как повод для развертывания дальнейших событий на юго-востоке. А вот причины у них одни – вопиющее несовершенство сформированной социально-политической системы, или как было указано выше – олигархии. В данном контексте Майдан-2014, как и Майдан-2004, можно в целом охарактеризовать тем, что объективно существующая революционная ситуация была сведена к верхушечному перевороту. Другими словами, революционным порывом масс воспользовалась группа олигархов, которая оттеснила другую группу олигархов от политической власти для передела сложившейся системы собственности на орудия труда и средства производства, оставив систему в целом без изменения. При этом каждая из олигархических группировок в процессе Майдана в той или иной степени апеллировала к различным субъектам геополитического уровня, в расчете на дополнительную ресурсную поддержку во внутрисистемной борьбе. В этом смысле, вооруженный конфликт на Донбассе является результатом ука-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

занной олигархической апелляции к внешним ресурсным источникам, субъектам мировой политики. Как раз этот момент является краеугольным в осознании того, как олигархическая Украина превращается из потенциального субъекта геополитики в объект. Отсутствие геополитической концепции развития Украины, а как следствие и отсутствие конкретных шагов по ее реализации, не позволили воплотиться потенциальной возможности для Украины стать геополитическим игроком. В данном случае, вполне адекватным представляется допущение: цель украинских олигархов – не построить собственное суверенное государство как относительно самодостаточную систему, а встроиться на более высокий уровень в более глобальной системе, используя собственное государство в качестве плацдарма, трамплина, т.е. средства в достижении обозначенной цели. Пожалуй, самым ярким примером такой позиции является «многогранная» активность Виктора Пинчука, который в большей мере является «человеком мира», чем «гражданином Украины», и который в контексте современного военного противостояния «выпал из поля зрения»!

На уровне задач гибридной войны также имеется своя олигархическая специфика. В частности, передел сложившейся системы закрепления орудий труда и средств производства в определенной системе собственности возможен, в том числе, и по результатам войны. И такую возможность лучше всего осознают олигархи, как социальная группа имеющие эксклюзивные возможности для соответствующего анализа ситуации. В таком случае, именно формат гибридной войны также выгоден, прежде всего, олигархам, что ими прекрасно осознается. Ведь этот формат позволяет, с одной стороны, проводить реальные военные действия, а, с другой стороны, максимально не прекращать производство, не разрывать торговые связи, традиционные производственно-экономические связи, что минимизирует потери прибыли. Причем, стоит заметить, что олигархическое государство проводит такую же гибридную политику – в частности, власть не делает логичных радикальных действий, лишь бы не прекратилось внешнее финансирование. Вопрос о перераспределении ресурсной базы между различными социальными группами и классами внутри системы не ставится. Напротив, боевые действия являются прекрасной ширмой для того, чтобы

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

скрыть тот факт, что происходит борьба за передел собственности между олигархическими кланами. Более того, олигархическое государство в этих экстремальных условиях паразитирует на патриотических чувствах граждан. В частности, оно «играет во всеобщую мобилизацию», которая касается всех, кроме олигархов и их окружения. Все затягивают пояса, кроме них. Их промышленно-экономические схемы, приносящие прибыль, продолжают работать, «не замечая» линии реального фронта! Стоит отметить, что в целом манипуляция с общественным сознанием пока идет «вполне успешно» для олигархов. Исключением из правил можно считать редкие адекватные оценки происходящего, например, Нины Матвиенко, заявившей, что «сегодня в зоне АТО идет борьба не за Украину – это клановая борьба Ахметова, Порошенко, Коломойского и других, «защищающих свой бизнес кровью наших ребят» [9].

Что касается принципов, то, как уже было сказано выше, основной системный принцип гибридной войны – это «отсутствие принципов». В конкретном случае, в Украине, этот системный принцип уточняется: «отсутствие принципов ради решения корпоративных задач и достижения корпоративной цели олигархической группы». Для всех остальных социальных групп принципы, в виде олигархического Закона, должны неукоснительно соблюдаться. Достаточно вспомнить многочисленные судебные разбирательства «о дезертирстве» в условиях официально необъявленной войны. В то же время, например, олигарх Игорь Коломойский может себе позволить пошутить о том, что украинский закон запрещает двойное гражданство, но не запрещает тройного [10].

Стоит также обратить внимание на еще один показательный принципиальный момент: в современной ситуации украинцам не «раздают оружие», что также указывает на то, что государство не демократическое, а олигархическое. Оружие не раздается по вполне обоснованной и объективной причине: оно с высокой степенью вероятности будет направлено не против внешнего противника, а против внутреннего – классового.

Особо следует обратить внимание на так называемый «принцип главного звена» гибридной войны, ухватившись за которое, можно вытянуть всю цепь. В контексте данной работы, очевидно, речь идет об ин-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

формационной составляющей, т.к. информационный ресурс – ведущий ресурс эпохи. Информационная составляющая присутствует во всех технологических элементах гибридной войны. Вот ей как раз и необходимо уделять наибольшее внимание, на нее необходимо делать ставку. Украина в этом отношении во многом проигрывает основным участникам гибридной войны, как временным союзникам, так и временным противникам, в особенности России!

Специфика гибридной войны в отношении выбора направлений заключается в комплексности – в ее ведении, по возможности, в широком спектре направлений. В общем, этот момент в Украине присутствует и соблюдается. Но и здесь необходимо обратить внимание, что, например, направление «народной дипломатии» практически отсутствует, хотя представляется наиболее эффективным. Очевидно, что в условиях, когда основное оружие – пропаганда, то основным оружием в борьбе с пропагандой может стать контрпропаганда. При этом эффективность контрпропаганды возрастает многократно при условии выполнения условия «адресности», т.е. тщательного сегментирования аудитории. Второе условие повышения эффективности такой работы – уровень доверия возрастает «к своим» (т.е. шахтеры верят шахтерам, врачи – врачам и т.д.). Этот сегмент информационного ресурса в Украине практически не задействован.

В отношении выбора методов гибридной войны подход остается прежним: чем шире спектр методов, тем успешнее реализуется проект для достижения цели – возрастает вероятность успеха для субъекта. Но это – в общем. В конкретном же случае украинской гибридной войны можно констатировать, что олигархам выгодно искусственно суживать спектр, т.е. показывать и акцентировать внимание на ту его часть, которая выгодно презентует именно позицию, которую занимает данный олигархический клан. В целом же следует заметить, что доминирует метод – далеко не научный, более того, антинаучный – «идеологизированный», т.к. присутствует идеологический корпоративный олигархический заказ. Ярким подтверждением этого является хотя бы оценка описываемого конфликта, которая сводится, с одной стороны, исключительно к гражданскому конфликту внутри страны (гражданской войне), с другой стороны, – исключительно к внешней интервенции.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Совершенно очевидно, что на самом деле присутствует и та, и другая составляющая. Однако такая «однобокость» в оценке связана с «разной векторностью» интересов олигархических кланов, вступивших в борьбу, а, как следствие – различное освещение событий в подконтрольных олигархам СМИ.

Средства гибридной войны определяются в каждом конкретном виде составляющих войны, в связи с ее спецификой. Успешность, эффективность и результативность всей гибридной войны в целом также во многом зависит от того насколько задействованы все возможные средства. Даже на первый взгляд, Украина недооценивает сам принцип «использования всех средств и в полном объеме». Однако, это тоже продиктовано олигархической корпоративной установкой – используется все то, что выгодно конкретному олигарху, в конкретной ситуации, даже если это входит в противоречие с интересами большинства населения, т.е. с демократическим основанием системы.

Следовательно, основной момент, на который стоит отдельно обратить внимание: народ со своим патриотическим подъемом используется как средство в достижении олигархических целей. Народом умело манипулируют, направляя его энергию (например, патриотического подъема на юго-востоке; либо жажды социальной справедливости – на Майданах), в нужное олигархам русло. Этой цели служит соответствующая олигархическая система институтов, включая силовые государственные структуры, олигархические СМИ, зависимые политические партии, подконтрольные профсоюзы и т.п.

Особым изобилием и разнообразием характеризуются приемы гибридной войны. Этот атрибут тактики в контексте гибридной войны должен быть нестандартным. В этом случае многократно повышается его эффективность. Так, в целом, можно согласиться с С. Дацюком, который предлагает совершенно нестандартный (инновационный) подход в разрешении конфликта Украина-Россия [11]. При этом стоит обратить особое внимание на то, что большинство экспертов сходятся во мнении, что Украина по своему ресурсному потенциалу не способна выиграть войну против России самостоятельно. Однако, воспользовавшись нестандартными приемами, можно уравнять шан-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

сы. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что украинской стороной практически не используется потенциал украинской диаспоры в России.

Из всего вышесказанного следует несколько обобщающих заключений:

В гибридной войне необходимо очень четко представлять истинные, а не декларативные, стратегические цели всех участников. Выбирая тактических союзников, необходимо четко представлять себе не только тактические, но и стратегические последствия. Чем чаще происходит оценка быстро изменяющейся ситуации, происходит сверка со стратегическими целями и промежуточными прогнозируемыми индикаторами, чем чаще вносятся соответствующие коррективы в тактику, тем выше вероятность успеха в стратегии гибридной войны. Характерным является кардинальное изменение технологической модели процессов на разных этапах процесса гибридной войны. Так, анализ модели процессов на первом этапе конфликта на Донбассе позволял охарактеризовать действия как «террористическую деятельность». Через два месяца ситуация кардинально изменилась, а Украина продолжает «жить в формате АТО».

Особый интерес представляет собой связь наших олигархических кланов с внешними геополитическими игроками, представителями транснациональных компаний, которые, по существу, являются олигархическими структурами более высокого, глобального порядка. В этом случае даже конфликт Россия-США переводится в другую плоскость, т.к. при таком подходе даже такие государства-гиганты становятся средством в достижении глобальных олигархических результатов.

В любом случае, из всего вышесказанного можно сделать заключение, что во всех структурных элементах гибридной войны присутствует явная олигархическая составляющая: весь ход и характер процесса гибридной войны задается интересом названной социальной группы. Олигархи играют ведущую системную роль в формировании гибридной войны как соответствующего специфического процесса. Это – объективная сторона.

Однако необходимо обратить внимание и на субъективную сторону гибридной войны, а именно, на момент восприятия этого явления

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

на уровне общественного сознания. При этом следует заметить, что, во многом, образ гибридной войны сформирован олигархическими СМИ. Характерно, что в большинстве случаев акцент делался на «новизне» явления гибридной войны: постоянно подчеркивается, что Украина к такой новизне не готова, новизна отождествляется с вероломством противника и т.п. На самом деле, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что указанная «новизна» довольно относительна. В. Дьяченко достаточно убедительно доказывает, что при ближайшем рассмотрении, каждый элемент гибридной войны в Украине, будь то средство, прием, метод или форма, имеют достойный аналог в истории [12]. Новым, по факту, является лишь конкретная их комбинация! Более того, несложно заметить, что указанная «новизна» является идеологически заданной. В частности, новизна в большой мере является проявлением новых акцентов и новой «исследовательской позицией» в рассмотрении явления. Так, если раньше раздельно рассматривались дипломатия и непосредственные военные действия, то сейчас предлагается рассматривать эти сферы в качестве элементов одного процесса гибридной войны, различных его стадий.

Но и здесь можно проследить олигархическую составляющую. Именно на «новизну» можно списать неудачи и промахи в ведении гибридной войны, спрятать истинные цели, отсутствие решительных мер и действий, которые потенциально могли бы нарушить модель, выгодную олигархам!

Несложно сделать вывод о том, что в процессе гибридной войны олигархи заинтересованы в эксклюзивном доступе к информации, т.к. изначально создают закрытую информационную систему. Это их корпоративно-групповая установка, продиктованная узкокорпоративными групповыми интересами. Другими словами, особенность в субъективном восприятии гибридной войны, «новизна», является идеологическим обоснованием необходимости именно такой войны. Это корпоративный заказ на манипуляцию общественным сознанием со стороны олигархической социальной группы.

Основной объективный момент: гибридная война, происходящая в Украине, имеет глубоко антинародную, т.е. антисоциальную сущность, т.к. ее цели и задачи отвечают интересам сверхмалой социальной группы олигархов (и обслуживающих их бюрократов), находясь в

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

системном противоречии с интересами подавляющего большинства, которое составляют остальные социальные группы.

Таким образом, анализ феномена гибридной войны в Украине позволяет сделать заключение о том, что специфический характер явлению задается интересами олигархических структур различного уровня, которые пытаются реализовать свои экономические цели (получить сверхприбыль), используя наиболее широкий спектр ресурсов в борьбе за доступ к еще большему объему ресурсов. Украинские олигархические структуры являются связующим звеном, проводником и выразителем интересов олигархических структур более высокого глобального уровня. Основным средством в этой борьбе выступает главный ресурс эпохи – информационный, на который олигархи пытаются отвоевать монопольное право. Все выше изложенное дает основание вести речь об олигархическом дискурсе гибридной войны в Украине, как о неизменно присутствующей олигархической составляющей во всех ее элементах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жюлия Д. Война. Философский словарь / Д. Жюлия ; [пер. с франц.]. – М. : Междунар. Отношения, 2000. – 554 с.
2. Война // Философская Энциклопедия. В 5-ти тт. [Электронный ресурс] / [под ред. В. Ф. Константинова]. – М. : Советская энциклопедия, 1960-1970 гг. – Режим доступа : <http://terme.ru / dictionary/1019130/word/voina>.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5 изд. – М. : Изд-во полит. Лит-ры, 1969. – Т. 26. – С. 135-136.
4. Дацюк С. Стратегия победы Украины в войне с Россией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hvylya.net/analytics/geopolitics/strategiya-pobedyi-ukrainyi-v-voyne-srossiey.html>.
5. Дьяченко В. «Гибридная война» как следствие склероза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.from-ua.com/articles/324689-gibridnaya-voina-kaksledstviekleroza.html>.
6. Гибридная война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Гибридная война](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гибридная_война).
7. Ассиметричная война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Ассиметричная война](http://ru.wikipedia.org/wiki/Ассиметричная_война).

Восточнокриайнский конфликт в контексте глобальных трансформаций

8. Глазунов В. В. Олигархические трансформации : [монография] / В. В. Глазунов. – Запорожье : КПУ, 2011. - 363 с.
9. Матвиенко Н. В зоне АТО идет клановая борьба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inpress.ua/ru/politics/38168-nina-matvienko-v-zone-ato-idet-klanovaya-borba-video>.
10. Коломойский признался в тройном гражданстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_kolomojskij-priznalsya-v-trojnomy-grazhdanstve/584512.
11. Дацюк С. Стратегия победы Украины в войне с Россией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hvylyu.net/analytics/geopolitics/strategiya-pobedyi-ukrainyi-v-voynye-s-rossiey.html>.

Стаття присвячена розгляду феномену гібридної війни. На підставі того, що військові дії є певним процесом, пропонується проаналізувати явище з позицій технологічного підходу. Дослідження феномену відбувається не в межах традиційної «демократичної парадигми», а виходячи з тези, що в сучасній Україні сформувалася олігархоцентрична модель соціально-політичного устрою. Розглянуто цілі, завдання, принципи, напрями, форми, методи й прийоми ведення гібридної війни. Визначено спільне й особливе у феноменах традиційної та гібридної війн. Акцентується увага на комплексному характері явища, його багаторівневій структурі. Показано, що учасники процесу на різних рівнях грають різні ролі, що й фіксується експертами, які аналізують ситуацію з різних ідеологічних позицій.

Ключові слова: гібридна війна; технологія; олігархія; інформаційний ресурс.

This article is devoted to the phenomenon of hybrid war. Based on the fact that the military actions can be represented as the particular process, it is proposed to analyze the phenomenon on the technological approach. In addition, the study of the phenomenon does not occur within the traditional «democratic paradigm», and based on the assertion that in modern Ukraine the model of social and political order with an oligarchs in the center was formed. All state institutions and segments of civil society are in a tough financial and economic dependence from the social group of oligarchs.

**Восточнуукраїнський конфлікт:
типологія, особливості, шляхи деескалації**

The goals, objectives, principles, directions, forms, methods and techniques of conducting hybrid warfare are discussed. The general and the particular to the phenomena of the conventional war and the hybrid war is determined. Focuses on the complex nature of the phenomenon, its layered structure. In this connection, emphasizes the fact that the main actors of the war at different levels perform different roles, which is fixed by experts who analyze the situation. In particular, Ukraine can be considered as the subject of a hybrid war at the regional level, but it also becomes the purpose and the object as to the subjects of higher geopolitical level.

In general, the phenomenon of hybrid war characterized by a lack of principles in building of the technological process. In the specific case of Ukraine, the lack of clear principles in the organization of the process dictated by economic interests of oligarchic clans that joined the struggle for the redistribution model in securing ownership of tools and means of production. Other elements of the process of the hybrid war are serve the implementation of the corporate interests of the oligarchs.

In addition, the Ukrainian oligarchic structures are the link, the conductor for the interests of oligarchic structures of higher global level. The main tool in this struggle is the information - the main resource of the era, on which the oligarchs try to win a monopoly. Thus, we can talk about the oligarchic discourse of the hybrid war in Ukraine, as invariably present oligarchic component in all its elements.

Keywords: *hybrid warfare; technology; oligarchy; information resource.*

REFERENCES

1. Julia D. (2000), *War. Philosophical Dictionary*, External Affairs, Moscow, 554 p. (rus).
2. *War, Philosophical Encyclopedia*, in 5 v., in Konstantinov V. F. (Ed.) Soviet Encyclopedia (1960-1970), available at: dictionary/1019130/word/voina. (rus).
3. Lenin V. I. *Works*, V. 26, pp. 135-136.
4. Datsiuk S. *Strategy of Ukrainian victory in the war with Russia*, available at: <http://hvylya.net/analytics/geopolitics/strategiya-pobedyi-ukrainyi-v-voyne-s-rossiey.html>. (rus).
5. Diachenko V. *Hybrid war as a consequence sclerosis*, available at:

Восточнокраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

<http://www.from-ua.com/articles/324689-gibridnaya-voina-kak-sledstvie-skleroza.html>. (rus).

6. *Hybrid War*, available at: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Гибридная война](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гибридная_война). (rus).

7. *Asymmetric War*, available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ассиметричная война](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ассиметричная_война). (rus).

8. Glazunov V. V. (2011), *Oligarchic transformations*, KPU, Zaporizhzhya, 363 p. (rus).

9. Matvienko N. *It is a clan fight in the area of the ATO*, available at: <http://inpress.ua/ru/politics/38168-nina-matvienko-v-zone-ato-idet-klanovaya-borba-video>. (rus).

10. Kolomoisky admitted in the triple citizenship, available at: http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_kolomojskij-prznalsya-v-trojnomy-grazhdanstve/584512). (rus).

11. Datsiuk S. Strategy of Ukrainian victory in the war with Russia, available at: <http://hvylya.net/analytics/geopolitics/strategiya-pobedyi-ukrainyi-v-voyne-s-rossiey.html>. (rus).

**Восточноукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

УДК 141.5:316.613

Марина КОЛИНЬКО

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии Донецкого национального университета

ПЕРСПЕКТИВА ПАДЕНИЯ ЗА ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

В статье рассматриваются проблемы пространственной взаимосвязи домашнего и политического миров. Автор останавливается на теоретико-методологическом подходе Э. Гуссерля, имеющем эвристическую ценность для исследования феномена жизненного мира. Используется феноменологическая интерпретация типов историчности Э. Гуссерля в семантике деления социального пространства на свое и чужое. Анализируются отличия в образовании домашнего и чужого миров. Каждая культурная группа сформирована на фундаменте устойчивой культурной матрицы. Симметричность культурных различий в рамках «родительского поля» дает основу для понимания, раздвигает границы и расширяет горизонты домашнего мира. Диалог представлен как продуктивная стратегия толерантной коммуникации. Изучение идентичности (формирование, границы) необходимо для понимания особенностей диалога культур в условиях политического конфликта.

Ключевые слова: домашний мир, полнота бытия, чужой мир, толерантность, диалог.

В физике есть понятие «горизонт событий», которое показывает, что вблизи черной дыры ничто не может покинуть поле ее гравитации. Никакая информация не поступает за пределы горизонта событий. Пересекая его, объект становится отрезанным от своей Вселенной, перестает существовать. Вернее, его существование в пространстве черной дыры еще продлится, но для любого наблюдателя из этой Вселенной оно закончится.

Насколько свободны мы в волеизъявлении и поступках, в какой степени находимся под давлением условий и обстоятельств, традиций

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

и предубеждений? В какую черную дыру может увлечь нас нежелание осознавать ответственность за наше бытие? Наше бытие разбросано на миллионы осколков, мы чего-то ждем, требуем, надеемся, желаем добра, стремимся подальше от зла. Но желания добра и ускользания от зла недостаточно, чтобы быть добрым и понимать, что есть добро. «Делать добро или быть добрым совсем не то же самое, что чувствовать себя добрым; это – искусство» [1]. Это искусство вхождения в пространство философского осмысления добра и зла.

Философия есть способ обсуждения условий свободы. Это высказывание Мераба Мамардашвили прозвучало в контексте темы бытия как полноты собирания. Наши намерения не самодостаточны, все поступки, что продиктованы нашими намерениями, вливаются в общие сцепления и в общий контекст бытия. Они обретают свой смысл в бытии, а не в голове совершающего поступок. Мы часто не ведаем, что творим. Вспомним пример Эдипа, который приводит М. Мамардашвили. Эдип спит с женщиной, не зная, что это его мать, но в действительности это так. Эдип убивает мужчину, не зная, что убивает отца, но в бытии это знание есть. Его нельзя отменить.

Эдип стремится познать себя не как эмпирического индивида, а «здать себя целиком во всем том, что ты есть, но чего ты не видишь». Он собирает себя, чтобы совершиться в поступке, осуществиться, «пробыть» целиком, иначе – совершается кровосмешение, убийство отца. И когда он собирает себя по осколкам, он начинает ведать, что творил.

В этом же контексте интерпретируется миф Платона об армянском воине Эре, который сумел попасть в царство мертвых и наблюдал, как души выбирают свою следующую судьбу. Им была дана возможность исправить прежние ошибки. Но чаще всего они следовали своему нраву, своей натуре, и воин превращался в льва, тиран оставался тираном, хотя желал себе другую жизнь. «Когда он потом, не торопясь, поразмыслил, – замечает Платон, – он начал бить себя в грудь, горевать, что, делая свой выбор, не посчитался с предупреждением прорицателя, винил в этих бедах не себя, а судьбу, божества – все, что угодно, кроме себя самого» [2, 125]. Он не заглядывает в себя, не пытается понять свою суть и оказывается во власти судьбы (как считали античные греки) или натурального сцепления событий, как это называет М. Мамардашвили.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Совсем иначе выстраивает свое бытие шекспировский Гамлет. Он размышляет, когда другой, движимый традицией кровной мести, не задумываясь, мстил бы за убитого отца. Человек включен в мир внешних вещей и в культурную среду, которая создает свои законы и коммуникативные запреты, подчиняется этим законам, действует по усвоенным в его домашней общности правилам. В рамках этого пространства колебания и рассуждения принца Датского вместо действий выглядят как нерешительность. На самом деле, он поступает по-человечески. Он собирает себя, преодолевая сцепление причин и следствий, чтобы жить и действовать осознанно и свободно. Когда человек собирает себя в точке, целиком, он перестает зависеть от логики произвольных актов, а способен на свободные деяния.

На философские стратегии понимания свободы и целостности бытия можно выйти через познание онтологической проблематики пространственных отношений и связей. Мы основываемся на исследованиях таких авторов, как М. Хайдеггер (“Топология бытия”), Э. Гуссерль, Б. Вальденфельс, М. Бахтин, М. Мамардашвили. Цель статьи – осмысление проблемы пространственной взаимосвязи домашнего и политического миров в рамках теоретико-методологического похода Э. Гуссерля к разделению социального пространства на свое и чужое.

Человек всегда существует в рамках пространственной организации своего бытия. Способом осмысления этого пространства является язык. Он становится тем местом, где происходит гуманизация мира, местом становления сущего как гуманизованного сущего. По выражению М. Хайдеггера, мы мыслим пространство так, как оно мыслит себя через нас. Человек является мерой пространственности окружающего мира. Определение его места в топологической модели мира ведет к интерпретации экзистенциальной размерности пространства, в котором мы живем. Пространственные измерения сущего нагружены экзистенциальной проблематикой и связаны с Dasein. Пространственность является одним из экзистенциалов Dasein.

Когда нашим бытием является Dasein, мы постоянно находимся в состоянии отношения к «Я есть» и «Ты есть», то есть в состоянии постоянного выбора себя, способа бытия собой. Мы способны выбирать себя, побеждать себя, но и терять себя. Быть Dasein означает перманентно на-

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ходиться перед проблемой победы над собой или поражения. Пространство Dasein – живое, движущееся и переструктурирующееся в человеческом экзистировании. В каждое мгновение своей жизни человек может двигаться как вперед, к настоящему, аутентичному бытию, так и сделать выбор в пользу «субчеловеческого», ложного образа бытия. Пространство бытия порождается Dasein, разворачивается как здесь-бытие. Хайдеггер рассматривает Dasein как заботу, убегающую от себя в своем проекте к возможностям, которыми Dasein является. Этот проект себя за свои пределы и есть понимание. Тогда человеческая реальность определяется как «окрывающая-открываемая», стремящаяся к наполненности бытия.

Восприятие субъекта в пространстве со-бытия с Другим – это важная антропологическая установка, которая позволяет проложить мостик к размышлению о проблеме восточнуукраинского конфликта и поведения различных групп украинской политической коммуникации. И. Кант подчеркивал, что культура разума – высшего проявления человека как разумного существа – заключается не в способности утверждать себя за счет другого и создавать собственное пространство, вытесняя другого, а в способности понимать другого. Разговор о Другом – это всегда размышления о себе, своей идентичности, домашней и политической территории, об ответственности и экзистенциальном выборе. Конфликты, которые, на первый взгляд, возникают на этнической или политической почве, при более глубоком изучении обнажают пространство сложных переплетений различных модусов социального мира.

Во многом проблема восточнуукраинского конфликта связана с разным представлением культурных групп в Украине о своей идентичности. Что значит «быть украинцем»? С украинским этносом или украинской нацией как политическим феноменом идентифицирует себя та или иная коренная группа украинского политического пространства? Монокультурное или мультикультурное будущее предпочитает Украина, от этого во многом зависит выход из восточнуукраинского конфликта (оговоримся, что мы в данной статье не касаемся внешнеполитических влияний, которые не менее важны в решении данного вопроса). На основании ответов на эти вопросы можно сделать вывод о том, кто представляется чужим той или иной группе, какому политическому миру она готова верить свой домашний мир.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Для понимания роли и значения домашнего мира в отношениях субъектов политической коммуникации большой методологический потенциал мы видим в феноменологической интерпретации типов историчности. Семантику деления социального пространства на свое и чужое можно вывести из концепции жизненного мира Э. Гуссерля. Жизненный мир предстает перед нами во многих культурно и субъективно относительных формах живой данности, существует в форме мыслей, переживаний, ценностей, богатства чувственного восприятия вещей. Жизненный мир представляется в виде определенной исторической традиции. Он всегда соотнесен с конкретным сообществом, его территорией, грунтом, ландшафтом. Существует «первичное окружение» (Ur-umwelt), наиболее близкая нам природа и «мир моего дома» (Heimwelt), семьи (Familienwelt), расширяющийся в пространство Отечества (Heimat). Этот мир имеет глубоко личностную окрашенность, а с другой стороны, проявляется как среда вещей. Уже на этом двуединстве природного и персонального мира выстраивается социокультурная среда, т.е. сложное переплетение объективированных данностей культуры.

Различение Э. Гуссерлем природного (наивно-мифологического), научно-философского и феноменологического типов историчности показывает, как формируются механизмы межкультурных контекстов понимания и непонимания.

Интерпретация домашнего мира как общности со своей исторической традицией ведет к рассмотрению его как примордиально общедоступного пространства, в рамках которого наивно существуют люди в качестве эмпирических субъектов. Словообразование в домашнем и чужом мирах отличается. В наивно-мифологической историчности домашнего мира поддержка его границ осуществляется в ходе изменения поколений. Домашний мир населен знакомыми нам людьми, эмоции, мысли и поступки которых доступны пониманию и принятию, в противоположность чужому миру, доступному лишь в модусе непонятности. Домашний мир – это для нас доверительно знакомый мир, в котором мы чувствуем себя непринужденно и естественно. Таким образом, «родной» мир коррелирует с «домашними отношениями», отличаясь естественностью, наивностью и нормальностью. Домашний мир отличается наглядностью и определяется само собой разумеющимися

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

для его представителей данностями. Естественность, характеризующая повседневный мир, нейтрально окрашена. Человек, живущий в естественном мире домашних отношений, убежден, что это – единственно возможная «дорога жизни».

Наивными отношения домашнего мира являются потому, что представители данного Дома считают их абсолютными. Поэтому наивность может иметь негативную окраску. Повседневный мир Дома ограничен и конечен в своих представлениях. Это не значит, что отношения твоего Дома воспринимаются как единственно существующие, но они существуют как домашние отношения только для себя. Все другие формы жизни рассматриваются как наивные или примитивные, непонятные, а то и как чужие, а следовательно, враждебные.

Нормальность домашнего мира есть способ его существования и объясняется историей поколений. Эта система нормальности обеспечивает чувство надежности и доверия, поскольку она выстраивалась не одним поколением предков и освоена нами как способ мышления и действия.

На самом деле, мой домашний мир с его отношениями и правилами – только один из многих, однопорядково устроенных. Это интереснейшее пространство, включающее в себя традиции, религиозные и мифологические представления, коллективные ценности и культурную память.

Мир дается нам как незамкнутый открытый горизонт, не ограниченный домашним кругом. Горизонтность – важнейшее свойство сознания. Как комментировал концепцию Э. Гуссерля Б. Вальденфельс, домашний мир функционирует и в качестве центра, окруженного дальнейшими горизонтами, и в качестве почвы, на которой надстраиваются дальнейшие ступени. «Можно спросить себя, соответствует ли, хотя бы отдаленно, концентрическая модель Родного мира, словно ствол дерева, наращивающего кольца чужести, и одновременное обособление внутренней и внешней чужести нашему мультикультуральному обществу. Разве не проникают непрерывно друг в друга сферы Самости и Чужести в культурном сплаве?» [3]. Опыт Чужого указывает за пределы самого себя, он находится в горизонте некоторого опыта мира. Всеохватывающий горизонт общего жизненного мира обособляется в домашний

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

мир и чужой мир. Соответственно этому, можно различать две формы чужести: внутри домашнего мира, принадлежащая к его внутреннему горизонту, и чуждость вне домашнего мира, принадлежащая к его внешнему горизонту. Внешний мир не дан непосредственно, а является данностью человеческой культуры, результатом развития индивида в контексте общества и его истории. Его горизонту присуща безграничная возможность расширения.

Деление мира на домашний и чужой связано с тем, что наша «нормальность» сформирована на базе смысловой связи с предыдущими поколениями. На формирование конституционных систем нашей коммуникации влияют наши предки, этого не могут сделать предки чужого мира.

Изменения домашнего мира под влиянием чужих миров навязывают непонятные, а часто воспринимаемые как враждебные, правила и действия. Здесь речь идет уже не о чужом домашнем мире, а мире, отличном по структуре: политическом или профессиональном (именно такие измерения историчности предлагает Э. Гуссерль). Столкновение с чужим миром может привести к душевной инерции, разочарованию, социальной дезориентации человека. Когда плохо работают культурные программы интеграции, да еще на фоне катастрофического состояния экономики, общность начинает обращаться к «духовным скрепам» домашнего мира, что фактически возвращает к родоплеменной культуре, где родовые черты объявляются духовной особенностью, а патернализм становится основным принципом структурирования общества. Такая ситуация, по нашему мнению, сложилась на Донбассе. В социальной структуре и сознании здесь преобладают элементы общинного уклада, что приводит к нежеланию людей покидать рамки домашнего мира. Отдавая приоритет общинным ценностям, они слабо вплетаются в сеть других миров. Так создается почва для активного процесса отторжения политического мира, по мнению местных жителей, покушающегося на домашние ценности (язык, история, памятники, идолы). Обещание другим политическим миром (с которым, кстати, старшее поколение связывает и свой домашний мир) социальной защиты, социальной справедливости, других социалистических завоеваний (например, ликвидации частной собственности) подогревают сепаратистские настроения. При

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

этом люди не пытаются критически проанализировать последствия и реальность таких обещаний. За механизм демократии принимается демократический процедурный ритуал, и на этом основании легитимным может считаться любой режим (авторитарный, тоталитарный).

Резкие и оскорбительные высказывания некоторых украинских политиков в адрес «донецких» в то время, как следовало бы учитывать историко-культурную вариабельность в отношениях разных культурных групп, элементы экономической блокады ускоряют и усиливают этот процесс, создают крайнюю форму чужести – чужеродность. Человек категоричен к проявлениям чужеродности, не толерантен, не принимает Другого и способа его жизни.

Как отмечает луганский философ А. Еременко, «для общинного и этатистского сознания, как правило, характерно глубинное неприятие частной собственности, неуважение и даже презрение к частной собственности. Отсюда вытекает неприятие индивидуализма и непонимание ценностей гражданского общества, ценностей правового государства. В частности, у человека с общинным сознанием наблюдается некий правовой нигилизм» [4].

Толерантность предстает той нормой сосуществования огромного разнообразия субъектов культурного мира и способом общения уникальностей, которая направлена на выстраивание отношений равенства различных культур, а не деление их на господствующие и подчиненные, маргинальные, на сохранение культурного наследия и преодоление идеологии и политики различных «центризмов».

Глобальные процессы, трансформирующие культурные традиции, смешивающие разные культуры по принципу «салата» или сплавляющие их в едином «плавильном котле», глубоко затрагивают проблему толерантности и связывают ее с концептом идентичности. Попытка быть справедливыми и учитывать разнообразие культурного опыта ведет к осмыслению политики «признания», защищающей уязвимые культурные меньшинства. В мультикультурных обществах необходима политика «признания», так как идентичность каждого отдельного гражданина переплетена с коллективными идентичностями и ради стабилизации вынуждена попадать в сеть взаимного признания. Разрешение возникающих в таких условиях противоречий возможно, если придерживаться,

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

как предлагают многие западные исследователи (в частности, Сейла Бенхабиб), следующих нормативных принципов: эгалитарной взаимности, добровольного самопричисления и свободы выхода и ассоциации.

Эгалитарная взаимность означает, что принадлежность к культурным, религиозным, языковым и другим меньшинствам не должна служить основанием для снижения степени обеспечения гражданских, политических, экономических и культурных прав, которые есть в распоряжении их участников, в сравнении с положением большинства [5, 41]. Ничьи права не должны ущемляться по сравнению с представителями большинства.

Добровольное самопричисление предполагает, что в мультикультурных обществах «индивида нельзя автоматически причислять к какой-то культурной, религиозной или языковой группе на основании фактов, связанных с его происхождением. Групповая принадлежность индивида должна в максимальной степени допускать возможно более широкие формы самопричисления и самоидентификации» [5, 41]. Нельзя предоставлять группе право определять и контролировать членство в ней индивида без согласия на то самого человека. Взрослый человек сам должен осознавать, желает ли он и впредь сохранять принадлежность к сообществу, к которому относится по происхождению. Необходимо предоставить индивиду свободу выбора, государство должно защищать его волеизъявление.

Таким образом, человек сам определяет, оставаться ему в данном сообществе или нет. Это и есть принцип свободы выхода и ассоциации. «Свобода индивида на выход из группы, к которой он причислен, не должна ограничиваться, хотя такой выход и может сопровождаться утратой некоторых формальных и неформальных привилегий» [5, 42]. Выход из группы может привести к остракизму или лишить индивида привычных социальных связей, права на землю, на социальные выплаты. Вот здесь и необходимо разработать политику государства, где регулируется этот процесс в соответствии с принципами равенства граждан, выработать стратегии толерантности.

Следует признать, что идея толерантности идеализирована и несколько абстрактна, сущностно неразвиты ее этические, политические и риторические перспективы, противоречивы рассуждения об определении границ и практическом применении этого принципа. Со-

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

временная ситуация столкновения культур, политических принципов, национальных идентичностей требует обращения к диалогу, взаимному пониманию, принятию и обмену. Конструирование общества, в котором принято улаживать проблемы посредством диалога с общим участием, предлагать и выслушивать разные точки зрения, толерантно относиться к идеям и действиям других, пока что не может быть осуществлено в силу многих причин. Но в качестве нормативного принципа и вектора действий толерантность необходима.

Утверждение и признание идентичности через диалог – одна из продуктивных стратегий толерантной коммуникации. Диалог становится актуальной темой общественного сознания и философской рефлексии еще в начале XX века. Сегодня, в ситуациях этнокультурных противоречий, военных конфликтов, кризиса и размывания идентичности, эта тема приобретает новое звучание, раскрывает важные, порой неожиданные аспекты современной коммуникации.

Отправной точкой для современных диалоговых мыслителей послужил тезис Л. Фейербаха о том, что отдельный человек не обладает человеческой сущностью ни как смертное существо, ни как мыслящее существо. Сущность человека содержится только в общности и единении людей, но это единение основывается на реальности различия между Я и Ты. Истинная индивидуальность проявляется как определённый способ восприятия и усвоения себе всего другого. Вне этого человек лишает своё существование смысла, превращая свою индивидуальность в пустую форму. В этом стремлении к объединению понятий Я и Мы отражены непреходящие ценности, укорененные в глубинах человеческого существования.

Эффективная коммуникация культурных групп также предполагает диалоговую форму. Традиционно коммуникативное пространство ассоциируется с присутствием двух субъектов-коммуникантов. Рассмотрение коммуникации и как динамического информационного взаимодействия, и как текста дает понимание того, что она активно создает диалоговую сферу человеческого существования. Находясь внутри коммуникативного мира, субъекты сами формируют реальность в процессе диалога. Как и каждое социально обусловленное отражение мира, диалог становится не пассивным отображением существующей

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

реальности, а активным конструированием её. В нём проясняется основное достижение структуралистов – идея «сконструированности» значения. Значение не является «естественным», чем-то навсегда установленным, а функцией того языка, которым мы владеем: язык не отображает реальность, а продуцирует ее в человеческом сознании. Если язык – это сложная система объективно рассматривающихся знаков, без учета конкретного субъекта, то диалог – явление, включающее в себя субъекта, который разговаривает с другими. Как подчеркивает М. М. Бахтин, речь диалогична по своей сути, ее можно понять только в терминах неизменной ориентации на другого. «Речь живет в конкретном языковом общении, ...законы речевого становления суть социологические законы» [6, 307]. Затрагивая проблематизацию антиномичности диалога, М.М. Бахтин замечает, что диалог существует в слове, а «слово – это драма, в которой участвуют три персонажа» [6, 308]. Таким образом, он вводит в коммуникативное пространство позицию третьего. Не нагружая метафизическим смыслом этого третьего, подчеркнем значимость его роли для развития толерантного диалога между двумя первоначально коммуницирующими субъектами. Задачей конфликтного диалога должно быть принятие решений, обусловленных не прошлым, а будущим, и здесь роль третьего очень важна. Условием свободы становится стремление оторваться от пресса условностей и обстоятельств, от диктата исторической традиции, идти дальше и желать будущего.

Рефлексия есть условие свободы. Полнота бытия рассыпана как в осколках зеркал. «Мы отражены в тысячах зеркал, которые не собираем, хотя эти отражения и есть мы» [1]. Постижима ли полнота бытия в суете повседневности? Соблазн переложить ответственность с себя на большое (а следовательно, понимаемое как стабильное), хорошо знакомое, сохранившееся в культурной памяти (следовательно, несущее родные, домашние ценности), сообщество, нежелание рефлексировать, попытка жить иным образом не через свое усилие, а за счет кого-то, представляющегося нам добрым и щедрым, ведет к отказу от полноты бытия, к ложному, «субчеловеческому» бытию. Нельзя, пеня на жизненные обстоятельства, ожидать, что кто-то за нас решит наши проблемы. Нельзя снимать с себя ответственность под предло-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

гом неправильно понятых формулировок, как делали (и продолжают делать) жители Донбасса, которые вышли весной на референдум.

Физик С. Хокинг предположил, что черная дыра не поглощает, а только задерживает, «перемалывает» в излучение материю и энергию, а затем выпускает обратно, трансформируя так, что первоначальную природу невозможно восстановить. Не стоит забывать о падении за моральный горизонт событий, после чего мы уже никогда не будем прежними. Мы будем существовать, ходить, есть, думать, но в системе ценностных координат культурного мира нас уже может не быть. Скольжение по поверхности маскирует границы морального, и сложно осознать момент пересечения горизонта.

Понадобится много времени для того, чтобы выстроить новые связи и отношения, отвечающие современным критериям гуманизма. Поиск пути возврата из черной дыры агрессии и нетолерантности приводит нас к высказыванию в начале статьи: «Философия есть способ обсуждения условий свободы». Через философию выражается идеал собранного в одну точку целого сознательной жизни, всего того, что имеет к нам отношение [1]. Полнота бытия не может быть достигнута эмпирически. Организация своего бытия как культурного бытия возможна благодаря таким средствам, накопленным человеческим опытом, как искусство, философия. Благодаря культурным символам, постижению их небуквального смысла мы можем жить по-человечески. Это не долгий прямой путь к поставленной цели, это бесконечное блуждание в лабиринте, каждый закоулок и даже тупик которого может представлять особую ценность.

Семантика гуссерлианского подхода к разделению социального пространства на свое и чужое, применяемая нами для анализа проблемы восточнoукраинского конфликта, дает основания для вывода, что, во многом, этот конфликт связан с разным представлением культурных групп в Украине о своей идентичности. От ответа на вопрос, с чем идентифицирует себя та или иная коренная группа украинского политического пространства, к какому будущему стремится Украина, зависит, какому политическому миру она готова доверить свой домашний мир.

Современная социокультурная ситуация предлагает идентичности человека вызов, адекватно ответив на который, он может форми-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

ровать свой домашний мир и вписываться в другие миры. Собрание себя – условие свободных поступков, а свобода выбора ведет к пониманию того, как именно, на каком фундаменте и из каких элементов ему конструировать свое Я и свою идентичность, как именно он обустроит свое культурное пространство. Восприятие другой культурной группы как иной, но не чужой создает фундамент для диалога. Каждая инаковость сформирована на фундаменте устойчивой культурной матрицы, в рамках «родительского поля» они симметричны. Другие инаковости сформировались точно так же. В условиях глобализации человек выходит за рамки домашнего мира, за узкокультурные границы, поэтому домашняя идентичность теряет свою первичность и все чаще вытесняется идентичностью социального порядка. Для человека более важными становятся роли в профессиональном или политическом мирах. Такой аспект понимания раздвигает границы и расширяет горизонты домашнего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили, М. Введение в философию [Электронный ресурс] / М. Мамардашвили. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5501/5504>.
2. Платон. Государство. Законы. Политик [Текст]: пер. А.Н. Егунова / Платон. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
3. Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» [Текст] / Б. Вальденфельс. – Режим доступа: <http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm>
4. Еременко, А. Является ли Донбасс украинской Вандеей, или сепаратизм под копирку. Взгляд с Востока [Электронный ресурс] / А. Еременко. – Остров. – 26.12.2014. – Режим доступа: <http://www.ostro.org/lugansk/culture/articles/460641/>
5. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру [Текст]: пер. с англ. / С. Бенхабиб. – М.: Логос, 2003. 350 с.
6. Бахтин, М. М. Проблема текста // Собрание сочинений / М. М. Бахтин. – Т.5. – М.: УРСС, 2004. – С.306- 325.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

В статті розглядаються проблеми просторового взаємозв'язку домашнього та політичного світів. Автор зупиняється на теоретико-методологічному підході Е. Гуссерля, що має евристичну цінність для дослідження феномену життєвого світу. Використовується феноменологічна інтерпретація типів історичності Е. Гуссерля в семантиці поділу соціального простору на свій та чужий. Аналізуються розбіжності в утворенні домашнього та чужого світів. Кожна культурна група сформована на фундаменті сталої культурної матриці. Симетричність культурних розбіжностей в рамках «батьківського поля» дає підґрунтя для розуміння, розширює кордони та обрії домашнього світу. Діалог представлено як продуктивну стратегію толерантної комунікації. Дослідження ідентичності (формування, межі) необхідно для розуміння особливостей діалогу культур в умовах політичного конфлікту.

Ключові слова: домашній світ, повнота буття, чужий світ, толерантність, діалог.

The paper deals with spatial interconnection of home world and political worlds. the author pays special attention to the methodological and theoretical approach of such thinkers as E. Husserl, which has a heuristic value for the research of the phenomenon of life-world. Semantics of dividing the social space into "my" and "somebody else's" employs Husserl phenomenological historicity type interpretation. Differences in domestic and alien world formation are analyzed. Every cultural group is formed on foundation of steady cultural matrix. Symmetry of cultural distinctions within the framework of the "paternal field" gives basis for understanding, moves apart scopes and extends horizons of the home world. The dialogue is viewed as a productive strategy of tolerant communication. Identity studying (phenomenon of boundaries, formation of identities) is necessary for understanding of peculiarities of the dialogue of cultures in the conditions of political conflict.

Keywords: home world, completeness of being, alien world, tolerance, dialogue.

REFERENCES

1. Mamardashvili M., Introduction to philosophy, available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5501/5504>. (rus).

**Восточнуукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

2. Plato (1998), State. Laws. Politician, Moscow, 798 p. (rus).
3. Valdenfels B. My culture and stranger culture. Science paradox about «Stranger», available at: <http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm>
4. Eremenko A. Whether there is Donbass Ukrainian Vandeeey, or separatism under a carbon paper. Look easterly, Island, available at: <http://www.ostro.org/lugansk/culture/articles/460641/> (rus).
5. Benkhabib S. (2003) Claims of culture. Equality and variety in a global era, Logos, Moscow, 350 p. (rus).
6. Bakhtin M. (2004) Problem of text, Collected works, V. 5, YRSS, Moscow, p. 306-325. (rus).

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 323:327.51:316.285(477)«20»

Владимир СКВОРЕЦ

доктор философских наук,
профессор кафедры социальной философии и управления
Запорожского национального университета, эксперт Украинского
института стратегий глобального развития и адаптации

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРИЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОНФЛИКТА В УКРАИНЕ

Среди предпосылок конфликта на Востоке Украины важную роль сыграли те объективные факторы, которые ослабляли единство социального организма Украины. Среди них: историко-культурное наследие, которое основывается на цивилизационных особенностях регионов; влияние глобализации на международно-правовой статус Украины; утрата государством статуса выразителя общенациональных интересов; утверждение вследствие неолиберальных реформ олигархического режима, превращение украинского народа в «вымирающую нацию»; изменение социально-экономического и общественно-политического строя в Украине, приведшее к тому, что общество перестало функционировать как целое. Среди субъективных факторов, которые способствовали формированию конфликта в Украине, следующие: все Президенты Украины были выразителями групповых, а не общенациональных интересов; в Донбассе сформировалась региональная элита, которая стремилась к установлению контроля над другими регионами, но вследствие Евромайдана оказалась перед угрозой потери влияния; стихия сепаратистских настроений в Донбассе породила вооруженных сепаратистов, которые имеют поддержку со стороны определенной части населения региона.

Ключевые слова: *социальный организм страны, территориально-политическая асимметрия общественных связей, цивилизационный фактор развития региона, национальные интересы, субъект международной политики, объект международной политики, олигархический режим, социальная база государства, сепаратистские настроения.*

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Проблема поиска путей выхода из конфликта на Востоке Украины требует более глубокого осмысления условий его возникновения, поскольку конфликт в Донбассе имеет значительно более глубокие корни, чем непосредственное влияние России на жителей этого украинского региона. В украинском обществе на протяжении всего периода независимости не уделялось должного внимания укреплению тех связей, которые объединяют социальные субъекты и регионы в единый социальный организм Украины.

Изучая исторические и социокультурные условия конфликтной ситуации в Донбассе, специалисты признают, что половина успеха в лечении болезни состоит в постановке правильного диагноза. Легче всего списать огромные человеческие жертвы, разрушения промышленного потенциала, потерю (будем надеяться, временную) территориальной целостности только на коварство внешнего врага. Сложнее раскрытыми глазами смотреть на непростую историю Украины и искать как объективные корни, так и субъективные причины ярко выраженной асимметрии в региональных интересах и общественных настроениях, которые в конечном итоге сделали территорию полем боя, а граждан – заложниками коррумпированности в бизнес-элите и политической верхушке, популизма, политических амбиций [1, 4].

Соглашаясь с таким подходом к анализу условий конфликтной ситуации в Украине, следует признать, что в украинском научном сообществе не уделялось надлежащего внимания исследованию на системном уровне тех угроз, перед которыми оказался украинский народ, в частности предпосылок формирования внутрицивилизационного конфликта. В то же время в Украине были проведены научные исследования, опубликованы аналитические материалы, указывающие на существование угроз системного характера. К научным работам, которые предупреждали украинское общество о нарастании угроз его стабильности, можно отнести исследования Ю. Збитнева, Н. Сенченко [2], О. Билоруса с коллективом авторов [3], М. Павловского [4], Н. Шульги [5] и другие.

Цель статьи – анализ предпосылок внутрицивилизационного конфликта в Украине.

Первая предпосылка формирования внутрицивилизационного конфликта в Украине состоит в историко-культурном наследии укра-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

инского общества. В процессе исторического развития украинских земель отличия между культурой населения разных регионов Украины приобрели цивилизационный характер. По оценке В. Литвина, именно историко-культурные условия формирования украинского народа обусловили значительные мировоззренческие различия населения разных регионов страны. «В условиях длительной безгосударственности и территориального расчленения украинский этнос не имел реальных шансов на создание консолидированной политической нации и был обречен на территориально-политическую асимметрию общественных связей. Формируясь в цивилизационном пограничье, в орбите влияния восточнохристианской, римо-католической и мусульманской мировоззренческой систем, претерпевая постоянное административное давление и моральное унижение, он был разделен не только директивами из чужих столиц, но и собственными мировоззренческими установками и политическими ориентациями» [1, 4].

Исследуя региональное своеобразие социокультурной природы Украины, С. Крымский и Ю. Павленко обосновали влияние межцивилизационного взаимодействия на специфику культуры в регионах Украины, формирование ее типов. «На землях Западной Украины Западнохристианско-Новоевропейская цивилизация непосредственно наложила на Восточнохристианский мир, что привело (при существенной роли еврейства) к формированию своеобразной социокультурной среды промежуточного, переходного типа. В нее органично входило абсолютное большинство обычных жителей Галиции и Закарпатья, в определенной мере и Буковины.

В пределах же Российской империи к западной культуре были причастны только представители образованных кругов, при том что здесь она была представлена, в основном, в книжной форме. В России интеллигенция знала европейскую литературу, философию и науку не хуже, чем образованная прослойка любой западной страны, но ни она, ни, тем более, широкие слои населения не имели опыта практической западной жизнедеятельности, в то время как на западноукраинских землях все было почти наоборот. Таким образом, мы видим, что общеизвестными отличиями в ментальности, ценностных ориентациях и поведении жителей Западной Украины и остальных областей стоит

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

цивилизационный фактор. Но сводить все к нему было бы лишним упрощением проблемы. Необходимо уделить внимание и другим обстоятельствам, в частности социально-историческому, культурно-этнографическому и конфессионному факторам» [6, 238-239]. Вторая предпосылка формирования внутрицивилизационного конфликта в Украине определяется влиянием глобализации на международно-правовой статус Украины. В последние 25 лет внутренние и внешние условия развития украинского общества сложились так, что государство Украина получило лишь формальную независимость, а реальной самодостаточности достичь так и не смогло. Во-первых, ведущие страны мира, на поддержку которых так надеялись правящие круги Украины, никогда не были и не могли быть заинтересованы в том, чтобы Украина превратилась в модернизированное, богатое, сильное и процветающее государство. Во-вторых, на протяжении почти всего периода независимости, почти все представители правящего класса Украины, за очень редким исключением, были заняты только проблемами личного обогащения, а не проблемами жизни и модернизации украинского общества. Именно эти два основных фактора, внутренний и внешний, обусловили невозможность выбора такого пути развития общества, который соответствовал бы потребностям и национальным интересам украинского народа. Если на заре независимости Украина зависела от поставок энергоносителей из России, то на протяжении следующих двух десятилетий она не только не избавилась от этой зависимости, но и попала в зависимость от международных финансовых институций.

Выходит, Украина не смогла обрести статус самостоятельного субъекта международной политики и выступает ее объектом, которым манипулируют лидеры великих держав. Историки признают остроту проблемы восстановления роли государства в условиях восточнуукраинского конфликта. Нужно сделать все, чтобы из беспрецедентных испытаний Украина вышла не только единой, но и сильной, и конкурентоспособной на мировой арене. Только от осознания необходимости скоординированных усилий государственной власти и нашего общества зависит, сумеет ли страна вернуть себе роль авторитетного субъекта политики, или будет оставаться лишь объектом, плацдармом для реализации чужих интересов и посторонних влияний [1, 5].

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Внутренняя политика, которая проводилась правящими кругами Украины, не была самостоятельной и не ориентировалась на национальные интересы украинского народа, а поэтому и генерировала те процессы, которые отнюдь не содействуют единству социального организма Украины, наоборот, разрушают его как целостность. С. Крымский и Ю. Павленко в сжатой и содержательной форме оценили внешнее влияние на изменения в жизни украинского общества. Они констатировали, что избранный Украиной, «по указке МВФ и других «международных» (фактически – западных) организаций, курс привел к ее системной деградации, которая охватила все сферы жизни от промышленного и сельскохозяйственного производства до здравоохранения, образования, науки и культуры, от отраслей, которые обеспечивают жизнь общества, до сфер его биологического и социокультурного воспроизводства» [6, 255].

Н. Сенченко усматривает в зависимости Украины от глобальных центров наибольшую угрозу самому существованию украинского народа. «Трагедия Украины разворачивается на наших глазах. Народ вымирает. В 1991 г. население Украины составляло 52,2 миллиона. По данным на 1 января 2012 года, в Украине проживало 45,63 млн. чел., а на 1 сентября 2012 года – 45,56 млн. Таким образом, за 21 год «демократических реформ» население страны сократилось на 6,64 миллиона; это составляет 12,7 процента всего населения Украины. Занятость в отраслях экономики сократилась в сравнении с 1990 годом с 24,7 млн. до 14,9 млн. работников. Следовательно, десять миллионов трудоспособных украинцев потеряли постоянное место работы и заработка, возможность получения социальных выплат в случае заболевания. Как видим из приведенных данных, все происходит так, будто кто-то специально планирует экономическое состояние страны, которое ведет к депопуляции украинского народа. Идеологи глобализации вполне определенно планируют, что Украина будет вмонтирована не в ядро глобальной экономической системы, а в ее периферию. Для нашей страны это означает ликвидацию ее как страны и как культуры. Скорее всего, это означает и физическую гибель большинства населения, прежде всего украинцев» [7, 22-23].

Третья предпосылка формирования внутрицивилизационного конфликта в Украине состоит в том, что в течение первого десятилетия независимости государство перестало быть выразителем националь-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

ных и общенародных интересов. Во-первых, в Украине сформировался олигархический режим, а украинские олигархи вошли в состав мировой олигархии, были подчинены глобальным центрам и осуществляют свою деятельность в соответствии с их интересами. Во-вторых, отрыв отечественных олигархических кланов и их прислуги от интересов украинского народа привел к масштабному разрушению экономического, оборонного, промышленного, аграрного, образовательного, научного, культурного и духовного потенциала нашего общества. В-третьих, следствием олигархизации стало превращение Украины в сырьевой придаток ведущих стран мира, рынок сбыта не очень качественных товаров, обретение роли поставщика дешевой рабочей силы, в частности, путем «утечки мозгов». В-четвертых, правящие круги Украины в течение двух десятилетий оказались не способными разработать Стратегию национального развития, которая бы опиралась на природные и культурные ресурсы общества, которая смогла бы объединить все социальные группы, общности и всех граждан в реализации Проекта модернизации, обеспечивающего поступательное развитие страны. В-пятых, в осуществлении государственного управления произошел переход от доминирования методов научного обоснования к доминированию методов манипуляции общественным сознанием.

Государственная власть современной Украины, к сожалению, потеряла способность успешной реализации общенациональных проектов, которые поднимают уровень жизни общества на новый уровень. Правящие круги современной Украины реализовывают только проекты, подобные «Евро-2012», которые позволяют приближенным к власти группам лиц сказочно обогащаться, но не решают общенациональных проблем и не обеспечивают условия для модернизации всей страны.

Приоритет общенациональных интересов в деятельности государственной власти сменился приоритетом частного интереса, в результате чего изменился характер государственной власти, которая потеряла способность объединять граждан, социальные группы и общности в целостный организм страны. Власть государства превратилась в орудие безграничного обогащения определенных групп и безбожного угнетения основной массы населения. Таким образом, сама власть государства стала источником неисчислимых социальных конфликтов.

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Такая власть в глазах граждан начала быстро обесцениваться. Раскол между правящими кругами и народными массами начал приобретать угрожающий характер.

Анализируя политические риски в современной Украине, Н. Михальченко обозначил проблему отделения власти от народа. Политолог отмечает, что «наша политическая теория ориентирует на изучение и формирование власти и почти не проникается проблемами формирования процедур и механизмов для управления такими сложными социальными организмами, как народ, нация, общество, культурная общность и т.д. Да и проблема суверенитета Украины рассматривается в узком значении – как проблема создания политических и экономических аппаратов и борьбы за власть, а не как проблема представительства народа в коллективных действиях, направленных на создание, регулирование власти, укрепление государства. А это порождает главный политический риск в современной Украине: отделение власти от народа, вызревание конфликта между ними, а в результате – ослабление государства в целом, угрозу развала его социального организма [8, 4].

Четвертая предпосылка внутрицивилизационного конфликта в Украине связана с последствиями для украинского общества нелиберальных рыночных реформ по модели Вашингтонского консенсуса (разработанных экономистами Чикагской школы М. Фридманом и Ф. Хайеком). В коллективном исследовании под редакцией В. Гейца дана оценка нелиберальных реформ, раскрыта их антинародная сущность. В нем раскрыт механизм проекта: «неолиберальная стратегия социально-экономической трансформации украинского общества не была самостоятельным творением властного сообщества Украины, это были действия по указкам прокапиталистических сил, но оно согласилось на этот путь «вхождения в мировое сообщество цивилизованных стран», поскольку он открывал ему возможности чрезвычайно быстрого обогащения даже ценой прогнозированной и управляемой социальной катастрофы. Провозглашение безальтернативности избранного курса дополнялось идеологической маскировкой его сущности и действительных целей. Провозглашалось, что создание «свободной рыночной экономики» – это путь к экономическому росту, а через него и к решению большинства социальных проблем, путь к

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

социально ориентированной экономике. То есть, провозглашалось достижение такого результата, к которому неолиберальные реформы принципиально не могли привести» [9, 656].

Вследствие рыночных реформ в Украине промышленное производство сократилось, и в 1999 г. составляло лишь 48% от уровня 1990 г. За двадцать лет независимости Украина так и не смогла достичь своего уровня экономического развития 1990 г. В 2010 г. этот показатель снова упал до 63% от уровня 1990 г. По экономическим показателям Украина опустилась на самые низкие среди постсоветских стран места [5, 24].

Значение неолиберальных реформ в Украине состоит в том, что, с одной стороны, они породили олигархический режим, а с другой стороны, превратили украинский народ в «вымирающую нацию» (что зафиксировано в Отчете ООН по демографическому развитию за 2001 г.). В 90-е годы XX ст., вследствие неолиберальных реформ, большинство граждан Украины были перемещены в категорию бедных (по оценкам экономистов, в 2001 г. доля бедных в структуре населения Украины превышала 80%). Это означает, что государственная власть Украины осталась без широкой базы социальной поддержки.

Пятая предпосылка формирования внутривизантизационного конфликта в Украине состоит в изменении в ней социально-экономического и общественно-политического строя. По мнению социолога Н. Шульги, первые двадцать лет независимости Украины можно назвать периодом кардинальных социальных преобразований, которые привели к изменению социально-экономического и политического строя. В сфере экономики в эти годы произошли глубокие трансформации, шло разрушение коммунальной и государственной форм собственности, становление на их руинах частной, в первую очередь крупной, собственности. На 2011 год было приватизировано 90% коммунальной и государственной собственности. Ее распределение осуществлялось с помощью механизма ваучеризации, который был ширмой для обирания основной массы граждан. Народное хозяйство истощалось. В него не вкладывались не только деньги на инновации, но проедались даже амортизационные средства. Основные фонды промышленности, коммунального хозяйства за эти годы износились на 75-90% [5, 3].

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Дальше исследователь указывает на истоки той угрозы Украине, которую категорически не хотели замечать ее правящие круги: «Общество перестало функционировать как целое, разбилось на отдельные сегменты. Частный интерес стал превалировать над общественным». Собственники многих приватизированных предприятий перекачивали получаемые доходы в заграничные банки, в оффшорные зоны. За двадцать лет существования между гражданами государства обозначились резкие различия по политическим, идеологическим, мировоззренческим, ценностным, региональным, языковым, культурным, этническим, религиозным и другим признакам, которые в ряде случаев переросли в стадию противостояния. Не имея реальной продуктивной объединительной идеи, общество находится в состоянии неопределенности, что ведет к постепенной организационной, интеллектуальной и моральной деградации. На это налагаются процессы социальной маргинализации и аномии, что еще больше усиливает явление общественной энтропии [5, 4-5].

Наряду с приведенными объективными факторами, которые в той или иной степени оказали негативное влияние на жизнь социального организма страны и создали основу внутрицивилизационного конфликта в Украине, необходимо обозначить и субъективные факторы этого конфликта.

Первый субъективный фактор внутрицивилизационного конфликта в Украине состоит в том, что все ее Президенты всегда были выразителями групповых, а не общенациональных интересов. По мнению Председателя СБУ В. Наливайченко, боевым действиям в Донбассе предшествовала измена на высшем уровне страны. Конфликт в Украине является следствием тотальной государственной измены, откровенного игнорирования вопросов безопасности и обороны предыдущими руководителями государства [10]. Приведенная оценка отображает отношение руководства независимой Украины к проблеме национальной безопасности и обороны страны, но необходимо уточнить, что это касается не только режима В. Януковича, но и всех его предшественников, начиная с Л. Кравчука. Напомним, что Л. Кравчук на должности Президента пробыл лишь 2,5 года вместо 5 лет, и потерял эту должность в результате социально-экономического кризиса, который вызвал высту-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

пление шахтеров Донбасса и рабочих промышленных регионов Украины против «антинародной политики» и привел к досрочным выборам парламента и президента Украины. Л. Кучма вошел в историю как «отец» отечественной олигархии, реформы его обернулись социальной и гуманитарной катастрофой для общества. Н. Михальченко отмечает, что В. Ющенко пришел к власти под лозунгами борьбы с коррупцией и олигархией, защиты интересов «малого украинца», но изменить ничего не смог и потерял доверие «малого украинца», который ничего не получил от «оранжевых событий». Режим В. Януковича проявил себя как зрелая форма олигархии, в которой определенные группы обогащаются за счет национального богатства.

Второй субъективный фактор внутривизитационного конфликта в Украине состоит в том, что в Донбассе сформировалась региональная элита, которая стремилась к установлению контроля над всеми другими регионами Украины, но вследствие Евромайдана оказалась под угрозой потери влияния даже в Донбассе. А. Фисун и А. Крысенко охарактеризовали специфику элит регионов востока и юга Украины. Эти регионы на протяжении последних десятилетий имели систему параллельного управления («олигархат»). Период 2010-2013 гг. ознаменовался попыткой восточнуукраинских олигархических элит распространить модель контроля, которая функционировала в основном в восточных и южных областях Украины, на территорию всей страны. С помощью политически мотивированных назначений (преимущественно с рядов выходцев из Донбасса) на руководящие должности в региональные аппараты МВД, СБУ, прокуратуры, налоговой инспекции, таможни и органов юстиции происходило подчинение региональных бизнес-политических элит и кооптации их в политическую машину Парии Регионов. Успехи этой тактики в разных регионах были разными. В западных регионах такая тактика не только не привела к ощутимому успеху, но наоборот стала одной из главных причин Евромайдана и его массовой поддержки среди жителей западных регионов страны. В Крыму эта тактика привела к фактическому захвату этой украинской автономии олигархической группировкой так называемых «македонцев» (макеевские и донецкие) и отстранению местной элиты от исполнительных институтов власти в регионе [11].

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Третий субъективный фактор внутрицивилизационного конфликта в Украине обозначен появлением вооруженных сепаратистов, которые имеют поддержку со стороны определенной части населения Донбасса. Е. Головаха объясняет обострение конфликтной ситуации в Донбассе следующим образом: случился Евромайдан, который жители Донбасса не поняли. «Логика Донбасса такова: мы нормально жили, никого не трогали, работали, все было стабильно. Пришли какие-то люди, набросали коктейлей Молотова, сбросили законную власть (да еще и нашего донецкого выдвигенца)» [12]. Позиция региональной элиты отличалась от позиции обычных людей. «На Донбассе местные элиты хотели воспользоваться волнениями, чтобы поторговаться с новой центральной властью. А когда ситуация зашла слишком далеко, местные олигархи просто сбежали в Киев» [12]. Таким образом, стихия сепаратистских настроений в Донбассе вышла из-под контроля региональной элиты и вывела на поверхность вооруженных сепаратистов.

Для сепаратистских выступлений в Донбассе были также и объективные основания, игнорировать которые недопустимо для какой-либо ответственной власти. Е. Головаха выделяет следующие факторы конфликта в Донбассе. Здесь всегда была очень высокая доля людей, которые ностальгируют за «совком». Они есть во всех регионах, но в Донбассе их где-то 85 процентов. В соседней Днепропетровской области – 60 процентов, а где-то в Галиции – единицы. Донбасс – центр этой ностальгии и связанных с ней пророссийских настроений. Этот регион уникальный для Украины тем, что наиболее ментально, психологически, культурно, индустриально, территориально связан с Россией. Кстати, доля этнических россиян там всегда была самой большой. Кроме того, Донбасс был очагом криминалитета, который собственно и создал костяк организаций террористов-сепаратистов. (Там в 90-е годы вообще были чудовищные бандгруппировки, которые делили власть, собственность и все остальное. Но их тогда «перековали» местные олигархи). По показателям социального здоровья (социально опасные болезни, суициды, преступность, алкоголизм, словом все виды девиации) самыми сложными регионами Украины тоже были Донецкая и Луганская области [12].

Анализ объективных и субъективных факторов внутрицивилизационного конфликта в Украине дает основания для следующих вы-

Восточнуукраїнський конфлікт: типологія, особливості, шляхи деескалації

водов. Среди основных предпосылок конфликта на Востоке Украины самую важную роль играли те объективные факторы, которые ослабляли единство социального организма Украины: 1) историко-культурное наследие украинского общества, которое основывается на цивилизационных особенностях регионов; 2) влияние глобализации на международно-правовой статус Украины, которое обернулось определенной потерей субъектности и обретением статуса объекта, которым манипулируют ведущие страны мира; 3) в первом десятилетии независимости государство перестало быть выразителем национальных и общенациональных интересов в Украине; 4) в результате неолиберальных реформ в Украине возник олигархический режим, а украинский народ превратился в «вымирающую нацию»; 5) смена социально-экономического и общественно-политического строя в Украине привела к тому, что общество перестало функционировать как целое, разбилось на сегменты, отношения между которыми характеризуются конкурентной борьбой и противоречиями. Среди субъективных факторов, которые способствовали формированию внутрицивилизационного конфликта в Украине, необходимо выделить следующие: 1) все Президенты Украины всегда были выразителями групповых, а не общенациональных интересов; 2) в Донбассе сформировалась региональная элита, которая стремилась к установлению контроля над всеми другими регионами Украины, но вследствие Евромайдана оказалась под угрозой потери влияния даже в Донбассе; 3) стихия сепаратистских настроений в Донбассе породила вооруженных сепаратистов, которые имеют поддержку со стороны определенной части населения региона.

Перспективы дальнейших исследований проблемы видятся в изучении геополитического контекста внутрицивилизационного конфликта в Украине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвин В. Територіальна організація українського соціуму і проблема кордонів // Голос України, 4 грудня 2014 р. – № 234 (5984). – С. 4-5.
2. Збітнев Ю.І. Біла книга України або Вашингтонський консенсус в дії. Наслідки економічних реформ 1991-2001 років / Юрій Іванович Збітнев, Микола Іванович Сенченко. – К.: Вид. дім «Княгиня Ольга», 2003. – 250 с.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

3. Глобалізація і безпека розвитку / О.Г. Білорус, Д.Г. Лук'яненко, М.О. Гончаренко, В.А. Зленко, О.В. Зернецька, А.І. Кудряченко, Ю.М. Мацейко, В.Є. Новицький, Ю.М. Пахомов; Ред.: О.Г. Білорус; НАН України. Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин, Київ. нац. екон. ун-т. – К., 2001. – 734 с.
4. Павловський М.А. Стратегія розвитку суспільства: Україна і світ (економіка, політологія, соціологія) / М.А. Павловський. – К.: Техніка, 2001. – 312 с.
5. Шульга М.О. Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні / М.О. Шульга. – К.:ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. – 448.
6. Кримський С.Б. Цивілізаційний розвиток людства / С.Б. Кримський, Ю.В. Павленко. – К.: Вид-во «Фенікс», 2007. – 316 с.
7. Сенченко Н.И. Общество истребления – стратегическая перспектива «демократических реформ» / Н.И. Сенченко. – Киев: ФОП Стебляк, 2013. – 320 с.
8. Михальченко М. Політичні ризики в сучасній Україні: виклики й відповіді / М. Михальченко // Політичний менеджмент. – 2007. – № 3. – С. 3-17.
9. Соціально-економічний стан України: наслідки для народу та держави: національна доповідь / за заг. ред. В.М. Гейця [та ін.]. – К.: НВЦ НБУВ, 2009. – 687 с.
10. Конфлікту на Востоке предшествовала тотальная государственная измена – Наливайченко / Сегодня.UA, 26 ноября 2014. [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/konfliktu-na-vostoke-predshestvovala-totalnaya-gosudarstvennaya-izmena-nalivaychenko-572494.html>
11. Фісун О. Причини дестабілізації в південних та східних регіонах України / О. Фісун, О. Крисенко // Інститут Кеннана в Україні. [Електронний ресурс] // режим доступа: <http://www.kennan.kiev.ua/Analytics/140429Fisun.html>
12. Як припинити «війну у головах» // Голос України, № 243 (5993), 17 грудня 2014 р. – С. 10.

Восточноукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Статтю присвячено дослідженню основних об'єктивних і суб'єктивних чинників, що зумовили формування та загострення конфліктної ситуації на Сході України. Серед об'єктивних чинників цього конфлікту виділено певні процеси, які суттєво послабляли єдність і цілісність соціального організму України. Серед суб'єктивних чинників формування конфлікту в Донбасі виділено роль інтересів еліти регіону, яка скористалася соціокультурними відмінностями населення Донбасу як важелем впливу на державну владу.

Ключові слова: соціальний організм країни, територіально-політична асиметрія суспільних зв'язків, національні інтереси, цивілізаційний фактор розвитку регіону, олігархічний режим, суб'єкт міжнародної політики, об'єкт міжнародної політики, соціальна база держави, сепаратистські настрої, внутрішньоцивілізаційний конфлікт.

The objective factors that weakened the unity of the social organism of Ukraine were the background of the conflict in eastern Ukraine. Among them one should mention the historical and cultural heritage, based on civilizational characteristics of the region; the impact of globalization on international legal status of Ukraine characterized by the loss of its subjectivity and becoming an object of manipulation of the leading countries of the world; Ukraine ceased to express national and general public interests; neoliberal reforms led to the formation of the oligarchic regime in the country, while Ukrainian people turned into an "endangered nation"; socio-economic and socio-political changes in Ukraine show that society does not function as a whole any more but has broken into rivalling segments. Among the subjective factors that contributed to the formation of the conflict in Ukraine one should mention the following: all Ukrainian Presidents represented the group interests rather than national ones; the regional elite of Donbass sought to control other regions of the country, but due to Euromaidan they faced the threat of losing influence even in Donbass; armed separatists in Donbass are supported by some part of the region's population.

Key words: social organism of the country, territorial and political asymmetry in public relations, civilizational factor of regional development, national interests, the subject of international politics, the object of international politics, oligarchic regime, the social base of the state, separatists, internal civilization conflict.

**Восточнокраинский конфликт в контексте
глобальных трансформаций**

REFERENCES

1. Globalizatsiya i bezpeka rozvitku: monohrafiya (2001) / O.H. Bilorus, D.H. Luk"yanenko ta in., KNEU, Kyiv, 733 s. (ukr).
2. Zbitnyev Y. I., Senchenko M. I. (2003). Bila kniga Ukrainy abo Vashingtons'kiy konsensus v diyi. Naslidky ekonomichnyh reform 1991-2001 rokiv, Knyaginya Ol'ga, Kyiv, 250 s. (ukr).
3. Konfliktu na Vostoke predshestvovala total'naya gosudarstvennaya izmena – Nailyvaychenko/Segodnya.UA, 26 noyabrya 2014, available at: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/konfliktu-na-vostoke-predshestvovala-totalnaya-gosudarstvennaya-izmena-nalivaychenko-572494.html>. (rus).
4. Kryms'kyy S.B., Pavlenko Y.V. (2007). Civilizatsiynyy rozvitok lyudstva, Feniks, Kyiv, 316 s. (ukr).
5. Lytvyn V. (2014). Terytorial'na organizatsiya ukraiyins'kogo sociumu i problema kordoniv, Golos Ukrainy, 4 grudnya, № 234 (5984), ss. 4-5. (ukr).
6. Mykhal'chenko M. (2007). Politychni ryzyky v suchasniy Ukraini: vyklyky y vidpovidy, Politychnyy menedzhment, № 3., ss. 3-17. (ukr).
7. Pavlovs'kyy M.A. (2001). Strategiya rozvitku suspil'stva: Ukraina i svit (ekonomika, politolohiya, sotsiolohiya), Tekhnika, Kyiv, 312 s. (ukr).
8. Senchenko N.Y. (2013). Obshchestvo istrebleniya – strategicheskaya perspektiva «demokraticheskyyh reform», FOP Steblyak, Kyiv, 320 s. (rus).
9. Sotsial'no-ekonomichnyy stan Ukrainy: naslidki dlya narodu ta derzhavy: natsional'na dopovid' / za zah. red. V.M. Geiytsya (2009), NVTs NBUV, Kyiv, 687 s. (ukr).
10. Fisun O., Krysenko O. Prichiny destabilizatsiyi v pvidennykh ta skhidnykh regionah Ukrainy, Instytut Kennana v Ukraini, available at: <http://www.kennan.kiev.ua/Analytics/140429Fisun.html>. (rus).
11. Shul'ga M.O. (2011). Dreif na uzbichchya. Dvadtsyat' rokov suspil'nykh zmin v Ukraini, TOV «Drukarnya «Biznespolihraf», Kyiv, 448 s. (ukr).
12. Yak pryvnyty «viynu u holovakh» (2014), Golos Ukrainy, № 243 (5993), 17 grudnya, S. 10. (ukr).

**Восточноукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

УДК: 323

Роман ДОДОНОВ

*доктор философских наук, профессор,
и.о. заведующего кафедрой философии
Донецкого национального университета,
глава отдела внутрицивилизационных конфликтов
Украинского института стратегий глобального
развития и адаптации*

**ПРОЦЕСС ЗАМИРЕНИЯ В УКРАИНЕ:
ПРИДНЕСТРОВСКИЙ И ЧЕЧЕНСКИЙ ВАРИАНТЫ**

Статья посвящена осмыслению существующего мирового опыта выхода из внутрицивилизационных конфликтов и поиску оптимального варианта для Украины. В зависимости от сохранения или не сохранения территориальной целостности страны возможные сценарии разрешения конфликтов обобщаются в две модели, условно названные «приднестровским» и «чеченским» вариантами. Хотя в настоящий момент в Украине преобладают «приднестровские тенденции», чреватые отделением ДНР/ЛНР, более желаемым является «чеченская модель», суть которой заключается в сохранении территориальной целостности посредством продуманной и целенаправленно осуществляемой государством политики замирения. Доказывается, что процесс замирения жизненно необходим для социального и духовного здоровья нации, без него возможны рецидивы конфликта.

Ключевые слова: *Украина, Донбасс, конфликт, замирение, Приднестровье, Чечня, стратегия.*

Согласно подсчетам Л. и М. Бресслеров, за последние пять с половиной тысячелетий человечество прошло через 15 000 войн и вооруженных конфликтов, унесших более трех миллиардов жизней. Начиная с 3600 года до н.э. и заканчивая 2008 годом, когда были опубликованы результаты этих подсчетов, лишь 292 года были мирными, что состав-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ляет 5 % от указанного хронологического отрезка. Остальное время человечество беспрестанно воевало. Но, несмотря на столь выразительные цифры, не война, а именно мир является нормальным состоянием общества. Вне всяких сомнений, закончится миром и конфликт на Донбассе, свидетелями которого мы являемся. В стремлении максимально приблизить момент завершения братоубийственной бойни, в данной статье хотелось бы обратить внимание на тот важный момент, что акт прекращения огня будет необратимым лишь в том случае, если он будет сопровождаться процедурой реального «замирения» сторон.

Всем известен красивый ритуал североамериканских индейцев, закрепляющий выход из состояния войны и переход к миру: вожди и старейшины противоборствующих племен собираются вокруг костра совета и выкуривают общую «трубку мира». При этом они произносят примирительные речи в адрес вчерашних врагов и клянутся вечно жить в мире.

Изнурительные многочасовые переговоры в «норманском формате» в Минске 12 февраля 2015 года завершились заключением соглашения о прекращении огня на Донбассе, отводе тяжелой техники и ряде других мероприятий, последовательно ведущих к выходу из «горячей фазы» восточно-украинского конфликта. Оптимистические оценки в прессе результатов Минска-2, как стали называть этот саммит, достаточно быстро сменились разочарованием. Ведь последовавший практически во время переговоров ввод в Украину десятков российских танков, наступление ополченцев и вывод частей ВСУ с Дебальцевского выступа, непрекращающаяся канонада под Донецком и атаки под Мариуполем в значительной мере нивелировали достигнутые соглашения. Обе стороны не доверяют друг другу, продолжают вести информационные войны и стремятся максимально эффективно использовать затишье для перегруппировки и наращивания сил. Очевидно, что до «костра совета» и «трубки мира» в Украине еще далеко.

Тем не менее, замирение – это не только декларация президентов и дипломатов, но и сложный и противоречивый процесс взаимных уступок на всех уровнях. Это поиск компромиссов, поиск путей нравственного оправдания позиций не только победившей, но и проигравшей стороны. Замирение – это искусство жить вместе тех, кто еще вчера полностью исключал такую возможность.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Политика замирения – длительный и затратный для бюджета страны процесс, но проводить его жизненно необходимо. Без этой долговременной стратегической линии возможны рецидивы конфликта, которые могут свести на нет все промежуточные успехи и достижения. История свидетельствует, что если воевать братья-славяне кое-как научились, то опыт замирения у нас мизерный. Российская империя, а затем и Советский Союз, выходя из войны победителем, стремились к полному уничтожению противника, а в случае поражения – не смирялись, но копили силы для последующего реванша.

Так, например, хронологически примыкающая к Первой мировой войне Гражданская война в России не ознаменовалась после ее окончания духовной переориентацией общества в сторону мира. «Красные» победили, «белые» были разбиты, интервенты изгнаны, но мир не наступил. Напряжение не спало, побежденные не знали милости. Заинтересованная в тотальной мобилизации народа на свершение планов по строительству социализма партийно-советская элита тут же устроила охоту на многочисленных «врагов народа», «неразоблаченных» и «неразоружившихся». Волна за волной накрывали партийный и управленческий аппарат бесконечные чистки. Коллективизация и индустриализация, стройки первых пятилеток осуществлялись на фоне непрекращающейся классовой борьбы. Возникшая в годы диктатуры пролетариата репрессивная машина раскручивала свой маховик, вовлекая в жернова ГУЛАГа все новые и новые слои населения.

В отличие от Соединенных Штатов Америки, которые тоже прошли через кровопролитную Гражданскую войну 1861-1865 годов, но постепенно смогли преодолеть глубокий внутренний раскол на «северян» и «южан», Советская Россия не проводила целенаправленной политики замирения. Более того, апофеозом латентно продолжающейся войны стал «теоретический» вывод И.В. Сталина о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет не ослабевать, а только усиливаться. Вычистив страну от «классово чуждых элементов», а затем – и от всех инакомыслящих, большевики перекинулись на соседние страны: Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, чем обеспечили социальную базу национализма в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине. И жители Львова, с цвета-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ми встречавшие «освободителей» в 1939-м, вкусив на себе все прелести «усиливающейся классово́й борьбы», массово уходили в леса, пополняя ряды мельниковцев и бандеровцев, мстили за разрушенные судьбы.

Рецидивы незакончившейся гражданской войны в России дали себя знать во времена Великой Отечественной в виде огромного количества коллаборационистов: власовцев, красновцев, полицаев и проч. И даже после более-менее спокойных десятилетий «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» историческая память незамиреного общества при каждом удобном случае подпитывала обиду, агрессию, ненависть.

С.Б. Станкевич, один из российских политиков правого толка, отвечая на вопросы о годовщине августовского путча 1991 года, заявил: «В России не закончена гражданская война. Она продолжается. Хотя нет видимых баррикад и реальных танков, но люди до сих пор готовы убивать друг друга по идейным соображениям. Дай им волю, начнут прямо сейчас. Отсюда и отношение к августу – оно формируется сквозь призму гражданской войны. «Красные» не ходят на праздники «белых» и наоборот» [1]. Нынешнее противостояние на Донбассе также можно легко интерпретировать, помимо прочего, в терминах парадигмы «неоконченной гражданской войны».

По сути дела, речь идет о скрытой и затяжной болезни общества, и потому замирение после конфликта, войны, агрессии является необходимой для социального здоровья процедурой.

Сегодня пока еще сложно даже представить, когда этот процесс может начаться – столь глубока пропасть между «Мы» и «Они», вырытая средствами массовой информации и коммуникации. Те, кто старательно ее углублял, растравливал в народе ненависть, апеллируя к давно канувшим в небытие образам фашистов и бандеровцев, кто придумывал всех этих «рабов», «распятых мальчиков», «расстрелянных снегирей», «изображение Гитлера на тысячегривневой купюре», не отдавали себе отчета в том, какую рану они оставляют в душах людей, и сколько времени будет необходимо для того, чтобы ее залечить. У них просто были другие цели. И очевидно, что противоположной по содержанию процедурой замирения будут заниматься не они. Возможно также, что для окончания таковой необходима будет полная смена поколения.

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

Анализируя многочисленные внутрицивилизационные конфликты конца XX – начала XXI веков, попытаемся подобрать аналог, наиболее подходящий к нынешним событиям на Донбассе. Несмотря на кажущееся разнообразие, на этапе выходя из «горячей фазы» существует не так много базовых вариантов разрешения конфликтов. Используя в качестве критерия признак сохранения/не сохранения целостности государства в процессе выхода из конфликта, предложим две умозрительных модели.

Модель первая предполагает, что в ходе вооруженного конфликта и центральной власти, и мятежным регионам удалось сохранить за собой более или менее крупные районы страны, способные к самостоятельному общественному воспроизводству. Разумеется, речь идет о распаде существовавшего до конфликта государства, возникают новые государственные образования. Как правило, центр, выступающий правопреемником доконфликтного государства, получает признание мирового сообщества, а в сепаратистских районах возникает «серая зона» с весьма проблемными перспективами эффективного развития. Эталонной данной модели выступает Республика Молдова, из состава которой вследствие войны выделилась Молдавская Приднестровская республика (МПР). Единое ранее политическое пространство получило различные цивилизационные «полюсы тяготения»: Кишинев ориентируется на Румынию, а через нее – на Европу, в то время как Приднестровье – на Россию, без военной, финансовой и экономической помощи которой оно вряд ли бы просуществовало столь длительный период. С некоторыми оговорками к данной модели следует отнести все конфликты, оканчивающиеся утратой территориальной целостности страны, включая Югославию, из состава которой вышли новые балканские государства (Словения, Босния, Хорватия и проч.); Азербайджан, утративший районы Нагорного Карабаха; Грузию, потерявшую Абхазию и Южную Осетию и проч.

МПР возникла как осколок СССР и является ярким примером «замороженного конфликта». В своем интервью телеканалу «Дождь» российский аналитик, старший редактор портала Slon.ru Александр Баунов рассуждал: «Приднестровье живет каким-то непонятным святым духом 23 года уже. Мы не понимаем, что там происходит. Есть специ-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

алисты, надо спросить, откуда Приднестровье получает деньги. Я думаю, что часть оно получает и от нас. Но размер совсем другой. Приднестровье – это полоска земли с населением несколько сотен тысяч человек, пара сотен всего тысяч. А тут (т.е. на Донбассе – Р.Д.) речь идет о миллионах. И совершенно другие территории при совершенно других разрушениях. Война в Приднестровье не была такой разрушительной. Но приднестровский вариант – это нечто более предпочтительное для Украины, потому что она не содержит этот регион, и главное – Приднестровье формально остается на всех картах как часть Молдавии, но при этом никакого влияния на молдавскую политику не оказывает. Это такая эзотерическая вещь в себе. Оно само по себе живет» [2]. Добавим только, что после отказа Москвы в январе 2015 года выделить МПР 100 млн. долларов в качестве финансовой помощи разразился скандал, в значительной мере развеявший указанную «эзотерику» [3]. А немецкий канцлер Ангела Меркель поставила Приднестровье в один ряд с Абхазией, Южной Осетией, ДНР и ЛНР, назвав эти образования инструментом РФ в дестабилизации обстановки в странах, решивших подписать соглашения об ассоциации с Евросоюзом [Цит. по: 4].

Модель вторая строится на посылке, что центральной власти удастся преодолеть конфликт, не теряя окончательно мятежный регион. После активной фазы конфликта наступает период адаптации обеих сторон к новым условиям, требующий значительных и, главное, сознательных усилий по решению целого комплекса политических, экономических, военных, социальных, гуманитарных проблем. В качестве эталона данной модели следует указать на Чеченскую Республику, которая после двух кровопролитных войн с Россией так и осталась в составе Федерации.

Как известно, вторая чеченская война закончилась военным поражением повстанцев. Когда это стало очевидным, некоторые наиболее прагматичные чеченские лидеры выказали свою готовность сотрудничать с Москвой. Тогда же, в начале 2000 годов были приняты несколько масштабных федеральных программ, направленных на восстановление разрушенного войной хозяйства Чечни. Среди них следует особо выделить федеральную целевую программу «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие

Восточнoукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

годы)», а также сменившую ее федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008-2012 годы». На реализацию первой из указанных программ Чечне из федерального бюджета выделено 41 540,47 млн. рублей¹. Главным результатом реализации данной программы, как нам представляется, есть превращение ранее мятежных горцев, непримиримых борцов за свободу Ичкерии, как минимум, в лояльных Кремлю кадрыовцев. И если быть до конца честными, в общероссийском разделении труда чеченцы занимают ниши, связанные, в первую очередь, не столько с созданными в ходе реализации названных программ рабочими местами, сколько с полицейской службой, охранным бизнесом, наркоторговлей, рэкетом и откровенным грабежом, что мы и наблюдаем сегодня в Крыму и на Востоке Украины.

Итак, в названных выше двух моделях процесс «замирения» обеспечивается либо путем создания границ и разведения-изоляции конфликтующих сторон (Приднестровский вариант), либо путем подкупа элиты и воссоздания социальной базы для мирного развития региона (Чеченский вариант). Возвращаясь к восточно-украинскому конфликту, попытаемся сравнить с ним опыт выхода из вооруженного противостояния в Приднестровье и Чечне.

Фактически ситуация на Донбассе развивается по Приднестровскому сценарию. Об этом свидетельствует провозглашение новых государственных образований – ДНР и ЛНР, создание ими ополчения, вступившего в войну с «киевской хунтой» при активной поддержке РФ, проведение в республиках референдума и выборов в верховные орга-

¹ В рамках федеральной программы были восстановлены или введены в эксплуатацию 5 473 объекта: жилые дома общей площадью 679,1 тыс. кв. метров, 71 школа на 23 521 ученическое место, 70 учреждений здравоохранения на 9 750 коек и 10 785 посещений, 6 учреждений социального обслуживания населения, 7 объектов полиграфии и печати, 48 километров магистральных теплотрасс, 201 трансформаторная и распределительная подстанция и более 484 километров электрических сетей, 5 промышленных предприятий с объемом производства 458,7 млн. рублей, 428 объектов связи, 4 предприятия стройиндустрии и 23 предприятия агропромышленного комплекса. Созданы 21 316 рабочих мест, в том числе 9 700 – в строительстве, 6 752 – в здравоохранении, 2 104 – в образовании, 1 186 – в промышленности и 1 574 – в агропромышленном комплексе [5].

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ны власти. Киев в ответ на откровенное разграбление государственного имущества на Донбассе принимает решение о прекращении деятельности госучреждений, в том числе финансовых, на неподконтрольных территориях, останавливает обслуживание банковских счетов предприятий и населения в зоне АТО, всячески стимулирует эвакуацию организаций и отдельных лиц, наконец, вводит существенные ограничения для свободного перемещения граждан между Украиной и непризнанными республиками. Углублению наметившегося «приднестровского сценария» будут содействовать: установление границ с введением особого пограничного и таможенного контроля, отключение украинских операторов мобильной связи, внесение отметок в паспорта жителям Донецка и Луганска об их новом «гражданстве» или, как вариант, вообще обмен паспортов, переход на расчеты в рублях или введение собственной валюты, выплата в ней задолженностей по зарплате и т.п.

Представляется, что в случае внедрения этих мер со стороны ДНР/ЛНР Киев не только не будет им препятствовать, но даже усугубит ситуацию встречными шагами в том же направлении, запретив, например, въезд на свою территорию хозяевам новых паспортов. В результате отказа Киева «бороться» за свои восточные регионы на гуманитарном, экономическом, социальном фронтах миллионы украинских граждан, до поры до времени лояльных центру, отвернутся от киевской власти, отдавшись «на милость победителя». И тогда на Донбассе возникнет «новое Приднестровье» – серая зона с фейковой государственностью, высоким уровнем криминала, неизменно агрессивная и враждебная, неизвестно кем финансируемая и неизвестно за счет чего выживающая.

Разве это является конечной целью украинских властей?

Даже признавая естественное нежелание финансировать неподконтрольные территории, вряд ли Киев мечтает о легитимации ДНР и ЛНР. Ведь там не могут не понимать, что после этого сразу встанут на очереди Харьковская, Днепропетровская, Одесская и прочие «народные республики». Как нам представляется, более предпочтительным в данной ситуации выглядит «чеченский вариант», в котором искомый мир хоть и «оттянут» во времени, но выглядит более надежным.

Заметим, что предложение пойти по «чеченскому сценарию» в решении восточно-украинского конфликта было сделано российским

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

президентом на переговорах в австралийском городе Брисбен 15 ноября 2014 года. Как отмечает «Financial Times», В.В. Путин заявил Ангеле Меркель, что Киеву следует вести в отношении самопровозглашенных республик такую же политику, какую Москва вела в отношении Чечни: покупать их лояльность в обмен на деньги и автономию. Меркель была шокирована и отказалась рассматривать такую возможность. А. Баунов так прокомментировал этот пассаж: «Чеченский вариант – это Путин говорит Западу: «Как вы поступили со мной, так давайте поступайте и с Украиной. Почему я содержу сепаратистский бывший регион за счет национального бюджета, а Украина не хочет содержать свой сепаратистский регион, который с ней согласился замирииться, за счет национального бюджета» [2]. И далее – очень важная, можно сказать, ключевая мысль: «Конечно, вся история с сепаратизмом на востоке Украины была затеяна (курсив наш. – Р.Д.) для того, чтобы внутри Украины создался регион с блокирующим пакетом решений, какая-то территория, которая имеет свой политический вес и не пустит Украину в НАТО, куда мы все больше всего боимся ее отпустить» [2]. Иначе говоря, российским аналитиком признается осознанный, планируемый и направляемый со стороны РФ характер восточно-украинского конфликта.

Предложение пойти по «чеченскому варианту» было сделано В.В. Путиным и непосредственно П.А. Порошенко, но также было отвергнуто. На «чеченский сценарий» Путин намекнул на своей пресс-конференции по итогам австралийского саммита. Критикуя отказ Украины выплачивать пенсии украинским гражданам на территории ДНР и ЛНР, российский президент назвал это ошибкой и напомнил, что Москва «даже в самые тяжелые дни» не прекращала финансирование Чеченской республики, и это в итоге дало положительные результаты.

Здесь, однако, надо учитывать два важных обстоятельства, коренным образом отличающих ситуацию в Чечне и на Донбассе. Во-первых, «чеченский вариант» стал возможным благодаря победе центра над мятежным регионом, лоялистов и федералов – над сепаратистами. Москва находилась на пике военных успехов, и ее политика в Чечне проводилась с позиций силы. Государственная граница была перекрыта, в Грозном и других городах располагались крупные гарнизоны федеральных сил, российская авиация господствовала в воздухе. Сама

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

сущность «чеченского варианта» в том и заключается, что удержавший мятежный регион Центр стремится к его замирению в экономическом, социальном, гуманитарном отношениях.

Так ли обстоит дело на Донбассе?

Однозначно – нет. Киев не контролирует ни значительного протяжения украинской границы, ни территории нескольких районов восточных областей. Потеря Украиной двух областных центров Донбасса, наступление ополченцев и российских «добровольцев» на Новоазовск и Мариуполь в августе 2014-го, «котел» под Илловайском, позже – уничтожение Донецкого аэропорта, отвод войск с Дебальцевского выступа – все это никак не может свидетельствовать о победоносном для Киева ходе конфликта. Если уж и проводить аналогии с Чечней, то только с августом 1996 года, когда сепаратисты захватили и удерживали Грозный. Тогдашний Президент России Б.Н. Ельцин распорядился вывести федеральные войска с территории Чечни и начать переговорный процесс. Результатом последнего были Хасавьюртские соглашения, ставшие символом неудач России на Северном Кавказе.

Во-вторых, сценарий разрешения конфликта в Чечне не предполагал наличия на территории России каких-либо государственных образований, проводящих сепаратистскую политику и вынашивающих планы «похода на Москву» при активной поддержке враждебной сверхдержавы. На всей территории Северного Кавказа был установлен конституционный порядок, и Чеченская Республика полностью находилась в правовом поле Российской Федерации. В нашем случае происходит нечто прямо противоположное: мятежные республики заявляют о выходе за пределы конституционного поля Украины, устанавливают свои законы и откровенно поддерживаются Кремлем, очевидно, им же и финансируются. Лидеры «самостоятельного» Донбасса – вне зависимости от законности их избрания, вольно или невольно всегда будут марионетками Москвы. Вопрос о рентабельности базовой для региона угольной промышленности и раньше был проблематичным, а без поддержки центра и дополнительных инвестиций эти районы на долгие годы превратятся в «серую зону». Желание В. Путина создать здесь «черную дыру», поглощающую деньги из украинского бюджета, вряд ли может быть реализовано, хотя бы потому, что у П. Порошенко нет таких возможностей, которые предо-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

ставляет России ее нефте- и газодобывающая промышленность. Как отмечает Михаил Минаков, лоббирование Путиным «чеченского варианта» для Украины есть ни что иное как «принуждение к мягкому варианту капитуляции перед повстанцами и поддержавшей их Россией. Украинские политики сознают, что подписание «нового Хасавюрта» не только грозит их собственной карьере, но и приведет к разжиганию appetитов сепаратистов и росту центробежных тенденций на востоке страны» [Цит. по: 6].

Иначе говоря, эксперты склоняются к мысли, что целью Кремля в восточно-украинском конфликте является перманентная дестабилизация ситуации, и «чеченский вариант» – оптимальная легализованная версия такой дестабилизации. На наш взгляд, за этим верным, но глубоко ситуативным выводом теряется то конструктивное начало «чеченского варианта», которое составляет его сущность, а именно – сохранение территориальной целостности страны и процесс замирения. «Русская весна» на Донбассе и стала-то возможной после аннексии Крыма, а получи самостоятельность еще и он, где гарантия, что на этом закончится парад суверенитетов «народных республик»?

Если Украина в отношении Донбасса все же выберет не «приднестровский», а «чеченский» вариант разрешения конфликта, то нам всем следует запастись терпением и мудростью, поскольку процесс замирения не может быть быстрым и безболезненным.

Такой процесс необходимо будет начинать издали, исправляя те перекосы в восприятии Донбасса массовым сознанием украинцев, которые формировались задолго до Майдана и «русской весны». Практически на каждые выборы отдельные политические силы шли под лозунгом «особенности», «исключительности», как минимум «непохожести» жителей Донбасса на жителей центральной и западной Украины. Безусловно, реальные основания для региональных особенностей украинцев существуют, но над ними надстраивался куда более мощный пласт мифологем. Культивация этих мифов стала той благоприятной почвой, на которой произрастали предвыборные программы подчас полярных политических партий. Одни шли под лозунгами «Солнце Украины встает на Донбассе» и «Донбасс порожняк не гонит», другие – с призывами «Бандитам – тюрьмы!» и требованиями обнести всю область колючей проволокой. Встречались и «научные» обоснова-

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ния аксиологической несовместимости западных и восточных украинцев, разработанные достаточно авторитетными украинскими учеными (П.П. Толочко). Спекуляции на эту тему достаточно быстро переросли из безобидных анекдотов в идеологию ненависти, в значительной мере питающей восточно-украинский конфликт.

Поэтому первый шаг, который необходимо будет сделать в направлении примирения, это отказ от использования в борьбе за электорат разделения граждан Украины на первосортных и второсортных.

В качестве следующего шага правительство Украины должно внятно обозначить свою стратегию в отношении Донбасса. Оно, по мнению Евгения Шибалова, может сказать: «Мы воюем до победы, пока ДНР, ЛНР и все их формирования не будут полностью уничтожены». Или: «Хорошо, мы увидели, что вы не с нами, мы берем курс на отделение этих территорий». Или: «Мы принимаем политический план реинтеграции, мы выдвигаем единственное условие – сохранение территориальной целостности, а все прочее – статус региона, автономия, его языковые, культурные, экономические права – готовы обсуждать» [7]. Разумеется, для процесса замирения более всего подходит последняя стратегия, хотя на сегодняшний день мы вынуждены констатировать, что четкого видения будущего послевоенного Донбасса у Киева нет. Те мессиджи, которые доходят до населения, свидетельствуют о сильном влиянии в высшем эшелоне киевской власти субъективных факторов: сказываются старые обиды, желание поквитаться. И в то же время – рациональное понимание тупиковости этого пути для украинской государственности. Отсюда и шарахание в стратегической сфере, помноженное на отсутствие реальной оценки собственных сил и возможностей. Но определиться все же придется.

И тогда необходимо будет произвести «демонтаж из ментального пространства несостоятельных доктрин и проектов, с которых начинается насилие и которые порождают его новые циклы» [8]. Приведенная цитата, кстати сказать, взята из статьи российского экс-министра по делам национальностей, директора Института этнологии и антропологии РАН, Валерия Александровича Тишкова, курировавшего гуманитарные аспекты постконфликтной адаптации в Чечне. Многие высказанные им тогда соображения вполне применимы и для сегодняшней Украины. Принимая «чеченский вариант» выхода из конфликта, мы должны пре-

Восточнуукраинский конфликт: типология, особенности, пути деэскалации

кратить разговоры о присоединении Донбасса к России, о Новороссии, ДНР и ЛНР как о несуществующих или не до конца реализовавшихся политических проектах, сосредоточившись на строительстве нашего общеукраинского дома. Перефразируя В.А. Тишкова, отметим, что независимость и самоопределение Донбасса – это разные вещи. Полная государственная независимость Донбасса от Украины невозможна по многим причинам, в частности потому что:

- этого, как показывают последние социологические исследования², не желает большинство населения Донбасса, включая вынужденно покинувших его территорию;

- этого не желает большинство населения Украины³;

- в силу географии и состава населения независимый Донбасс не может иметь бесконфликтные границы с соседями и самодостаточную экономику;

- в независимый Донбасс не вернется выехавшее в другие области Украины, в Россию и страны дальнего зарубежья население, без которого не может быть образовано легитимное государство;

- невозможно обеспечить нормальные условия для восстановления экономики, если конфликт приобретет «замороженный» статус.

О самоопределении Донбасса, его формах и методах можно и нужно дискутировать. Очевидно, что тут необходимо будет идти на уступки всем – и Москве, и Киеву, и самопровозглашенным республикам. Представления, что в XXI веке политических целей можно достичь с помощью силы, являются опасными иллюзиями. Только диалог и толерантность обеспечат желаемый мир.

Важным вопросом политики замирения остается проблема консолидации действующих в данном направлении социальных сил. Так

2 Согласно проведенному в январе 2015 года фондом «Демократические инициативы им. Илька Кучерива» и Ukrainian Sociology Service опросу, лишь 20 % жителей Донецкой области хотели бы выйти из состава Украины и получить независимость, 15 % – присоединиться к другому государству. 58 % опрошенных хотели бы, чтобы Донбасс оставался в Украине: 30 % – в статусе автономного округа в составе федеративной Украины и еще 30 % – в составе унитарной Украины, но с большими полномочиями, а 2% устраивают нынешние полномочия регионов [9].

3 По данным того же социологического опроса, только 11,5 % украинцев согласны, чтобы Донбасс вышел из состава Украины [9].

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

называемый ассоциированный «субъект мира» еще только предстоит собрать. Он сегодня слаб, разбросан по крупицам и явно уступает по значимости коллективному «субъекту войны». Не будем лукавить – война выгодна многим: и олигархам, в азартном ознобе делящим ответственность «донецких бандитов»; и генералитету, многие годы недооцененному государством и теперь получившему шанс «наверстать свое»; и вчерашним безработным, уже разуверившимся во всем, но вдруг «нашедшим себя» на воинской службе; и «благородным» бойцам добровольческих батальонов, отправляющим по «Новой почте» из Донбасса «трофейную» бытовую технику... Пока война будет экономически выгодной, пока она будет привлекать возможностью пограбить вчера еще богатый регион, «субъект мира» будет в меньшинстве. К сожалению, он сформируется лишь ценой смертей, страданий, крови и обнищания. Но государство способно ускорить процесс формирования «субъекта мира» или, по крайней мере, искусственно не тормозить его.

И здесь свою весомую роль могут сыграть представители «четвертой власти» – средств массовой информации. Они уже продемонстрировали свое могущество в разжигании розни, они же могут использовать имеющиеся в их распоряжении манипулятивные технологии для пропаганды мира. Необходимо, чтобы люди поверили в возможность мира, чтобы о нем заговорили как о реальности. Как справедливо отмечал тот же В.А. Тишков, «само говорение на тему мирных дел и планов есть миростроительство» [8].

Подводя итоги сказанному, еще раз отметим, что вооруженный конфликт на востоке Украины рано или поздно завершится, но о мире нужно думать уже сейчас. В настоящий момент преобладают «приднестровские тенденции», чреватые отделением от Украины, вслед за Крымом, еще и ДНР/ЛНР. Более желаемым для нашей страны является «чеченский сценарий», смысл которого состоит в сохранении территориальной целостности при расширении полномочий местных властей. Процесс «замирения», так необходимый для социального и духовного здоровья нации, будет тем эффективнее, чем раньше он начнется. О конкретных формах послевоенного устройства страны можно дискутировать, главное, чтобы этот диспут состоялся, чтобы наши вожди не утратили возможности раскурить пресловутую «трубку мира».

**Восточнуукраинский конфликт:
типология, особенности, пути деэскалации**

ЛИТЕРАТУРА

1. Блог российского Союза правых сил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=10878&PHPSESSID.
2. Все хотят мира, но понимают под этим разные вещи». Александр Баунов о минских переговорах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tvrain.ru/articles/vse_hotjat_mira_no_ponimajut_pod_etim_raznye_veschi_aleksandr_baunov_o_minskih_peregovorah-381827/.
3. Портников В. Пассажиры кремлевской «корзины» начали сбрасывать балласт в надежде, что шар взмоет в воздух [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://glavred.info/avtorskie_kolonki/rossiyskiy-shar-zachem-putinu-pridnestrovskiy-ballast-i-nahlebniki-s-donbassa-301357.html.
4. Швец Д. «Независимая газета» узнала о первом отказе России от помощи Приднестровью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slon.ru/fast/world/nezavisimaya-gazeta-uznala-o-pervom-otkaze-rossii-ot-pomoshchi-pridnestrovyyu-1208567.xhtml>.
5. Постановление Правительства РФ от 21.12.2001 N 889 О Федеральной целевой программе «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ot-akty/b3k.htm>.
6. От редакции: Донбасс не Чечня // Ведомости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/persons/87474/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB%20%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2>.
7. Життя в ізоляції. Сьогоднішній Донецьк в розповіді волонтера Євгена Шибалова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lifepravda.com.ua/society/2015/03/3/190090/>.
8. Тишков В.А. Как предотвратить третью чеченскую войну? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_predot.html.
9. Донбасс хочет остаться в составе Украины, – опрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://focus.ua/country/323691/>.

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Стаття присвячена осмисленню існуючого світового досвіду виходу з внутрішньоцивілізаційних конфліктів і пошуку оптимального варіанту для України. В залежності від збереження або не збереження територіальної цілісності країни можливі сценарії вирішення конфліктів узагальнюються в дві моделі, умовно названі «придністровським» і «чеченським» варіантами. Хоча зараз в Україні переважають «придністровські тенденції», чреваті відділенням ДНР/ЛНР, більш бажаною є «чеченська модель», сутність якої полягає у збереженні територіальної цілісності за допомогою продуманої і цілеспрямованої державної політики замирення. Доводиться, що процес замирення є життєво необхідним для соціального та духовного здоров'я нації, без нього можливі рецидиви конфлікту.

Ключові слова: Україна, Донбас, конфлікт, замирення, Придністров'я, Чечня, стратегія.

The paper considers the existing world experience out of the intra-civilization conflict and the search for the best option for Ukraine. Depending on the save or not save the country's territorial integrity possible scenarios of conflict resolution are summarized in two models, tentatively called "Transdnestrian" and "Chechen" options. Although currently in Ukraine is dominated by "Transdnestrian trends" fraught department DNR / LNR, more desirable is the "Chechen model", the essence of which is to preserve the territorial integrity of thought-through and implements the state policy of pacification. It is proved that the process of pacification is essential for social and spiritual health of the nation, without recediv of conflict.

Keywords: Ukraine, Donbass, conflict, pacification, Transdnestria, Chechnya, strategy.

REFERENCES

1. Gerasimov V. (2013), Military Industrial Courier, № 8(476), 27 February – 5 March, pp. 2-3 (rus).
2. Blog Russian Union of Right Forces, S. Stankevich, available at: http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=10878&PHPSESSID. (rus).
3. Everyone wants peace, but understand this different things. Alexander Baunov talks about Minsk's summit, available at: http://tvrain.ru/articles/vse_hotjat_mira_no_ponimajut_pod_etim_raznye_veschi_

**Восточнуукраинский конфликт:
типология, особенности, пути дэскалации**

aleksandr_baunov_o_minskih_peregovorah-381827/. (rus).

4. Portnikov V. Passengers Kremlin “basket” began dumping ballast in the hope that the ball is rising in air, available at: http://glavred.info/avtorskie_kolonki/rossiyskiy-shar-zachem-putinu-pridnestrovskiy-ballast-i-nahlebniki-s-donbassa-301357.html. (rus).

5. Shvets D.»Nezavisimaya Gazeta» learned about the first Russia’s refusal to help Transdnistria, available at: <http://slon.ru/fast/world/nezavisimaya-gazeta-uznala-o-pervom-otkaze-rossii-ot-pomoshchi-pridnestrovyyu-1208567.xhtml>. (rus).

6. Government Decree of 21.12.2001 N 889 on the Federal target program «Restoration of economy and social sphere of the Chechen Republic (2002 and beyond)», available at: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/otakty/b3k.htm>. (rus).

7. From the Editor: Donbass is not Chechnya, Vesty, available at: <http://www.vedomosti.ru/persons/87474/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB%20%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2>. (rus).

8. Life in isolation. Today’s Donetsk in story of volunteer Evgen Shibalov, available at: <http://life.pravda.com.ua/society/2015/03/3/190090/>. (ukr).

9. Tishkov V. How to prevent a third Chechen war?, available at: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_predot.html. (rus).

10. Donbass wants to remain a part of Ukraine – a survey, available at: <http://focus.ua/country/323691/>. (rus).

**БЫТИЕ НА ГРАНИ:
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ И
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ
ВОСТОЧНОУКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА**

УДК 17.022:327(477)

*Александр БЕЛОКОБЫЛЬСКИЙ,
доктор философских наук,
глава Киевского отделения Украинского института
стратегий глобального развития и адаптации*

**ЗАЛОЖНИКИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО РАЗУМА,
ИЛИ ПОЧЕМУ ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
СТАЛ ВОЗМОЖЕН**

В статье исследуется ситуация экзистенциальной угрозы, связанной с разрушением социальной реальности. Выдвинуто предположение, что именно угроза существованию той структурной части реальности, которая сформировалась на основе религиозно-мифологических форм социального бытия, воспринимается человеком как повод к самозащите. Целенаправленные внешние воздействия на человеческое сознание приводят к формированию эрзац-реальностей, в которых «борьба за ценности» представляет собой лишь рационализированную форму дорационального стремления к сохранению идентичности. Однако именно связанное с этой самозащитой состояние умов и позволяет разжигать конфликты, подобные восточнoукраинскому.

Ключевые слова: *социальная реальность, идентичность, объективное, интерсубъективное, миф, бытие.*

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

/в трагедии на Донбассе/ столкнулись две системы ценностей: европейская и Российская. Впервые за долгое время на континенте дошло до войны за ценности.
Виктор Ерофеев

Возможно, сейчас еще не время делать философские обобщения, но некоторые особенности времени, которое мы переживаем, слишком нетривиальны и социально опасны, дабы оставить их без внимания. Во-первых, наше общество, т.е. люди, которые еще несколько месяцев назад с трудом могли бы указать ценности, для защиты коих они были бы готовы пожертвовать не то что чем-то существенным, но хотя бы вообще чем-то, вдруг поднялось на вооруженную борьбу за право на собственную аксиологию. Не то, чтобы эти ценности вдруг предстали в эксплицитном виде, однако угроза именно праву их иметь внезапно превратила среднестатистических релятивистов и циников в пламенных бойцов. Причем бескомпромиссность борьбы достигает столь высокого накала, что вполне позитивная, по сути, активизация социальной сознательности, оборачивается разрушительными следствиями. Из-за предельного антагонизма сторон столкновения имеем, во-вторых, ситуацию взаимной неспособности к рациональному диалогу. Показательно не то, что диалог не возможен, так сказать, физически – на самом деле он неоднократно начинался на различных уровнях, однако каждый раз заканчивался в лучшем случае ничем. Одни и те же факты интерпретируются противоположным образом и лишь укрепляют каждую из сторон в ее правоте. Разум, в равной мере обосновывающий и тезис, и антитезис, оказывается антиномично бессильным.

Дело в том, что критическая ситуация обнажила те культурные основания, которые в обычные времена остаются скрытыми за потоком обыденных событий. Мы на самом деле едва ли отдаем себе отчет, носителями какого багажа знаний и умений являемся. Собственно здесь, в глубинах нашего естества, и следует искать причины тех драматических столкновений, свидетелями и участниками которых мы стали.

Данная статья представляет собой попытку представить восточноукраинский конфликт как столкновение, которое воспринимается

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

вовлеченными в него сторонами как в первую очередь аксиологическое, но на самом деле имеет иную природу. Ситуация на Донбассе имеет характер экзистенциального потрясения, связанного с обнажением глубинных уровней сознания, символизирующего для обычного человека симптом личностной катастрофы и являющегося сигналом к немедленной самозащите. Следует подчеркнуть, что именно это субъективное восприятие угрозы понимается как аксиологический вызов и становится фундаментом и точкой отсчета для перерождения идентичности. Никакие внешние вмешательства или внутренние катализаторы не привели бы сами по себе к катастрофическим последствиям: и агрессия других государств, и столкновения олигархических кланов, и любые вариации этих факторов питаются именно атмосферой экзистенциального напряжения и «срабатывают» (точнее становятся в нашей ситуации вообще возможным!) только благодаря ему. Поэтому следует попытаться разобраться с причинами указанного состояния общественного сознания и отдельных умов, повлекших за собой драматичные события на востоке страны, понять, что же происходит в сфере дорационального «знания», носителями которого мы, не подозревая того, являемся.

Человек обычно не задумывается над тем, в чем он абсолютно уверен. При этом именно природа такой убежденности, возможно, представляет собой наиболее интересный предмет теоретического исследования. Не зря Эрнст Юнгер как-то заметил, что «человек наиболее интересен в тех областях, в которых он не видит никаких проблем и которые находятся для него вне дискуссии» [4, 513]. Логично будет поставить вопрос о природе тех повседневных убеждений, которые мы связываем с миром объективно существующего, объективного как такового.

«Восприятию» объективного мы учимся в раннем детстве под руководством социализированных наставников, которые помогают нам усвоить механизмы соединения знакомых чувственно-ментальных субъективных комплексов с социально легитимными интересубъективными понятийными конструкциями. «Смыслы», которые формируются в момент такого соединения в мышлении человека, представляют собой сложный симбиоз чувственного и ментального, субъективного и интересубъективного, при котором в собственном опыте мы превращаем

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

социально канонизированные образцы восприятия в реальные присутствующие вещи здесь и сейчас. То, что фиксируется в этом «узрении», и есть репрезентация собственно «объективного».

Формируясь в первые месяцы жизни ребенка, а именно в период отсутствия как дифференциации, так и центрации первичных действий (по терминологии Ж. Пиаже), навыки, позволяющие выделить из досмысловой сингулярности представления о субъекте и объекте, опираются на способность к синтезу ощущений и действий с выработкой понятийных абстракций, который Жан Пиаже назвал «схемами ассимиляций». Особенность этих «протоконцептов» швейцарский исследователь видел в том, что они, с точки зрения логики, имеют определенное содержание или смысл (интенционал), однако лишены значения (экстенционала). Действительно, младенец на определенном этапе развития уже может выделять из хаоса внешней информации знакомые чувственно-ментальные комплексы, однако не имеет возможности применять этот комплекс к ряду отсутствующих в актуальном восприятии подобных ситуаций. Можно говорить о том, что у «понятия» на этом этапе его существования в индивидуальном мышлении отсутствует объем, а потому – в свете куайновской дефиниции существования¹ – для ребенка отсутствует и сфера существующего как такового, то есть все присутствующие в психической реальности младенца содержания протопонятий напоминают «откровение» – явление чего-то присутствующего, но не понятного.

Этот тезис подтверждается и психологическими исследованиями. В работах известного психолога Майи Лисиной приводится ряд наблюдений за поведением малышей, находящихся в различных когнитивных ситуациях: в первой из них ребенку показывали незнакомую игрушку, во второй – знакомый взрослый человек пытался привлечь внимание малыша к игрушке, которая уже не вызывала у него интереса. Разница между появлением в поле зрения ребенка незнакомой вещи и уже известной оказалась весьма показательной. Роль взрослого во втором случае была определяющей: активность малышей возрастала в несколько десятков раз. В первом же случае исследователи отмечали замороженную отстраненность младенца, который не

1 По О. В. Куайну существовать – значит быть значением связанной переменной.

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

обращал внимания даже на присутствие одного из родителей. Можно предположить, что различие в реакциях наглядно демонстрирует задачи ранней первичной социализации, которая должна ввести ребенка в круг существующего, канализируя энергию «трансцендентного» в русло понятийных объективаций: показывая пример реакции на незнакомую ранее ситуацию, родители постепенно наполняют память ребенка упорядоченными последовательностями схожих чувственно-ментальных комплексов, которые со временем и сформируют объемы осмысленных и практически усвоенных понятий. Этот процесс превращения чувственно-ментального комплекса (протопонятия) в круг культурно значимого и практически освоенного и следует считать рождением сферы объективного.

Необходимо подчеркнуть, что подобное понимание объективности как результата культурной «фиксации» реальности в качестве аподиктического условия предполагает репрезентированную в научении социальную конвенцию, опирающуюся на «эксплуатацию» физиологических особенностей человеческого тела. На определенном этапе развития младенца непосредственное вмешательство авторитетного учителя является необходимым условием формирования у него способности к осмысленным практическим действиям. В дальнейшем на всю жизнь человек сохраняет «чувство объективного» – способность редуцировать информацию о внешнем мире к каноническим, усвоенным в детстве чувственно-ментальным комплексам.

Таким образом, можно сказать, что мышление представляет собой не только процесс оперирования смыслами, а скорее сводится к перманентному переходу от ментальных состояний к состояниям чувственно-телесным, которые как бы верифицируют (путем обращения к каноническим, усвоенным в качестве образцовых, состояниям) правильность воспринятого и осмысленного, а также объективируют чувственную информацию в качестве интерсубъективной реальности. Объективность тут выступает функцией социального, а потому и реальность (мир объективно существующего) сливается с действительностью (пространством социального действия). Рациональность, в таком случае, маркирует релевантность сознательного действия объективному порядку универсума.

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

Онтогенетическая схема рождения индивидуального сознания может выступить моделью для понимания филогенетического «вхождения» в смысловой универсум. Попробуем, после предпринятой попытки экскурса в феноменологию протомышления индивида, схематически представить процесс зарождения мышления как такового. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о когнитивном измерении этого процесса, то есть о формальной его стороне без постановки вопроса о природе мира, который открывается человеческому разуму.

Если не привязываться к дарвинистскому схематизму (который, с точки зрения философии сознания, выглядит слишком натуралистично), то можно, воспользовавшись предыдущими соображениями как эвристической моделью, предположить существование такой стадии процесса формирования мышления, на которой значительная часть человеческого опыта находилась в зоне «встречи с трансцендентным». Интерсубъективная (в коллективном опыте) фиксация содержания протопонятий (схематично репрезентирующих определенную информацию), заключающаяся в схожей прагматической реакции индивидов (схожих мыслях и действиях) формирует а) пространство понятийного мышления, б) стратегии коллективной жизнедеятельности и культурно значимый жизненный мир, в) коллектив «пользователей» понятий и алгоритмов действия – социальную общность. На определенном этапе развития рациональности она, и это справедливо для любой традиционной культуры, является сугубо религиозной, главным образом из-за отсутствия представлений о наличии контекстов, «вмещающих» совокупность культурных ситуаций, то есть представления о мире в целом. В подобной ситуации каждый шаг человека требует «согласования» с персонифицированным в мифологических образах внешним авторитетом. Томас Лукман вообще считал выделение представлений о физическом универсуме как целом из социальной реальности в самостоятельный горизонт сущего «вехой в глобальном процессе рационализации» [2, 192].

Усложнение структуры культурных систем приводит к формированию «общедоступных» регионов социальной реальности – унифицированной и гомогенизированной сферы обыденности, которая больше не находится на передовой взаимоотношений с сакральным. Эта часть

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

реальности связана с процедурным (термин из когнитивной психологии) мышлением, которое распространяется на все, что не требует принципиальных инноваций и фундирует «светскую рациональность». При этом, несмотря на, казалось бы, инвариантное место светских регионов реальности и светской рациональности в процессе развития человеческого мышления – они появляются в разных культурах на определенном этапе их развития – следует воздержаться от соблазна считать, что речь идет об одной и той же светской рациональности.

Например, эстетически окрашенные первопринципы бытия, «отвечающие» за древнегреческие представления о космосе, не тождественны ни антропоморфному принципу инь-ян в китайской традиции, ни этическим представлениям о космогонической жертве божества в традиции индийской, ни, в конце концов, представлениям о трансцендентности Бога у евреев. Однако именно эти представления в каждой из культур выполняют роль оснований рациональности.

Наш собственный универсум сформировался в результате нескольких цивилизационных «мутаций». Первая из них была связана с трансформацией в середине V в. до н.э. древнегреческой мифологии под воздействием внешних факторов (более тесного и широкого взаимодействия с другими культурами) и внутренних причин (в первую очередь рационализации социальных практик, связанной с усложнением культурной системности), которая породила специфический тип светской рациональности – философско-теоретический. Интуитивные представления о красоте, гармоничности и соразмерности «надлунного» (то есть вечного, сакрального) мира на языке понятий светской рациональности трансформировались во времена Сократа и Платона в учение об истинной реальности, которая состоит из божественных архетипов – постигаемых разумом прообразов всех вещей. Эмпирические объекты – все то, что окружает человека в повседневной жизни, истолковывались как синтетические образования, имеющие божественные атрибуты, но земную природу. Это был путь разрушения мифической образности и одновременно формирования представлений о новом мировом порядке, выступавшем наследником сакрального универсума. Рационализированный двойник заменил мифическую реальность подобно тому, как сменяются

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

декорации в театре. Однако социальная, политическая и даже религиозная жизнь эллинов теперь разворачивалась в новых реалиях, с новыми ориентирами и с помощью адекватного этим реалиям типа мышления.

Столкновение схожих по структуре мифологических универсумов в прошлом приводило к рождению синтезированных мифологий, в которых экстенсивность тотальной регламентации повседневных действий замещалась интенсивностью духовной детерминации. Столкновение более масштабных религиозных систем приводило к формированию культурных универсумов с собственными «логиками смысла» и просто логиками (подобными аристотелевской). Одно из таких революционных столкновений свершилась в христианском универсуме, который, правда, был подготовлен к нему внутренними культурными процессами. Среди множества подходящих дат можно, вместе с С. Туллином, назвать 1769 год, когда европейцы не только открыли «еще один дикий народ», но и признали, что в его этике и мировосприятии присутствует определенная рациональность [3, 57].

В свете сказанного выше мы, кроме прочего, получаем инструмент более последовательного понимания сущности процесса/ов рационализации, секуляризации и глобализации. Под рационализацией следует понимать в первую очередь последовательность углублений и расширений «профанных» регионов социальной реальности, конституируемых действиями в границах процедурной рациональности. Секуляризация в общем смысле совпадает с рационализацией, а в специальном означает процесс выхолащивания религиозных смыслов из христианского универсума, которое началось в схоластическую эпоху и активизировалось в эпоху открытия альтернативных культурных миров. Расширение тотально нерелигиозного жизненного мира на культурные ареалы планеты (потенциально – на весь культурный универсум) следует считать сущностью глобализации.

Однако в индивидуализированном, тотально унифицированном и секуляризованном мире именно современный опыт объективного остается определяющим. Говоря об объективности, наш современник имеет в виду не только социально закрепленную, интересубъективную область значений, но и интегральную характеристику реальности, ко-

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

торая является неотъемлемой частью понимания, мышления, сознания – мы знаем/понимаем/осознаем не одним только разумом, но всем своим телесным естеством, особые состояния которого фиксируют ту «объективность», которая транслируется в культуре как рационализированная в смыслах трансцендентность. Возвращаясь к проблеме исходной реальности, в границах которой человек начинает свою жизнедеятельность, необходимо признать, что мы с раннего детства знаем о существовании «объективного мира», так как именно это знание является необходимым условием присутствия горизонтов существующего – тех «областей», по которым и «пробегает квантифицированная переменная». Логические индивиды в объемах понятий – реальные или воображаемые объекты наших культурных практик, втиснутые в эти объемы «волей» коллективного культурного субъекта. Наш мир – бескрайние просторы, на которых сосуществуют «прирученные» процессуальной рациональностью логические индивиды, и мы рациональны именно тогда, когда не выходим за пределы законов и содержания этого логического универсума. Однако следует еще раз подчеркнуть: каждая культура имеет особенности организации логического универсума своего мышления (содержания и объема понятий, а также их структурной упорядоченности) и социального действия, свое особенное представление о себе и других. Именно в границах этого универсума и разворачивается жизнь сообщества и его отдельных представителей.

Подчеркнем, что исходной реальностью, в которой человек способен на рациональные действия, то есть оказывается собственно человеком разумным, является не материальная среда, а определенное пространство смыслов. При этом смыслы не существуют где-то вне человеческого мышления и действия в качестве готовой структуры или заполненного резервуара. Смыслы «живут» в мышлении – акты «осмысления» формируют ткань сознания, на которой ткот собственные узоры мышление. Впрочем, занимая позицию, отрицающую натурализм, необходимо остерегаться и другой философской крайности – предельной субъективизации реальности, вплоть до эпистемологического солипсизма, сторонники которого утверждают, что реальность существует исключительно в мышлении индивида. Путеводной нитью между Сциллой натурализма и Харибдой солипсизма с XVIII века является кантов-

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

ский трансцендентализм – учение о существовании универсальных форм восприятия и мышления, которые наделяют субъективное измерение реальности интересубъективным статусом. Реальность представляет собой ментальное образование, однако именно в ней мы находим все необходимое для коммуникации и социальных действий. А. Шюц разработал трансцендентальное учение о социальной реальности как о мире культурных объектов и институтов, в котором и проходит жизнь социализированных индивидов. Опираясь на сделанные выше выводы о социальной природе объективности, необходимо несколько развить наши представления о структуре социальной реальности как той ментальной среды, в которой осуществляются наши жизненные практики.

Несмотря на то, что «знание» материального и нельзя считать чем-то сугубо идеальным, оно «входит» в структуры мышления в качестве аподиктического элемента как знания алгоритмов легитимных действий, которые поддерживают присутствующую в социальной группе концептуальную схему (систему понятий). Сфера объективного, как уже было сказано, фундируется не только внешними факторами (которые, строго говоря, всегда трансценденты и присутствуют в психическом мире опосредовано), а социокультурными конвенциями и связана с общественным консенсусом. При этом повседневные действия человека, хотя и позволяют ему убедиться в успешности собственных интерпретаций реальности, никогда не исчерпывают смыслового потенциала, в ней заложенного. Пространственная и временная ограниченность человека делают его личный опыт мизерной каплей того опыта, который потенциально возможен.

Если актуально существующее закрепляется в реальности процедурами подведения присутствующего в психике под концептуальную схему, то горизонт существующего вообще задается совокупностью фундаментальных понятий категорий культуры, которые определяют тип возможного как такового. Уникальный образ матрицы всех таких категорий (о том, что категории культуры жестко увязаны в так называемые культурные «матрицы», говорил В. Степин) всегда имеет религиозно-мифологическое происхождение, так как фиксирует путь общества к осознанию себя и мира. Представление о мировом целом, которое «управляет» культурной деятельностью сообщества, таким

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

образом, задается концептуальным полем, формирующимся вокруг своеобразного ядра реальности – матрицы категорий культуры. Если быть последовательными до конца, то следует признать присутствие центрального образования и в самом категориальном ядре, однако все, что можно будет о нем сказать, будет сказано на языке категорий и потому обречено на тавтологичность.

Следует различать объективированный образ мира и собственно социальную реальность, которая является интерсубъективной структурой, опирающейся преимущественно на ментальные состояния, – знания, интенции и presuppositions. То, что человек увидит и услышит, зависит от этой структуры, закладываемой в его «разум» в процессе первичной социализации, причем не только в части типа предметности, но и с точки зрения модальностей существования вплоть до существования/не существования трансцендентных горизонтов мира и их масштабности. Все эти сугубо партикулярные черты социальной реальности превращают ее адептов в онтологических «заговорщиков», которые собственной склонностью к определенному типу мышления и социального действия выстраивают тело собственной культуры. Представление о себе, которое, опять-таки, осуществляется в категориях той же матрицы, является общим для всех адептов и ложится в основу социальной идентичности. Спаянная общим мышлением, действием, идентичностью, а лучше сказать, общей онтологией группа содейтелей превращается в сообщество.

В свете сказанного важными представляются два следующих вывода: 1) религиозное ядро социальной реальности и сформированная вокруг него матрица категорий культуры являются, соответственно метафизическим и онтологическим центрами социальной реальности, которые делают возможными индивидуальные смыслы и детерминируют адекватные онтологии стратегии рациональности (например, прояснение через апелляцию к онтологическому мифу в тотемизме, библейский символизм средневекового христианства или исторические реконструкции эпохи постмодернизма), но сами находятся во «вне-рациональной» сфере; 2) уничтожение религиозно-онтологического ядра социальной реальности является уничтожением культурного мышления и существования, уничтожением сообщества, которое появилось

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

благодаря ему и воспринимается адептами культуры как смертельная угроза. Потому вызовы в этой сфере есть вызовы по определению экзистенциальные.

К этой же сфере дорациональных установок относится и самоопределение сообщества, так сказать, «идея себя», которая всегда имеет онтологическое и метафизическое содержание. Собственно, рождение сообщества и формирование его идеи можно рассматривать как единый процесс. Культурные целостности не появляются на пустом месте, и обычно именно с трансформации дорациональных центров онтологических реальностей («ареалов» культурной жизни сообществ) берёт начало новая социальная целостность. Потому и столкновения разных реальностей понимаются преимущественно в границах религиозных и мифологических нарративов, в которых рациональные построения воспринимаются как достаточно нестрогие спекуляции. Идеи сообществ являются или мифическими по своей природе, или приобретают статус мифологем в процессе созревания. Например, нациогенез в современном сообществе сопровождался (и сопровождается) рождением национальных мифов [1]. Все угрозы сообществам и реальностям, а точнее их символическим репрезентантам – табуированным территориям и предметам, святыням, языку или границам, ценностям, памяти и истории, которая их легитимирует – воспринимаются как смертельные угрозы (угрозы разрушения религиозно-онтологического ядра реальности) и вызывают адекватную реакцию.

В повседневной жизни вопрос национальной самоидентификации решается более-менее интуитивно благодаря приверженности неким алгоритмам мышления и действия – говорить о каких-то эксплицитных определениях можно лишь с некоторой долей осторожности. Но в ситуациях экзистенциальной угрозы, когда нашему современнику нужно сознательно обратиться к определению нации и национальной принадлежности, предпринять попытку рациональных построений в этой сфере, он отбрасывается в мифологические времена появления наций. Именно поэтому теории наций или переполнены мифологемами и теологемами, или превращаются в чисто конструктивистские построения, декларирующие искусственность любых национальных образований. В этой ситуации современный человек мало чем отличается от

Восточноевропейский конфликт в контексте глобальных трансформаций

своих архаических предков, каждый шаг которых регламентировался мифологическими детерминантами. Вот тут и возникает парадоксальный синтез рационального и мифологического: разум может говорить, только используя категориальный инструментарий, но движет им иррациональный, мифический по своей природе, импульс, направленный на самозащиту, зачастую весьма агрессивную. Имеем нечто вроде случая кинематографического Франкенштейна – человек будто что-то говорит (то есть можно допустить наличие некоей внутренней рациональной деятельности), но это что-то не только бессмысленно, но и никоим образом не влияет на направленность его действий.

Таким образом, экзистенциальная угроза социальному существованию, которая ощущается на уровне рационально осознаваемых воздействий, но обращённых в мифо-метафизические глубины культурного бытия, воспринимается/понимается как аксиологический вызов. Разворачивается масштабная война за ценности, точнее, за право на собственную интерпретацию их звучания и содержания. Из-за того, что дорациональные основания реальности вовлекаются в рациональный дискурс лишь на уровне идеолого-публицистической концептуальности (то есть в форме, адекватной массовому сознанию), имеем искажённые и примитивизированные эрзац-реальности – искусственные конструкции, в которых небо и земля заменены декорациями. Проблема в том, что кровь здесь льётся настоящая.

В борьбе за политические дивиденды Россия и Украина развернули этатистские идеологические кампании, косвенно направленные против конкурирующих интерпретаций одних и тех же исторических событий. Намеренно или нет, но в течение нескольких десятилетий на Востоке Украины поддерживалось аксиологическое напряжение. Политические элиты сознательно использовали культурную специфику региона в собственных целях, не задумываясь о возможных последствиях. Но нужно понимать, что «столкновение аксиологий» является уровнем конфликта, который может осознаваться (и осознаётся), однако за ним скрывается столкновение более масштабное и существенное.

Проблема заключалась именно в том, что вместо политического процесса, приобретающего онтологическое значение (то есть угрожающее экзистенциальной или онтологической идентичности человека)

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

только в случае межгосударственных столкновений вроде мировых войн, а в других случаях касающегося идентичностей вариативных (идеологических, партийных и т.д.), мы сталкивались с процессами совсем иной направленности. Столкновения последних лет продемонстрировали невозможность удержания политического противостояния на уровне «обустройства» социальной реальности и раз за разом срывали его в «онтологическое пике», в котором субъекты противостояния ощущали угрозу собственной экзистенциальной идентичности и поднимались на борьбу не за политическое первенство, а за жизнь. В такой ситуации разум из инструмента поиска оптимальных стратегий деятельности превращается в лишь один из видов оружия, а аргументы теряют смысл. Именно принципиальная невозможность консенсуса выступает сегодня индикатором присутствия онтологического кризиса. Непонимание этого превращает фронты таких столкновений в бездонные «поглотители» ресурсов энергии, здоровья и человеческих жизней: чем более очевидным является что-то в некоей онтологической эрзац-парадигме, тем более угрожающим и ошибочным оно представляется в альтернативном мире.

Ещё большая угроза состоит в том, что активное влияние на сознание, так сказать, на рациональном уровне, ведёт к непредвиденным изменениям в дорациональных сферах. Раскручивание двух гигантских пропагандистских маховиков, сопровождающее военные действия на востоке Украины, крайне обострило восприятие информации, которая предоставляется среднестатистическому гражданину. Реальные и потенциальные угрозы сместили дискурс в дорациональную плоскость, где релевантной остается только мифологическая или метафизическая концептуалистика, а человек вынужден делать предельный выбор. Примечательно, что этот путь не является естественным и происходит такой выбор скорее под влиянием СМИ и внешних обстоятельств. Но когда речь идёт об акте самосохранения, обратного пути быть не может. Именно поэтому в последнее время происходит большое число «спонтанных» идентификаций, после которых человек становится на одну из сторон конфликта и превращается в непримиримого её адепта.

Такой процесс является необходимым атрибутом военных столкновений, но сегодня Украине очень важно учитывать те негативные

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

последствия, которые будут иметь информационные воздействия на население государства в будущем. Инфернализация населения Донбасса, попытка заручиться поддержкой основной массы украинцев в вопросах ограничения социальных выплат и транспортного сообщения на оккупированных территориях, а также эмоциональные атаки на массовое сознание для обеспечения потребностей мобилизации неоправданно повышают градус психологического напряжения в обществе. Кроме того, та часть населения, которая не чувствует себя непосредственным объектом пропагандистского влияния, подталкивается тем самым к антиукраинским идентификациям. Всё это лишь углубляет аксиологическое противостояние внутри украинского общества и снижает его иммунитет ко внешним деструктивным влияниям.

Действительно ли имеем на Востоке Украины столкновение цивилизаций, или противостояние аксиологий является видимым и возникает вследствие воздействия на сознание и разум людей, отдельных границами искусственно выстраиваемых противоположных реальностей? Если у человека есть готовый, даже больше – очевидный – ответ на подобные вопросы, трудно не заподозрить в нём пропагандистских технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Білокобильський О.В. Релігійні підвалини нації та українська націогенеза / О. В. Білокобильський, Т. М. Мошовський // Практична філософія. – 2007. – № 3 (25). – С. 168–176.
2. Лукман Т. Философия, наука и повседневная жизнь // Лукман Т. Природа философского знания. Часть II. Современная феноменология: состояние и перспективы (критический анализ). Том 2. Реферативный сборник / Т. Лукман. – М., 1977. – 262 с.
3. Тулмин Ст. Человеческое понимание / Ст. Тулмин. – М. : Прогресс, 1984. – 328 с.
4. Юнгер Э. О боли // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Эрнст Юнгер. – СПб. : Наука, 2002. – С. 471–527.

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

У статті досліджується ситуація екзистенційної загрози, пов'язана з руйнуванням соціальної реальності. Зроблено припущення, що саме загроза існуванню тієї структурної частини реальності, яка походить від релігійно-міфологічних форм соціального буття, сприймається людиною як негайний привід до самозахисту. Навмисні зовнішні впливи на людську свідомість призводять до формування ерзац-реальностей, в яких «боротьба за цінності» є лише раціоналізованою формою дораціонального намагання зберегти ідентичність. Але саме пов'язаний з цим самозахистом стан розуму й дозволяє розпалювати конфлікти, подібні до східноукраїнського.

Ключові слова: соціальна реальність; ідентичність; об'єктивне; інтерсуб'єктивне; міф; буття.

The article examines the situation of the existential threat, connected with the destruction of social reality. Suggested that the threat to the structural part of the reality, which was formed on the basis of religious and mythological forms of social existence, is seen as an occasion for self-protection. Targeted external influence on human consciousness lead to the formation of ersatz realities in which «the struggle for values» represents only a rationalized form pre-rational commitment to preserving identity.

Keywords: social reality, identity, objective, intersubjective, myth, being.

REFERENCES

1. Bilokobylskyi O., Moshovskyy T. (2007), Religious foundations of the nation and genesis of the Ukrainian nation, Practical philosophy, № 3 (25), pp. 168–176 (ukr).
2. Luchman Th. (1977), Philosophy, science and the common life, in The nature of the philosophical knowledge, P. II, Contemporary phenomenology: status and perspectives (a critical analysis). V. 2, Moscow, 262 p. (rus).
3. Toulmin S. (1984), Human understanding, Progress, Moscow, 328 p. (rus).
4. Junger E. (2002), On the pain, in The worker: power and gestalt, Science, Moscow, pp. 471-527. (rus).

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 141.7:111:130.2

Ксения ГУРЖИ

аспирант кафедры философии

Центра гуманитарного образования НАН Украины,

*эксперт Украинского института стратегий глобального развития и
адаптации*

НЕЛИНЕЙНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОЯВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ФАКТОРОВ В ЛОКАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО РЕГИОНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье предлагается взглянуть на город как на регион социальной реальности. Обосновывается тезис, который определяет процессы, протекающие в городе, как нелинейные, показано, что поиск предельных (иррациональных) оснований функционирования общественного порядка городского сообщества может заполнить исследовательскую лауну в объяснении влияния нелинейных факторов и их последствий на изменения в социальном бытии. Предлагается взглянуть на восточнoукраинский конфликт как на результат действия конфликтогенных факторов в сочетании с детерминированными мифом города стратегиями поведения горожан.

Ключевые слова: *нелинейность, социальная реальность, город, миф города.*

Украинское общество последних лет все чаще пользуется моделями поведения западного европейского сообщества. Это демонстрируют социально-политические события, майданы (начиная от 2004 года) и «Революция достоинства». Но по своей социальной актуальности причины и последствия таких гражданских актов все же несколько иные, чем те, которые «обустраивают» повседневную жизнь европейца и защищают социальный порядок европейского общества. Украинцы сталкиваются с тем, что такое «копирование» приносит иногда проти-

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

воположные результаты потому, что не учитывается контекст страны, ее истории и времени. Если вспомнить ход событий зимы 2013-14 гг. в разных городах Украины, то можно увидеть, что процессы не просто были неоднородными, часто они были противоположными.

Что же лежит в основании того социально-культурного пространства, в котором разворачивается жизнь рядового украинца? Считаем, что названная неоднородность вырастает на почве особенности локальных интерпретаций общегосударственных нарративов, в соответствии с наличным городским сознанием того характера, менталитета и стереотипов поведения, которые присущи горожанам.

Разные города не одинаково реагируют на те или иные факторы и запросы, например, жители городов называют разных национальных героев, или же по-разному определяют свои эмблемы. Мы видели, что города, которые, по мнению историков и политологов, принадлежали к общей исторической области и довольно подобно высказывались на общегосударственных выборах, по-разному реагировали на, казалось бы, одни «сигналы», а вот дальнейшая судьба этих городов была вообще противоположной. Сказанное касается не только украинских городов и не столько революционных или военных событий. Констатируем, что реакция городского сознания, реакция того или иного города на тождественные события (сигналы) – разная, непредсказуемая с точки зрения логики протекания определенного социального процесса и зависит от определенных внутренних факторов.

Целью данной статьи выступает экспликация тех факторов, которые лежат в фундаменте нелинейности городского сознания и городского региона социальной реальности в качестве плоскости развертывания этого сознания и мышления; которые влияют на поведение и реакцию городского сообщества в целом и каждого горожанина в частности.

Вопрос нелинейных процессов изучается многими научными дисциплинами разной направленности. Абстрактное измерение вопросов нелинейности изучается точными науками наподобие логики или математики и в междисциплинарных исследованиях синергетической направленности. Свой вклад вносят общественные и гуманитарные дисциплины, погружая полученную методологию в социальную и антропологическую плоскость.

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Исследованию синергетики в качестве методологического принципа, посвящены работы В. Степина [7; 8], основания линейных и нелинейных стратегий поведения предметно описаны в трудах Ю.А. Полунина и И.Н. Тимофеева [5], исследованию города, в качестве части сложноорганизованной структуры социальной реальности положено начало в работах В. Туркиной [10] и Э. Сайко [6]. Также в данной статье используются результаты статистических и социологических исследований Центра Разумкова, Агенства Research & Branding Group, Фонда им. Илька Кучерива [3; 4], материалы журнала «Национальная безопасность и оборона». Также информативным можно считать системный материал монографии «Донбасс в этнополитическом измерении» [2]. Но все же, существует определенный недостаток работ, касающихся оснований нелинейного характера жизненных практик городского сообщества.

Уверенность человека в будущем, в правильности устоявшегося порядка вещей – детерминирована картиной мира современности (научной картиной мира), образованной общими принципами естественной методологии и мировоззрения. Каждый факт, в том числе и жизненный – проверяется, имеет свою логику, по нему можно собрать статистические данные, которые дадут представление о закономерностях событий и уверенность в возможности их моделирования. Если провести аналогию между куновской теорией «нормальной науки», согласно которой деятельность ученого по решению головоломок требует знания правил, детерминирующих деятельность человека согласно господствующей парадигме, то действия человека в повседневной жизни есть «нормальной жизнью», при которой каждое действие человека не выбивается за рамки усвоенной картины мира. Ю.А. Полунин в монографии «Нелинейные политические процессы», определяя линейность, в качестве элемента мировоззрения, обращает внимание, что она склонна к апологетике определенного ценностного институционального инварианта, и к подходу к истории как движению в сторону подобного инварианта [5, 6]. В этом смысле линейными, по мнению ученого, являются социалистические или либеральные программы развития общества с их движением в сторону всеобщего блага.

Но и научная парадигма, и социальная действительность столкнулись с фактором случайности. Все социальные факты, выбивающиеся из стройной теории – это результат случайности, неучтенных в линей-

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

ной теории переменных, которые вызывают нестабильность системы, ее бифуркацию (которая определяется нами вслед за В. Степиным [7] как термин из категориального аппарата синергетики и является фазой изменения устойчивой работы системы). Процессы, динамика которых трудно объясняется с позиции научных методов и подходов, или решение которых не является однозначным – получают название нелинейных. Нелинейное развитие общественных процессов проявляется при анализе динамических систем. Такой анализ проводится в рамках синергетического подхода, который сосредоточивает свое внимание на неустойчивых процессах, на состояниях динамического хаоса, порождающих ту или иную организацию, порядок. Любая система вступает во взаимодействие с другими системами, и при этом сама может иметь сложную структуру. Она может обмениваться веществом, энергией, информацией с окружающими ее системами [8]. Вся эта сложная сеть взаимодействий может быть представлена интегрально как нелинейная среда или набор нелинейных, в том числе и социальных по своей природе, сред.

С точки зрения синергетического подхода, города являются сложными системами, которые, по меткому замечанию В. Туркиной, «единые в своей генетической основе социально-пространственные организованные структуры, находящиеся в разных фазах развития. На каждом этапе исторического развития город возникает как носитель соответствующих форм и норм социально-экономических, социокультурных отношений, выступает как саморазвивающийся организм организации социального пространства» [10, 180].

Такой организм является частью более широкой системы – социальной среды и социальной реальности, но каждый новый город, в процессе формирования, выделяется из социально-пространственной структуры того общества, в эпоху которого он возникает. Поэтому при исследовании процессов, в которые вовлечено городское сообщество, нельзя не учитывать эти основополагающие индивидуальные особенности, заложенные при формировании города.

Несмотря на различные аспекты, которые попадают в поле зрения исследователей городов, все они интуитивно чувствуют, что город выступает обособленной реальностью. Например, Э. Сайко пишет о городе: «есть нечто общее, что образует его специфику, как особого соци-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ального организма во все эпохи и в разных регионах, это и определяет его как город» [6, 17], при этом город понимается как «единый особый общественный организм, который существовал и существует как объективная реальность, выделяясь в общественном сознании» [6, 5].

В плоскости мировоззренческих установок жителей разных городов конфликтогенные факторы, раскачивающие городскую систему, запускают в действие механизмы, которые заставляют городское сообщество сплотиться вокруг собственной идентичности, исторической памяти, общественной памяти, стереотипных линий поведения (поведенческих установок), заставляют обращаться к тому пласту категорий, которые фундируют городское сообщество. Их кристаллизация, как правило, проходит свой путь, и формируется в результате бифуркации, меняющей ценностную основу города. Корни такой разной реакции на одинаковые события в городах просматриваются в функционировании специфического принципа городского мышления, который можно определить как миф города.

Миф города отмечен особенностями местного менталитета и строится на самовосприятии и на восприятии собственного города, он становится эмблематическим нарративом о городе, складывающимся под влиянием природных, геополитических, этнических, общественных и многих других факторов и становится следствием оформления символического пространства в движении исторических особенностей развития локального сообщества которое складывается под влиянием природных, геополитических, этнических, общественных и многих других факторов становится последствием оформления символического пространства в духе исторических особенностей развития локального сообщества¹ [1].

Для более наглядной иллюстрации этого тезиса обратимся к исследованиям, касающимся города Донецка [1, 268]. С первым этапом формирования донецкого мифа вместе с оформлением специфического мировоззрения в неразрывной связи с которым формировался этот миф, связана индустриализация края, которая ставила перед представителями традиционного общества задание освоить такие виды труда,

¹ Также см. статью автора данного материала: «Социальная реальность: городское пространство мифологического».

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

которые до этих пор не практиковались. Призывание к выполнению исключительного труда, связанного со смертельной опасностью, привело к возвышению коллектива этих работников, предоставило ему моральное право в соответствии со своей избранностью не подчиняться привычным правилам существования социума, их маргинальное поведение стало оправдываться способом существования: «напряжение экзистенциального «стояния на краю», которое в представлении православного крестьянина характеризовало работу в «аду», и обратная сторона такого нарушения «нормального» порядка вещей, нарушение этических норм – буйство и беспробудное пьянство вылилось в общие черты «донецкой» ментальности периода формирования города» [1, 266]. Далее, первичная, шахтерская мифологема, согласно которой человек героически борется со стихией (Хаосом подземного мира) после «водораздела» революции трансформируется, искривляется и сплавляется с мировоззрением нового государства, в состав которого входят земли Донецкого региона. С тех пор идеологическое соответствие рабочих шахтерского города идее советского труженика и его космической роли, явное индустриальное назначение города, породили веру в связь их благосостояния с процветанием предприятий, и произошла закладка общественных практик и штампов поведения под влиянием советской идеологии. Третий этап формирования донецкого мифа, на котором его социальный и культурный контекст испытывает трансформации и изменения в 90-х – 2000-х гг., связанный с перерождением советской мифологемы о классовой и трудовой исключительности в новую нарративную историю о донецкой избранности, релевантной новым социальным и культурным реалиям.

Шахтерская составляющая донецкого мифа – это еще один нестабильный фактор в социальном прогнозировании. Но стоит помнить, что его действие также вписывается в логику работы донецкой «особости-особенности». Эта исключительность обозначает все планы существования горожанина. Она сложилась на первых этапах как результат образа жизни, связанного с изнурительным трудом (шахтеры иногда по несколько дней не поднимались на поверхность) и непригодным бытом, смертельной опасностью и тяжелыми «загулами», но при этом и с возможностью хорошо заработать и в дальнейшем вошла в

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

структуру локальной идентичности. И. Митин отметил, что ощущение исключительности территории ведет к формированию мнения об «избранности народа». Для Донецка это избранность населения, появившаяся в рабочей среде в виде особого донецкого менталитета, «железного донецкого характера».

Другим важным аспектом, который объясняет поведение Донбасса в периоды флуктуации (случайных отклонений в системе) выступает особенность развития взаимоотношений жителей городов востока Украины с местной властью, элитами и крупным бизнесом. Это также результат восприятия себя как исключительного коллектива, представители которого, что логично, имеют исключительный талант к бизнесу и успешны в нем. Такая лояльность к бизнесу и деловым структурам строится на ощущении отдачи от них для общего блага. Например, перед проведением Евро-2012 в Украине киевская Research & Branding Group, львовский Украинский фонд «Общественное мнение» и донецкая компания ДИАЦ провели опрос «Кто, по мнению жителей Донецка и Львова, приложил больше усилий для проведения Евро-2012 в их городе», по которому из всех городов Донецк отдал наибольший процент за вклад бизнеса и деловых структур [4]. Этот высокий уровень доверия жителей Донецка к представителям бизнес-элиты стал основанием считать его рычагом к «радикализации населения в регионах» [3]. Поэтому, нельзя не учитывать внутренние мотивы и интересы «капиталистов Донбасса», но нельзя делать вывод, что конечный результат этого конфликта соответствует их ожиданиям. Это наглядно демонстрирует «работу» нелинейных процессов, ведь согласно синергетической теории, поскольку флуктуации носят случайный характер, то состояние системы после бифуркации обусловлено суммарным действием случайных факторов.

Созвучно, сегодняшнюю ситуацию в Украине коллектив авторов монографии «Донбасс в этнополитическом измерении» считает логическим следствием «целенаправленного действия донбасских групп правящего класса Украины (известных еще как «хозяева Донбасса») – именно так уже привычно титулуется крупный бизнес, становление и развитие которого в регионе происходили в тесных связях с криминалитетом и коррумпированной криминализированной властью) с «привитием» жителям региона неадекватных представлений об общности

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

социально-экономических и политических интересов этих групп с интересами всего донбасского населения» [2, 540].

Это утверждение выглядит самоочевидным и убедительным, но за описанной ситуацией стоит не просто просчитанная манипулятивная воля политической и других элит, а экзистенциальное чувство сообщества Донбасса что этот выбор следует из онтологических оснований их существования, корни которого тянутся к мифу города.

Кроме того, как указывает Е. Тараненко, «мифологема сильного донбасского характера стала основой мифа о «донецких», что устроили у себя в городе особое государство «беспредела» и экспансирующих этот порядок по всей Украине; мифа откровенно агрессивного, уже не промышленно-героического, не экономически-успешного, а уголовно-героического характера» [9, 106]. То есть у мифа города есть и, так сказать, внешнее бытие, в том числе в восприятии его другими городами.

Еще раз подчеркнем, что речь идет о примере нелинейной «работы» мифа одного из украинских городов, но подобный иррациональный миф лежит в основе каждого города, он меняется вместе с историческими контекстами, в которых оказывается городское сообщество и регулирует его поведение. Поэтому при исследовании города как пространства динамических процессов мы должны учитывать влияние со стороны того иррационального фактора, который составляет комплекс устойчивых представлений «о самом себе» и играет решающую роль в формировании социальной идентичности. Город как структура самоорганизующаяся своей непосредственной характеристикой имеет нелинейность, разные города развиваются в соответствии с различными внутренними интенциями и, что в контексте данной статьи является важнейшим, они по-разному реагируют на казалось бы тождественные внешние воздействия: такие динамические процессы, как революции, демографические взрывы, ускоренная урбанизация или деурбанизация, индустриализация городов или просто кризисные явления – все это состояния, в которых так или иначе может оказаться любой город, но стратегии выбора механизма поведения в подобных процессах зависят именно от особенностей городского сознания, «замешанного» на мифе города.

Миф конкретного города появляется с идеей этого города и регулирует все аспекты социальной жизни сообщества. Как правило, он не

Восточнокриайнский конфликт в контексте глобальных трансформаций

вычленяется, мифологический нарратив не дискурсивен и воспринимается не критически, а просто входит в повседневную жизнь, по А.Ф. Лосеву, он является «актуальной реальностью», что коренится в «онтологической» структуре социальной реальности города и городского сознания, которое на нее опирается. Городской регион социальной реальности является модусом существования общекультурной реальности, но таким, который всегда обладает собственными принципами организации и существования. Это напоминает мнение О. Шпенглера, который в «Закате Европы» отмечал наличие связи между культурой и тем «отграниченным ландшафтом», к которому она остается привязанной, наподобие растения.

Хотя в статье удалось коснуться лишь нескольких примеров нелинейной «работы» мифа города, они все же позволяют показать направление, в котором следует двигаться при исследовании таких неравновесных систем, как города. Ведь городской социум обращается к городскому мифу и в нем ищет спасение и «подсказку» стратегий поведения. Миф города, таким образом, выступает тем нестабильным фактором в актуализации стратегий развития и поведенческих стратегий, выводит систему города из равновесия, и толкает ее на неожиданное действие, на нелинейные стратегии поведения. Очевидно, что этот иррациональный фактор проявился в украинских событиях год назад и до сих пор играет свою незаурядную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Білокобильський О. В. Миф Донецька. Онтологія самосвідомості міста. / Олександр Білокобильський, Ксенія Сидорова // Схід. – № 6(126). – Донецьк: ТОВ Східний видавничий дім, 2013. – С. 265 – 269.
2. Донбас в етнополітичному вимірі. – К.: ІПіЕНД імені І.Ф. Кураса НАН України, 2014. – 584 с.
3. За діями місцевих радикалів на сході України стоять російські сили. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.razumkov.org.ua/ukr/expert.php?news_id=4722.
4. Исследование Фонда «Демократические инициативы имени Илька Кучерива» и Социологической службой Центра Разумкова. [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://ua.racurs.ua/437-sylou>

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

prydushyty-akciyi-protestu-ne-vdastsya-sociology.

5. Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы / Ю.А. Полунин, И.Н. Тимофеев. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 204с.

6. Сайко Э. В. Древнейший город: природа и генезис: Ближний Восток, IV–II тыс. до н. э. – М.: Наука, 1996. С. 1-17.

7. Степин В.С. О философских основаниях синергетики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/o-filosofskikh-osnovaniyakh-sinergetiki-v-s-stepin/>.

8. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/index.shtml>.

9. Тараненко О. В. Донецкая мифология: смена концептов, или Уголь, Розы и Футбол. // Метафізика Донецька. Філософські есе. – Донецьк: Донецьке відділення Наукового товариства ім.Шевченка, ТОВ Східний видавничий дім, 2012. – С. 86-110.

10. Туркина В.Г. Город в постнеклассической парадигме // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – № 4/2008. – С. 179-187.

У статті пропонується поглянути на такий регіон соціальної реальності як місто. Обґрунтовується теза, що визначає процеси, які перебігають в місті, як нелінійні, й показано, що пошук граничних (іраціональних) підстав функціонування соціального порядку міської спільноти може заповнити дослідницьку лакуну в поясненні впливу нелінійних факторів та їх наслідків на зміни в соціальному бутті. Пропонується поглянути на східноукраїнський конфлікт як на результат дії конфліктогенних чинників вкупі з детермінованими міфом міста стратегіями поведінки городян.

Ключові слова: нелінійність, соціальна реальність, місто, міф міста.

The article offers a look at the such region social reality as a city. The thesis, which defines the processes taking place in the city as non-linear, it is shown that the search limits (irrational) reasons of public order operation of the urban community could fill a gap in the research explaining influence of

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

nonlinear factors and their impact on changes in social being. It is proposed to take a look at The East conflict as the result of conflict-factors in conjunction with deterministic myth of the city, the strategies of behavior of citizens.

Keywords: *nonlinearity, social reality, city, the myth city's.*

REFERENCES:

1. Belokobylskiy A., (2013), Skhid, 6(126), Donetsk, pp. 265 – 269. (ukr).
2. Donbas in Ethno-Political Dimension, (2014), I. F. Kuras Institute of Political and Ethnic Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, 584 p. (ukr).
3. The actions of local radicals in eastern Ukraine are helping pro-Russian forces, available at: http://www.razumkov.org.ua/ukr/expert.php?news_id=4722. (ukr).
4. Racurs.ua, (2014), January 23, available at: <http://ua.racurs.ua/437-sylou-prydushty-akciyi-protestu-ne-vdastsya-sociology>. (ukr).
5. Polunin Y.A., Timofeyev I.N., (2009), Nonlinear political processes, MGIMO-University, Moscow, 204 p. (rus).
6. Saiko E.V., (1996), Ancient city: the nature and genesis, Science, Moscow, pp. 1-17. (rus).
7. Stepin V.S., On philosophical grounds of Synergetics, available at: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/o-filosofskix-osnovaniyax-sinergetiki-v-s-stepin/>. (rus).
8. Stepin V.S., Self-developing systems and postnonclassical rationality, available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/index.shtml>. (rus).
9. Taranenko O. (2012), Metaphysics Donetsk. Philosophical essays., Ltd East Publishing House, Donetsk, pp. 86-110. (rus).
10. Society. Environment. Development (Terra Humana), (2008), 4, pp. 179-187. (rus).

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

УДК 327.5

Вера ДОДОНОВА

*доктор философских наук, профессор кафедры философии
Донецкого национального университета,
эксперт Украинского института стратегий глобального
развития и адаптации*

КОНСЕРВАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АБЕРРАЦИЯ ДОНБАССА

Статья посвящена анализу политической ситуации на Востоке Украины, исследованию причин военного конфликта в данном регионе. В первом смысловом блоке статьи обосновывается, что Донбасс в его нынешнем виде является продуктом советской индустриализации, и потому для массового сознания характерны ностальгические настроения по недавнему прошлому. Именно с социализмом связываются раздающиеся призывы к социальной справедливости, равноправию, народовластью, против воровства, коррупции, олигархов, против частной собственности. Хотя эти положения не зафиксированы под рубрикой «построение социализма в ДНР и ЛНР», жители этих политических новообразований во всех начинаниях склонны усматривать именно социалистическую составляющую. Самопровозглашенная власть вынуждена считаться с настроениями масс, разделяя социалистическую риторику хотя бы «по внешней форме». В статье проанализирована программа общественно-политического движения «Партия Новороссия». Второй смысловой блок статьи посвящен исследованию стратегии консервативной модернизации в России, которая включает в себя: во-первых, консолидацию элит, во-вторых, бескомпромиссную борьбу с нравственным оправданием нарушений писаного закона, в-третьих, движение к реалистичному законодательству. Курс на консервативную модернизацию не предполагает социалистических методов в управлении государством и функционировании экономики. Таким образом, существует реальное противоречие между политическими ожиданиями некоторых жителей ДНР и ЛНР по реставрации социализма и реальными

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

преобразованиями в самой России, которые не имеют никакого отношения к социалистическим преобразованиям.

Ключевые слова: *аберрация, конфликт, социализм, модернизация, консервативная модернизация.*

Политическая ситуация в Украине на сегодняшний день является крайне напряженной и нестабильной, что выливается в военные действия на востоке страны. Драматические события на Донбассе по-новому заставляют взглянуть на устоявшиеся формы управления государством, способы принятия политических решений, стереотипы по поводу взаимоотношений политической власти и населения. Украинская политическая элита, с одной стороны, предпринимает попытки к урегулированию пульсирующего конфликта, с другой стороны, демонстрирует явно нетолерантное, агрессивное отношение к населению, забывая, что если «Донбас – це Україна», то и люди, живущие на той территории – полноценные украинские граждане. Складывается впечатление, что иррациональные составляющие в управлении превалируют над рационально обоснованными решениями. Или же мы имеем дело с взвешенным эгоистичным подходом к решению политических вопросов.

Сегодня в научной и публицистической литературе, в средствах массовой информации обсуждается масса факторов, приведших к войне на Донбассе, среди которых политические, геополитические, экономические, культурные. Можно предположить, что одним из факторов, который спровоцировал военный конфликт на Донбассе, свидетелями и жертвами которого мы являемся, есть ментальные отличия между регионами Украины, отличия между ценностно-мировоззренческими установками жителей востока, центра, запада страны. Самое упрощенное понимание ментальности было дано в небольшом сборнике под названием «Споры о главном», который появился в 90-е годы прошлого столетия. Ментальность там трактовалась как «осадок истории», «память народа о прошлом». Очевидно, что у разных регионов Украины своя индивидуальная, выстраданная память, которой в современных условиях кто-то умело манипулирует. Одной из болезненных тем, ставшей предметом манипуляции, является отношение к социалистическому прошлому.

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

Целью данной статьи является оценка массовых ожиданий населения новых государственных образований на востоке Украины в отношении социалистических преобразований и соотнесение этих ожиданий с господствующими в России стратегическими установками.

Представляется бесспорным факт, что Донбасс в его нынешнем виде является продуктом советской индустриализации. Уже в силу этого население Донбасса склонно идеализировать все, что связано с советским периодом истории. Старшие возрастные категории продолжают отождествлять себя с советским народом, даже невзирая на то, что вот уже почти четверть века такой общности не существует. Донбасс является тем регионом Украины, где события советской истории постоянно актуализировались, здесь живы воспоминания о социалистическом прошлом, более того, они постоянно муссировались и подпитывались. Искусственным образом поддерживался и поддерживается постоянный дискурс, который может быть пролонгирован каждым из его участников. Исходя из явления интертекстуальности, каждый участник дискурса может по-своему интерпретировать те или иные события или факты, вносить свои коррективы, свое исключительно субъективное понимание, т.е. конструировать социальную реальность, выстраивая свой маленький *Lebenswelt*.

Дискурс, который разворачивается в оккупированном Донбассе по поводу «светлого будущего» подкрепляется автоматными очередями, залпами из установок «Град» и «Смерч», что делает его более драматичным, а лозунг «построение общества без олигархов» нашел отклик не только среди стареющего населения, но и среди части молодой генерации Донбасса. Все «нюансы» гражданской войны жители этого региона знают не только из художественной литературы, но и прочувствовали на «собственной шкуре», чем и отличаются от теоретизирующих представителей «диванной сотни».

Политическое пространство востока Украины сегодня описывается известной дилеммой «Друг-враг», предложенной немецким политическим философом Карлом Шмидтом. Степень интенсивности социальных отношений дошла до крайности, за которой стоит ненависть и злоба, готовность видеть в оппоненте врага. И если одна часть населения ожидает «освобождения/завоевания» со стороны России, то

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

другая – со стороны Украины. Жители, демонстрирующие либерально-демократические ценности, хотят возвращения украинского политического поля, в то время как ориентированные на авторитарные формы правления, наоборот, мечтают влиться в российское политическое пространство, в «СССР-2».

В массовом сознании донбассовцев живы не только светлые воспоминания о «молодых годах», наполненных упорным созидательным трудом, но и надежды на возрождение советского строя. Социализм на Донбассе отнюдь не является чем-то критически преодоленным, он по-прежнему остается справедливейшим и желаннейшим социальным устройством. Негативные аспекты реального коммунистического строительства не затмили в умах восточных украинцев в целом позитивного социалистического идеала. Поэтому не удивительно, что от новой власти они ждут преобразований в духе реставрации советских порядков. И именно с социализмом связываются раздающиеся призывы к социальной справедливости, равноправию, народовластию, против воровства, коррупции, олигархов, против, что важно, частной собственности.

Примечательно, что данные ожидания изначально не являлись чем-то вербализованным, зафиксированным в программных документах новых властей, в речах лидеров Новороссии и прочих документах. Однако, несмотря на это жители Донбасса во всех начинаниях политических новообразований склонны усматривать именно социалистическую составляющую. Если на ранних этапах противостояния на востоке Украины обе стороны видели в жителях контролируемых территорий лишь пассивную массу, своего рода «приз», доставшийся победителю, то по мере затягивания конфликта все более важной становилась поддержка населения, в том числе электоральная. Следовательно, самопровозглашенная в Донецке и Луганске власть вынуждена была считаться с настроениями масс, разделяя социалистическую риторику хотя бы «по внешней форме». С особой силой это проявилось накануне выборов руководства ДНР и ЛНР 2 ноября 2014 года.

Обратимся к Программе общественно-политического движения «Партия Новороссия», напечатанной в газете «Новороссия» № 1 от 21 мая 2014 года.

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

Первое положение этого документа гласит: «Создание Государства Новороссия – это не только вывод всех юго-восточных земель Украины из подчинения киевской власти, не только освобождение от гнета фашистской хунты, но и построение нового, по-настоящему справедливого, научно, технологически развитого государства, все ресурсы которого не на словах, а на деле принадлежат народу и полностью используются ему во благо» [1, 1]. Тут же акцентируется внимание на федеративном устройстве народного государства. «Государство Новороссия будет суверенным государством, учрежденным волей народа, который является единственным источником власти. Основой государственного устройства Новороссии будет являться народовластие, базирующееся на принципах прямой демократии при принятии важнейших решений, определяющих будущее народа и государства» [1, 1].

Второе положение касается экономической системы Новороссии, а именно: «земля, ее недра, воды, растительный и животный мир, а также крупные промышленные и финансовые активы, созданные трудом народа, не могут находиться в частной собственности. Пользование и распоряжение природными богатствами не может осуществляться в ущерб интересам народа». Ключевым моментом этого положения является базовое для социализма отрицание частной собственности. Правда, далее сказано, что «экономическое устройство Новороссии будет базироваться на принципах социальной справедливости и многоукладности» [1, 1].

Такая позиция находит отклики в сердцах людей в этом регионе, так и не нашедших ответа на вопрос о том, почему созданное всем советским народом на протяжении нескольких поколений досталось нескольким семьям? Потому, что они оказались более хитрыми, ушлыми в вопросах «справедливого распределения» социалистической собственности? То, что творилось в эпоху Перестройки, вызывало обиду, боль, гнев донбассовцев, основная масса которых вынуждена была выживать, хотя в последнее время существования советского государства привыкла жить достойно. Очевидно, что такой социальный всплеск на Донбассе имел свои серьезные основания, и украинские власти должны были его предвидеть и упредить. С другой стороны, обворовывали-то

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

народ свои «родные» местные олигархи, которые просочились на самую вершину политической лестницы.

Далее. В программе указывается, что «результаты экономической и хозяйственной деятельности народа Новороссии, а также эксплуатация промышленных и финансовых активов, находящихся в государственной собственности, будет принадлежать всему народу, и может быть использована только во благо народа, посредством справедливого распределения» [1, 1]. Таким образом, в Новороссии декларируются равные возможности для всех ее жителей. Обеспечение равных возможностей будет достигаться антикоррупционной деятельностью государства. «Обогащение через воровство и коррупцию невозможно. Оплата труда каждого человека станет мерой полезности этого труда для общества». Между строк просматривается знакомый лозунг: «От каждого – по возможностям, каждому – по потребностям». И заканчивается экономический блок программы тем, что мелкая частная собственность все же будет существовать: «...небольшое производство и объекты экономической деятельности, созданные руками частных, могут находиться в руках частной собственности. Далее, участки земли, используемые для индивидуального проживания или индивидуальной сельскохозяйственной деятельности, могут находиться в пожизненном пользовании с возможностью унаследования права пользования» [1, 1]. Таким образом, экономические устои предполагаемого государства, безусловно, ближе по своей сути к социализму, нежели к либерально-демократическому государству западного типа.

Не менее выразительны и положения раздела «Социальная сфера и культура Новороссии» анализируемой Программы. Следует отметить, что в нем декларируется следующее положение: «Социальное устройство Новороссии будет базироваться на принципах равноправия, справедливости, свободы вероисповедания и культурной самоидентификации» [1, 1]. Вряд ли кто станет возражать против реализации подобного тезиса. Вместе с тем, нормативной формой духовного и религиозного воспитания будет являться принадлежность к Русской православной церкви Московского патриархата, что «вполне допускает свободу вероисповедания, за исключением чужеродных для русской культуры форм агрессивных тоталитарных сект» [1, 1].

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

Особо следует выделить геополитическую составляющую программы, обращая внимание на то, что конечной целью Новороссии как государства является «воссоединение с Большой Россией культурно или непосредственно». Далее читаем: «С точки зрения геополитики Новороссия будет ориентирована на евразийский вектор развития и придерживается приоритетности налаживания стратегических отношений с государствами Востока, в первую очередь в рамках евразийских наднациональных структур». Сотрудничество же с государствами Запада возможно лишь в том случае, если они «с геополитической точки зрения ориентированы на Россию» [1, 1]. Что касается вхождения Новороссии в состав военных блоков, то в документе отмечено, что она будет входить в те военно-политические блоки, в которые входит Россия. Иными словами, изначально закладывается несамостоятельность внешней политики проектируемого государства и его зависимость от Российской Федерации. Хотя, по этому поводу нет единой точки зрения среди приверженцев Новороссии.

В философии есть очень интересная и всегда актуальная проблема – это проблема соотношения должного и сущего. Программа – это именно «должное», и в этом отношении ее положения не вызывают неприязни. Больше того, они заслуживают уважения как попытка выправить просчеты, ошибки, а то и намеренные злоупотребления власти нашей страны. В целом, в программе декларируются демократические ценности, тоталитарный дух не просматривается между строк. Общественное движение «Новороссия» стремится сделать счастливым «маленького человека» (правда, в разделе «Права и обязанности в Новороссии» упоминается смертная казнь, к которой этот «маленький человек» может быть приговорен по решению народного суда).

С другой стороны, сущее – это далеко не полный объем описанных в программе областей: «На сегодняшний день Новороссия – это политический, культурный, исторический регион, который объединяет Донецкую, Запорожскую, Николаевскую, Одесскую, Херсонскую, Днепропетровскую, Харьковскую и Луганскую области» [1, 1]. Декларируемое таким образом политическое пространство не существует в действительности, а есть лишь умозрительный конструкт или же

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

виртуальная реальность, бытийствующая лишь в потенции. Как политической, территориальной, экономической единицы и именно «на сегодняшний день» Новороссии нет, а есть лишь несколько районов Донецкой и Луганской областей, подконтрольные новой пророссийской власти. Для того, чтобы Новороссия стала действительностью, обрела свое бытие, необходимы военные действия, ибо Украина не собирается отдавать свои территории без сопротивления. Таким образом, еще до воплощения должного в сущее нас ждет война, которая, возможно, изменит все настолько, что о должном будет совершенно другое представление.

Ныне же социалистические ценности есть не более чем лозунги, объединяющие недовольных крайностями украинской политики и жаждущих возрождения СССР. Как-то по умолчанию считается, что Россия отстаивает социальное равенство перед лицом угрозы НАТО, США и ЕС, стремящихся поработить славянский мир. Многие до сих пор уверены, что вооруженные люди на Донбассе отстаивают социализм в борьбе с капитализмом. «Был внедрен лозунг, будто Донбасс сегодня – это Испания 36-го года, боевиков сравнивали с интербригадами, сражавшимися с фашизмом. Стали говорить, что сепаратисты борются с фашистами-олигархами – за социалистическое хозяйство» [2].

При этом как-то забывается, что сама Российская Федерация предельно далека от социалистических ценностей и перспектив. Реверансы в сторону социализма в ДНР и ЛНР – не более чем аберрации (от лат. aberrare – «удаляться, отклоняться»), отход от мейнстрима российской политики. Сегодня в России на повестке дня стоит вопрос не о социалистической, а о консервативной модернизации. В данном словосочетании-концепте ведущую роль играет слово «консервативная», а «модернизация» добавлено больше как дань модной риторике, как своего рода баланс между направленностью векторов в прошлое (консерватизм) и в настоящее. Фактически же речь идет о модернизации системы государственного капитализма с переводом лишенных профсоюзов тружеников на права крепостных.

По мнению политолога Иосифа Дискина, ключевая проблема консервативной модернизации – это переформатирование всего институционального пространства в соответствии с консервативными

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

ценностями большинства. «Дело в том, – пишет он, – что «либеральные» институты в нелиберальной социальной среде неизбежно генерируют лицемерие и цинизм, поощряют уклоняющееся, или, по-ученому, оппортунистическое поведение, нравственное оправдание нарушения законных норм» [3, 5].

Основными условиями консервативной модернизации являются, во-первых, консолидация элит: «..необходима консолидация тех, кого мы сами признаем «своими», с кем готовы взвешено и ответственно обсуждать насущные проблемы страны, с кем можем договариваться о совместных действиях... Необходима не просто идейная, но идейно-политическая классовая консолидация». Во-вторых, «...бескомпромиссная борьба с нравственным оправданием нарушений писаного закона. Консерватор, ценящий в себе нравственные основания собственных действий, призван отбросить навязанную еще нигилистами догму, что настоящий интеллигент обязан противостоять власти. ...Важно, чтобы хотя бы среди своих была проведена жесткая селекция лидеров общественного мнения по хорошо известным критериям профессионализма, патриотизма и гражданской ответственности». Необходимо преодолеть ситуацию, «когда общественный статус создается безоглядной критикой любых, даже насущных действий власти». В-третьих, нужно двигаться к реалистичному законодательству. Принцип «нарисуем-будем жить» все еще правит бал у наших законодателей. Нужно сломать эту порочную систему. Консервативная традиция требует оценивать реальные возможности перемен социальных практик, которые намеряемся регулировать» [3, 5].

Как видим, духовная ситуация в современной России направлена не на прогрессивное восхождение, а на закрепление сложившихся отношений с ярко выраженной идеализацией прошлого. Находящиеся при власти российские олигархи не заинтересованы в изменениях, инициируемая ими манипуляция массового сознания апеллирует к образцам досоветской, имперской, православной идентичности. «При этом, – пишет М. Кантор, – олигархи Кремля, которые богаче украинских, вооружают Донбасс. Освобожденные от ига украинских богачей, рабочие не сплотятся в коммуны; да это и не пролетариат – рабочие и их семьи бегут. При этом лидеры Донбасса говорят о присоединении к России, в

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

экономике которой социалистических намерений ни на грош. На флаге Донецкой республики изображен российский монархический двуглавый орел, премьер-министр ДНР Бородай (генерал ФСБ, присланный из России) заявлял о необходимости воссоздания Российской империи в ее былых границах, а начальник вооруженных сил ДНР – российский полковник Гиркин (Стрелков) заявил, что сражается за монархические ценности» [2].

Консервативная модернизация предполагает исправление «ошибок истории», к числу которых, вне всякого сомнения, Кремль относит и самостоятельность Украины. Россия стремится вернуть утраченные территории, именуя бывшее имперское пространство «Русским миром». Подавление Украины есть ни что иное, как обычная имперская практика: имперская Россия подавляла украинские и польские мятежи регулярно. Советская Россия как наследница Российской империи подавляла мятежную Чехословакию и Венгрию, – проявляя себя не защитницей социалистических идеалов равенства, но охранительницей имперских рубежей. И сегодня Россия воскрешает ту же традицию.

Характеризуя современную Россию, М. Кантор считает, что мы имеем дело с невероятным социальным образованием – постсоциалистическим феодальным строем. «Хозяева квазигосударства представляют собой небывалый в истории социальной науки гибрид: это офицеры госбезопасности – и одновременно миллиардеры. Теоретически комбинация невозможна – но в условиях постсоциалистического феодализма такое оказалось естественным. Сегодняшнее желание России вернуться в статус Российской империи (желание, которого никто и не скрывает) фактически обозначает возвращение к крепостному строю. Именно так, и более никак, можно управлять народом на длинных и бесплодных просторах с разрушенным хозяйством» [2].

Таким образом, реальная (не умозрительная) Россия уже перестала быть привлекательным образцом для подражания. Не потому ли российский футуролог М. Калашников выступает категорически против объединения будущей Новороссии с Россией? «Она ни в коем случае не должна входить в нынешнюю РФ: чтобы не подвергнуться уничтожению индустрии и сельского хозяйства. Попасть под власть нынешних «эффективных менеджеров» – боже упаси! В том и прелесть Новорос-

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

сии, что там никогда не было Гайдара и Чубайса, что в ней до сих пор нет дворковичей, улюкаевых, набиуллиных и силуановых с грефами... Независимая Новороссия должна стать оплотом разумной, проектной промышленной политики. Средоточием аграрного возрождения. В этом смысле эта Новороссия должна стать мощным фактором изменения РФ, ее освобождением от пятой колонны либералов-монетаристов у власти. Можно сказать, что Новороссия станет плацдармом для отвоевания Великороссии, сильнейшим стимулятором развития РФ» [4, 2]. Таким образом, позиция М.Калашникова, не без оснований на то, кардинально отличается от геополитических установок основных идеологов будущей Новороссии.

Резюмируя материал, необходимо остановиться на следующих положениях.

Во-первых, социалистические тенденции на Донбассе имеют глубокие корни, и противопоставить этим сентенциям украинская власть должна только взвешенные решения, которые бы упреждали многие возникающие конфликтные ситуации. В украинском политикуме всегда подчеркивалась «особость» Донбасса. Она носила двойственный характер, регион «изображался» как с негативной, так и с позитивной стороны. Думается, что негативный образ Донбасса активнее поддерживался в общественном мнении, нежели позитивный. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что у донбассовцев за годы существования в СССР небезосновательно выработалась потребительская психология: «мы так тяжело работаем, мы так страдаем, и нам за это государство должно». Но справедливости ради, нужно признать и то, что на Донбассе хотят и умеют работать. Актуальной задачей существующей политической элиты должна стать разработка здоровой идеи объединения Донбасса и Украины в будущем. Необходимо найти такие основания для сближения центра и региона, которые бы положительно изменили и Украину, и Донбасс.

Во-вторых, власти в своих действиях нельзя руководствоваться стереотипами. Те политические лидеры, которые называют всех жителей Донбасса «ватниками», наносят непоправимый урон сегодняшним и, что важнее, будущим отношениям Украины и жителей оккупированных территорий, они наносят личное оскорбление гражданам этого

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

региона. Донбасс – разный, неоднородный: активный и выжидающий, креативный и заурядный, мечтающий и ностальгирующий, агрессивный и обиженный. Одни его представители воюют на стороне Украины, а другие – на стороне ДНР, и это – экзистенциальный выбор каждого человека. Причем, в ополчении ДНР – не только маргиналы и люмпены, как это пытаются втолковать в головы украинцам. Видение сути конфликтной ситуации у восточных украинцев отличается от взгляда на эту проблему украинцев центральной и западной Украины.

В-третьих, в условиях информационной войны и манипуляции сознанием «маленький человек» теряет точку опоры в собственных рассуждениях, в аргументировании своих положений, он «прыгает» с одной политической платформы на другую. На сегодняшний день имеем хаотическое сплетение социалистической, имперской, националистической аргументации, что свидетельствует о неупорядоченности массового сознания. Причем это касается не только некоторых жителей ДНР или ЛНР, но и граждан всей Украины. Поэтому не удивительно, что люди не могут «рассмотреть» действительные основания той или иной политической платформы, а пытаются их домыслить, выдать желаемое за действительное. Это в полной мере относится к проекту Новороссия. Два основных мифа прочно засели в головах людей на Донбассе: «Донбасс может быть Россией» и «Донбасс – это СССР-2».

Каждая страна, как и отдельный человек, принимает решение, она делает свой выбор, несет ответственность за этот выбор, за своих граждан. В свою очередь, каждый человек надеется на правильный выбор своей страны, на рациональность решений, принимаемых в ней. Так взращивается любовь к Родине, к родному краю. Думается, что конфликт различных уровней идентичности – цивилизационного, национального, регионального – это большая трагедия для граждан, вынужденных делать выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа Общественно-политического движения «Партия Новороссия» / Новороссия. – 21 мая 2014 года. – № 1. – С. 1.
2. Кантор М. Империя наизнанку. Как и зачем мы устроили логику и правду в своей собственной истории / Максим Кантор // Новая

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

газета. – 8 декабря 2014. – № 138.

3. Дискин И. Очередные задачи консервативной модернизации / Иосиф Дискин // Известия. - № 238 (29238). – 18 декабря 2014. – С. 5.

4. Калашников М. Новороссия – завтрашняя реальность / Максим Калашников // Новороссия. – 11 июня 2014. – № 3. – С. 2.

Стаття присвячена аналізу політичної ситуації на Сході України, дослідженню причин військового конфлікту в даному регіоні. В першому смисловому блоці статті обґрунтовується, що Донбас у його нинішньому вигляді є продуктом радянської індустріалізації, й тому для масової свідомості властиві ностальгічні настрої щодо нещодавнього минулого. Саме з соціалізмом пов'язуються заклики до соціальної справедливості, рівноправ'я, народовладдя, проти злочинства, корупції, олігархів, проти приватної власності. Хоча ці положення не зафіксовані під рубрикою «розбудова соціалізму в ДНР та ЛНР», жителі цих політичних новоутворень у всіх починаннях схильні вбачати саме соціалістичну складову. Самопроголошена влада змушена враховувати настрої мас, розділяючи соціалістичну риторику хоча б «за зовнішньою формою». В статті проаналізована програма суспільно-політичного руху «Партія Новоросія». Другий змістовний блок статті присвячено дослідженню стратегії консервативної модернізації в Росії, що включає в себе: по-перше, консолідацію еліт, по-друге, безкомпромісну боротьбу з моральним виправданням порушень писаного закону, по-третє, рух до реалістичного законодавства. Курс на консервативну модернізацію не передбачає соціалістичних методів в управлінні державою та функціонуванні економіки. Таким чином, існує реальне протиріччя між політичними сподіваннями деяких жителів ДНР та ЛНР на реставрацію соціалізму й реальними перетвореннями в самій Росії, які не мають жодного відношення до соціалістичних перетворень.

Ключові слова: *аберація, конфлікт, соціалізм, модернізація, консервативна модернізація.*

The article analyzes the political situation in the East of Ukraine, studies the causes of armed conflict in the region. The purpose of this article is to assess the mass public expectations of new state formations in the east of Ukraine

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

with regard to socialist transformation and correlation of these expectations with the strategic installations ruling in Russia. The first semantic unit of the article substantiates that Donbass in its current form is a product of Soviet industrialization, and therefore the mass consciousness is characterized by nostalgia for the recent past. It is with the socialism that calls for social justice, equality, democracy, against theft, corruption, oligarchs and private property are connected. Although these provisions are not recorded under the heading of "building socialism in the DNR and LNR", residents of these political formations in all their undertakings are inclined to see the very socialist component. The self-government is forced to reckon with the mood of the masses, sharing socialist rhetoric at least "in the outer form". The article analyzes the program of socio-political movement "New Russia Party". The second semantic unit of the article studies the strategy of conservative modernization in Russia, which includes: first, consolidation of the elites; second, uncompromising struggle with the moral justification for violations of the written law; and third, movement towards realistic legislation. The course for conservative modernization does not imply socialist methods in public administration and functioning of the economy. Thus, there is a real contradiction between the political expectations of some residents of the DNR and the LNR for the restoration of socialism and the real transformations in Russia itself, which have no relation to the socialist transformation.

Keywords: *aberration, conflict, socialism, modernization, conservative modernization.*

REFERENCES

1. Programma Obshchestvenno-politicheskoho dvizheniya Partiya Novorossiia (2014), Novorossiia, № 1, 21 maya, S. 1. (rus).
2. Kantor M. (2014). Imperiya naiznanku. Kak i zachem mi ustranili logiku i pravdu v svoei sobstvennoi istorii, Novaya gazeta, № 138, 8 dekabrya. (rus).
3. Diskin I. (2014). Ocherednie zadachi konservativnoi modernizatsii, Izvestiya, № 238 (29238), 18 dekabrya, S. 5. (rus).
4. Kalashnikov M. (2014). Novorossiia – zavtrashniya real'nost', Novorossiia, № 3, 11 iyunia, S. 2. (rus).

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

УДК 314145

Ирина КУРИЛО

доктор экономических наук,
заведующий отделом Института демографии
и социальных исследований им. М.В. Птухи НАНУ;

Светлана АКСЕНОВА

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИДСИ им. М.В. Птухи НАНУ

Людмила СЛЮСАР

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИДСИ им. М.В. Птухи НАНУ

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТЯХ В КОНТЕКСТЕ ФАКТОРОВ И ПОСЛЕДСТВИЙ ВОСТОЧНОУКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

В статье анализируется социально-демографическая специфика Донбасса в контексте осмысления факторов и возможных последствий восточноукраинского конфликта. Раскрыты отличительные черты демографического состава, процессов естественного движения населения в регионе, особенности социальной ситуации, рассмотрены основные индикаторы человеческого развития в Донецкой и Луганской областях Украины в преддверие конфликта, а также некоторые его социально-демографические последствия.

Ключевые слова: *социально-демографическая ситуация, региональное человеческое развитие, депопуляция, преждевременная смертность, факторы и демографические последствия конфликта.*

Социально-демографическая ситуация в современной Украине остается кризисной как вследствие тех демографических проблем, которые страна получила в наследство от советского периода, так и сложной и болезненной общественно-экономической трансформации после провозглашения независимости. Несмотря на некоторые положитель-

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ные сдвиги в социально-демографическом развитии Украины за годы, прошедшие в текущем столетии, как-то: сокращение бедности, повышение рождаемости, некоторое снижение смертности и др., в стране продолжается интенсивная депопуляция, слишком низкими, как для европейской страны, остаются показатели продолжительности жизни, здоровья и жизнеспособности населения, значительными – масштабы социального неравенства и отторжения и т. п.

Анализ экономической и социально-демографической динамики в Украине за текущее столетие демонстрирует общую разбалансированность тенденций экономического и социального развития, то есть дает основания утверждать, что в нашей стране экономический рост в целом не конвертировался в стабильное человеческое развитие [1; 2, 45]. Особенно показательным в этом отношении оказалось положение именно в крайнем восточном регионе страны – Донбассе.

Донецкая и Луганская области – это регион, где самый высокий в Украине (за исключением Киева) средний уровень пенсии и средняя заработная плата (в Донецкой области), в целом более высокий уровень благосостояния сочетались с особой остротой социально-демографических проблем. С одной стороны, это является следствием сложной общественно-экономической и экологической ситуации, а с другой – создает основу для их дальнейшего обострения. Исследование территориальной специфики демографических процессов в Украине, их региональной дифференциации показывает, что по большинству социально-демографических показателей (масштабы депопуляции, уровень смертности, распространение сиротства среди детей и др.) эти области уже длительное время относятся к таким, где ситуация наиболее сложная, показатели воспроизводства населения «хуже», чем в среднем по Украине [3]. Демографическая ситуация в областях востока и юга страны имеет много схожих черт, однако при этом Донецкая и Луганская области имеют свою заметную специфику.

Депопуляция и особенности демографического состава населения. Интенсивность депопуляции (превышения уровня смертности над уровнем рождаемости) в Донецкой и Луганской областях значительно больше, чем в среднем по Украине: наиболее высокие среди областей страны масштабы депопуляции городского населения сочетаются с высоким уровнем урбанизации этих территорий.

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

В течение 2010-2013 гг. наивысшие показатели депопуляции в целом наблюдались в «старых» областях страны – Черниговской, Сумской и Полтавской, показатели же по Донецкой и Луганской областям были ниже, чем в вышеуказанных областях, однако по интенсивности депопуляции именно в городских поселениях Донецкая и Луганская области лидировали в Украине все эти годы (табл. 1).

Таблица 1

Естественный прирост (убыль) населения Украины, Донецкой и Луганской областей в 2010-2013 гг. (на 1000 чел.)•

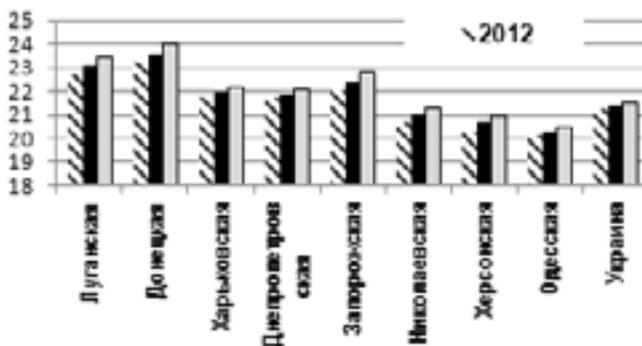
	все население				городское население			
	2010	2011	2012	2013	2010	2011	2012	2013
Украина	- 4,4	-3,5	-3,1	-3,5	-3,3	-2,6	-2,2	-2,7
Донецкая область	-7,3	-6,7	-6,3	-6,5	-7,1	-6,4	-6,1	-6,3
Луганская область	--7,8	-7,0	-6,4	-6,8	-7,4	-6,6	-6,0	-6,4

•Источник: данные Государственной службы статистики Украины

Области Донбасса отличаются и довольно высоким уровнем старения населения: доля лиц в возрасте 60 лет и старше по состоянию на начало 2014г. в Луганской области составила 23,4%, в Донецкой области – 24,0%, тогда как в соседних Днепропетровской и Харьковской областях показатель несколько превысил 22%, а на юге страны был заметно ниже (рис. 2). Постарение населения так или иначе влечет за собой ослабление его адаптационных возможностей, уменьшение способностей к усвоению новых знаний и идей, способствует консервации старых взглядов и представлений [4, 126-127].

Доля детей (0-14 лет) в структуре населения областей восточного региона Украины колебалась в пределах 12-14%. В Луганской и Донецкой областях на начало 2014 г. самые низкие значения этого показателя – 12,6% и 12,8% соответственно. В структуре населения Луганской и Донецкой областей доля лиц в возрасте 15-34 года составляет около 27% (в среднем по Украине – 28,1%). Соседняя с ними Харьковская область выделяется более высоким показателем – 28,6% (на начало 2014 г.). Четко прослеживается тенденция к постепенному сокращению доли молодежи в структуре населения исследуемых областей (в частности, на начало 2012 г. этот показатель в восточном регионе был на 1 п.п. выше, чем на начало 2014 г.).

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Источник: данные Госстата Украины и расчеты по ним

Рис. 2. Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в составе населения отдельных областей Украины в 2012–2014 гг. (на начало года, %)

Подобная тенденция имеет место и в отношении лиц трудоспособного возраста (16–59 лет), доля которых в составе населения Донецкой и Луганской областей теперь составляет 62,4% и 63,2% соответственно (в среднем по стране – 62,7%).

Одной из современных демоэкономических тенденций в регионе является рост демографической нагрузки на трудоспособный контингент. При этом сравнение двух соседних областей – Донецкой и Днепропетровской – показывает, что при почти одинаковой общей нагрузке, в Донецкой области нагрузка лицами именно послетрудоспособного возраста заметно больше, чем в Днепропетровской (табл.2).

Таблица 2

Демографическая нагрузка в восточных областях Украины в 2012 и 2014 гг. (на 1000 чел. в возрасте 16-59 лет)

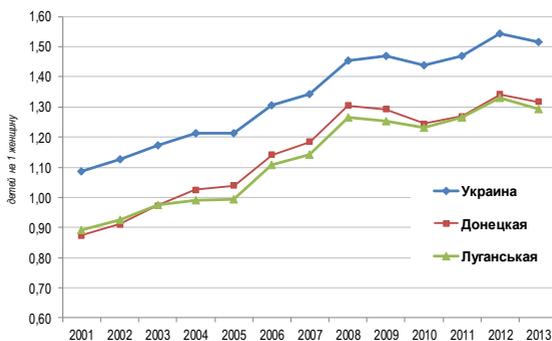
	2012			2014		
	0-15 лет	60 лет и старше	общая нагрузка	0-15 лет	60 лет и старше	общая нагрузка
Донецкая	209	366	575	219	385	603
Луганская	201	353	554	211	370	581
Запорожская	222	346	568	233	364	597
Днепропетровская	232	340	572	244	353	598

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточнoукраинского конфликта

Харьковская	204	334	538	212	346	558
Украина	242	334	576	251	344	595

Источник: данные Госстата Украины и расчеты по ним

Следует отметить также, что сравнение областей восточной части страны с южными (и тем более – западными) свидетельствует в пользу последних, поскольку высокая демографическая нагрузка детьми в них указывает и на больший, по сравнению с востоком, потенциал для демоэкономического развития. Рождаемость. Уровни рождаемости в Донецкой и Луганской областях на протяжении 2002-2013 гг. повышались, и эта тенденция совпадала с общеукраинской и общеевропейской тенденциями. Однако, по сравнению с другими регионами Украины, уровень рождаемости в регионе остается существенно ниже. В Украине за период 2002-2013 гг. суммарный показатель рождаемости увеличился с 1,13 дет. на одну женщину в 2002 г. до 1,51 детей в 2013 г., тогда как в Донецкой области наблюдалось повышение с 0,91 дет. в 2002 г. до 1,32 дет. в 2013 г., а в Луганской – с 0,93 дет. до 1,29 дет. соответственно (рис. 3).

Источник: расчеты по данным Госстата Украины

Рис. 3. Суммарный показатель рождаемости в Украине, в Донецкой и Луганской областях в 2001–2013 гг., детей на 1 женщину

Низкий уровень рождаемости в определенной степени обусловлен высоким уровнем урбанизации Донбасского региона, ведь традиционно более высокой детородной активностью характеризуется сельское население. За период повышения рождаемости изменилась

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

ее структура по очередности рождения, что выразилось в существенном уменьшении доли детей первой очередности и росте удельного веса детей второй и последующих очередностей рождения. В Донецкой области в 2001 г. две трети новорожденных составляли первенцы, а в 2013 г. их было уже 48%; в Луганской области доля первенцев достигала 69%, а в 2013 г. – не более половины всех новорожденных (в среднем по Украине доля первенцев – 47%). Соответственно доля детей второй очередности рождения выросла в Донецкой и Луганской областях почти до 38%.

Следует отметить также, что на Донбассе имеет место повышенная доля рождений вне зарегистрированного брака. Так, удельный вес родившихся у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем количестве рожденных в Донецкой области достигал 26,8%, в Луганской – 26,6%, тогда как среднеукраинский уровень был 22,1%.

Брачно-семейная ситуация. Донецкая и Луганская области относятся к территориям, где наиболее интенсивно происходят процессы трансформации в брачно-семейной сфере, что обостряет соответствующие демографические проблемы. Здесь наблюдаются самые высокие показатели разводимости, наиболее распространены повторные браки, незарегистрированные браки, однодетные и монородительские семьи.

В Донецкой и Луганской областях общий уровень брачности ниже среднего по Украине, вместе с тем доля повторных браков – самая высокая и составляет в настоящее время 30% (для сравнения – в западном регионе этот показатель ниже 18%). Возраст вступления в брак является одним из самых высоких и при этом близким к показателям в Харьковской и Запорожской областях. Регионы Украины отличаются по показателям «прочности брака», причем Донецкая и Луганская области относятся к тем, где частота разводов выше средней по Украине: в 2013 г. она составляла в Донецкой области – 3,9 ‰, Луганской – 3,8 ‰ против 3,6 ‰ – в среднем по стране. В то же время, высокая частота разводов характерна и для ряда других областей: Днепропетровской области – 4,2 ‰, Киевской – 4,2 ‰, Запорожской – 4,0 ‰, Кировоградской – 4,0 ‰. Семьи в Донецкой и Луганской областях небольшие по размеру, в регионе больше, чем в среднем по стране, распространены домохозяйства, в

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

которых проживает один человек, и где проживают только лица в возрасте старше трудоспособного (особенно в Донецкой области). Меньшей является доля семей с детьми и наиболее распространена однодетность (табл. 3).

Таблица 3

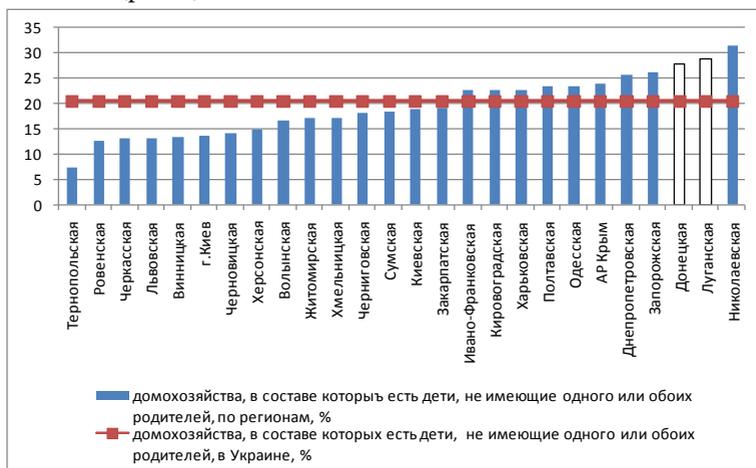
Распределение домохозяйств с детьми по числу детей в их составе по регионам Украины в 2013 г., %

Области	1 ребенок	2 ребенка	3 и более детей
Закарпатская	51,2	43,6	5,2
Ровенская	59,6	27,4	13
Волинская	60,6	31,7	7,7
Житомирская	66,3	31,7	2,0
Львовская	66,4	31,7	1,9
Винницкая	66,7	30,2	3,1
Ивано-Франковская	67,0	29,4	3,6
Херсонская	67,6	28,8	3,6
Киевская	69,9	29,2	0,9
Одесская	72,2	22,5	5,3
АР Крым	72,9	24,6	2,5
Хмельницкая	73,5	24,0	2,5
Тернопольская	74,4	22,4	3,2
Украина	75,6	22,1	2,3
Днепропетровская	76,6	22,2	1,2
Полтавская	77,2	21,0	1,8
Черновицкая	78,4	20,9	0,7
Кировоградская	78,8	16,7	4,5
Николаевская	79,2	19,9	0,9
Харьковская	81,0	18,0	1,0
Запорожская	81,6	17,8	0,6
Черкасская	82,4	16,2	1,4
Сумская	85,9	11,8	2,3
Черниговская	87,0	12,4	0,6
Донецкая	89,7	10,2	0,1
Луганская	96,5	3,5	0,0

Источник: данные выборочного обследования условий жизни домохозяйств Украины и расчеты по ним

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

В Донецкой и Луганской областях в большей степени, чем в других регионах, распространены неполные (монородительские) семьи, которые в современной Украине находятся в зоне риска с точки зрения обеспечения комфортных условий для жизнедеятельности и социализации детей (рис. 4).

Источник: данные выборочного обследования условий жизни домохозяйств Украины и расчеты по ним

Рис. 4. Домохозяйства, в составе которых есть дети, не имеющие одного или обоих родителей, в Украине в 2013 г. (% от всех домохозяйств с детьми).

Исходя из этого, проблемы развития семьи, характерные для современной Украины, в данном регионе стоят более остро, чем во многих других. Смертность и продолжительность жизни населения. Одной из самых выразительных черт демографического кризиса в Украине за весь период ее независимости является особая острота именно медико-демографических проблем, которые свидетельствуют о неудовлетворительном качестве населения (в частности, в ипостаси его здоровья) и одновременно «подпитывают» устойчивые депопуляционные тенденции (из-за высокой смертности). Медико-демографическое неблагополучие результируется прежде всего в высокой преждевременной смертности, особенно мужчин, и слишком низкой, по европейским меркам, продолжительности жизни.

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

Области Донбасса уже традиционно относятся к неблагополучным по состоянию здоровья и продолжительности жизни населения даже на общеукраинском фоне [5, 33-35]. Продолжительность жизни, которая, в конечном итоге, представляет собой обобщающий индикатор результативности не только социально-демографического, но и всего общественно-экономического развития, в данном регионе в последние годы была ниже средней по Украине на один-полтора года (для мужчин) и полгода-год (для женщин). При этом соответствующий разрыв по продолжительности жизни в данных двух областях с регионами, в которых было достигнуто максимальные для нашей страны значения (Тернопольская, Львовская, Черновицкая область, г. Киев) – составлял в среднем 4-4,5 года для мужчин и свыше 3 лет для женщин.

Судя по интенсивности и структуре смертности населения по причинам смерти, сверхсмертность (особенно мужская) на Донбассе обуславливалась преимущественно нездоровым образом жизни и неудовлетворительными условиями труда в регионе. Об этом свидетельствует, в частности, повышенная смертность населения (особенно мужчин) вследствие многих внешних причин, в т.ч. от случайных алкогольных отравлений, самоубийств, падений, нападений с целью убийства, нанесения повреждений и с неопределенными намерениями и т.п. Стоит отметить, что смертность в результате внешних причин и ее вклад в общий уровень смертности населения Донецкой и Луганской областей превышали не только соответствующие среднеукраинские показатели, но таковые для соседних восточных регионов страны – Запорожской и Харьковской областей.

Структура смертности населения Донецкой и Луганской областей отличается повышенным вкладом не только внешних причин, но и болезней органов пищеварения в общее число смертей. При этом, например, смертность от алкогольной болезни печени в Луганской области в 2013 г. была в 3,5 раза выше, чем в среднем по Украине. В регионе имеются и некоторые другие особенности смертности по социально значимым причинам. Так, например, смертность от СПИДа в Донецкой области в последние годы была вдвое выше, чем средний

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

показатель в Украине.

В целом же медико-демографическое неблагополучие Донбасса определяется именно повышенной преждевременной смертностью (в частности, доля умерших в возрасте до 65 лет в регионе в среднем на 3 процентных пункта превышает среднеукраинскую) и значительной долей смертей от причин, которые можно предотвратить.

Показательно, что среди индикаторов, служащих для сравнительной оценки человеческого развития в регионах Украины¹, худшими позиции Донбасса являются, наряду с показателями демографического блока (последнее, 25 место в рейтинге – Донецкой области и 20-е Луганской), также по блокам социальных показателей, характеризующих «Комфортность жизни» (25 позиция Донецкой области) и «Социальная среда» (23 место Луганской области по состоянию на 2013 г.). Так, крайне неблагоприятная социальная среда в Луганской области сформировалась, прежде всего, за счет высокой преступности, ее также формирует высокая заболеваемость туберкулезом и алкоголизмом. Донецкая область, несмотря на довольно высокие показатели доходов и потребления, отставала по комфортности проживания в аспекте уровня оборудования жилья базовыми удобствами, а также и вследствие неблагоприятного состояния окружающей среды.

В целом же заметное отставание Донецкой и Луганской областей по многим показателям человеческого развития от ряда областей с существенно более низким уровнем развития экономического уже давно не только демонстрировало социально-экономическую специфику Донбасса, но и «сигнализировало» о накоплении в регионе острых социальных проблем [7]. Поэтому есть определенные основания считать, что социально-демографическое неблагополучие в Донбассе, на фоне действия комплекса неблагоприятных социально-политических, экономических, социально-психологических и других факторов (прежде всего внешнего характера) стало одной из составляющих того базиса, на котором вспыхнул острый общественно-политический конфликт в регионе. При этом последствия конфликта, который еще не завершился, для экономическо-

¹ Методику расчетов, перечень показателей и результаты мониторинга см.: <http://www.idss.org.ua/#> или [6]

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

го и социально-демографического развития, вероятно, будут сложными и длительными, в частности, в аспекте деструктивных изменений в составе населения и существенного углубления демографического кризиса, расширения поля социальной эксклюзии, обнищания населения и т.п.

К сожалению можно ожидать усиления депопуляционных тенденций (вплоть до обезлюдения отдельных территорий региона) и общего сокращения численности населения Донбасса вследствие: увеличения числа насильственных смертей как среди непосредственных участников конфликта, так и среди мирного населения, повышения смертности от болезней системы кровообращения, нервной системы и других заболеваний (в т.ч. и инфекционных) из-за длительного пребывания людей в тяжелой стрессовой ситуации, неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях и при ограниченности возможностей оказания неотложной медицинской помощи в регионе в результате боевых действий; падения рождаемости, обусловленного дестабилизацией социально-экономической и общественно-политической ситуации, формирования неблагоприятных условий для рождения ребенка (угроза физическому выживанию, уменьшение возможностей семей к самообеспечению, разъединение семей и повышение смертности мужчин, разрушение социальной инфраструктуры); массовой вынужденной миграции населения за пределы региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курило І.О. Людський вимір інноваційного розвитку / І.О. Курило // Україна: аспекти праці. – 2005. – №6. – С.46-51.
2. Людський розвиток в Україні: інноваційний вимір: кол. монографія / За ред. Е.М.Лібанової. – К.: ІДСД НАНУ, 2008. – 316 с.
3. Населення України-2004. Регіональні аспекти демографічного розвитку. – К.: ІДСД НАН України, Держкомстат України, 2005. – 342 с.
4. Людський розвиток в Україні: мінімізація соціальних ризиків: кол. монографія / За ред. Е.М.Лібанової. – К.: ІДСД НАНУ, Держстат України, 2010. – 498 с.
5. Шевчук П.Є. Сучасні зрушення у регіональній диференціації смертності та тривалості життя в Україні / П.Є. Шевчук // Демографія та соціальна економіка. – К.: НАН України, Ін-т демографії та соціаль-

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

них досліджень імені М.В. Птухи НАН України, № 2/2007. – С. 24–37.

6. Регіональний людський розвиток: Статистичний бюлетень. – К.: Держстат України, 2014. – 62 с.

7. Либанова Э. Донбасс взбунтовался, испугавшись, что проиграл / Э. Либанова // Электронный ресурс / Режим доступа: <http://nv.ua/opinion/libanova/Donbass-vzbuntovalsya-ispugavshis-chto-proigral-14983.html>.

В статті аналізується соціально-демографічна специфіка Донбасу в контексті осмислення чинників і можливих наслідків східноукраїнського конфлікту. Розкрито специфічні риси демографічного складу, процесів природного руху населення в регіоні, особливості соціальної ситуації, розглянуті основні індикатори людського розвитку в Донецькій і Луганській областях України напередодні конфлікту, а також деякі його соціально-демографічні наслідки.

Ключові слова: соціально-демографічна ситуація, регіональний людський розвиток, депопуляція, передчасна смертність, чинники і демографічні наслідки конфлікту.

The social and demographic specifics of Donbas region are analyzed in the context of understanding of the factors and possible consequences of the East Ukraine conflict. The article reveals distinctive features of the demographic composition, processes of population natural movement in this region, specific of the social situation, the basic human development indicators in the Donetsk and Lugansk regions of Ukraine on the eve of the conflict, as well as some of its social and demographic consequences.

Keywords: social and demographic situation, a regional human development, depopulation, premature mortality, demographic factors and consequences of the conflict.

REFERENCES

1. Kurylo I. O. (2005), The human dimension of innovation, Ukraine:aspekty pratsi, 6, pp. 46–51 (ukr).
2. Libanova Ye. (Ed.) (2008), Human Development in Ukraine: an

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

innovative dimension, Kyiv, 316 p. (ukr).

3. The population of Ukraine in 2004. Regional aspects of demographic development (2005), Kyiv, 342 p. (ukr).

4. Libanova Ye. (Ed.) (2010), Human development in Ukraine: minimizing social risks, Kyiv, 498 p. (ukr).

5. Shevchuk P. Ye. (2007), Modern developments in the regional differentiation of mortality and life expectancy in Ukraine, Demohrafiya ta sotsialna ekonomika, 2, pp. 24–37 (ukr).

6. Regional Human Development: Statistical Bulletin (2014), Kyiv, 62 p. (ukr).

7. Libanova Ye. Donbass revolt, fearing that lost, available at: <http://nv.ua/opinion/libanova/Donbass-vzbuntovalsya-ispugavshis-chto-proigral-14983.htm>. (rus).

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

УДК 338.27

Игорь ГРОЗНЫЙ

доктор экономических наук,

*глава отдела стратегий глобальной адаптации Украинского
института стратегий глобального развития и адаптации,*

Роман ПРОКОПЕНКО

*эксперт Украинского института стратегий глобального
развития и адаптации*

ФИНАСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

В статье рассмотрены результаты российско-украинского конфликта и его влияние на обесценивание национальной валюты, углубление банковского кризиса, невозможность исполнения Государственного бюджета и преодоления энергетического кризиса. Дана оценка и прогноз экономического состояния государства, в зависимости от эффективности действий Правительства в ходе преодоления последствий конфликта. Определены перспективные направления развития экономики Украины и оккупированных территорий в условиях политической нестабильности.

Ключевые слова: экономика, кризис, ожидания, политика.

Нынешняя ситуация в российско-украинских отношениях требует формирования принципиально иных концептуальных, стратегических подходов к сосуществованию, пересмотра системы межгосударственных контактов, осуществления конкретных мер по противодействию экономическому кризису, сопровождающему российско-украинское противостояние. В результате российско-украинского конфликта на востоке Украины возникло множество экономических последствий, обусловленных как ухудшением отношений между странами, так и непосредственно боевыми действиями. Наиболее существенными последствиями являются:

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

- девальвация гривны;
- банковский кризис;
- провал выполнения Государственного бюджета;
- энергетический кризис;

Несмотря на заключение нескольких перемирий на мировом уровне, конфликт продолжается, что, в свою очередь, только усугубляет последствия экономического кризиса.

Цель статьи – определить основные экономические последствия российско-украинского конфликта, дать оценку и прогноз развития экономики страны в условиях политической нестабильности.

Рассмотрим подробнее каждое из выделенных последствий конфликта и его влияние на экономическое положение страны и оккупированных территорий.

Девальвация гривны

В 2014 году гривна в среднегодовом исчислении девальвировала в 1,47 раз или в 1,97 раз по итогам года (рис. 1). Вместе с объективными причинами девальвации гривны, такими как падение экономики и рост кризисных ожиданий, а также общемирового роста курса доллара (за 2014 индекс доллара укрепился на 12,3%, став лидером среди экономически развитых стран), во многом глубина падения курса гривны обусловлена именно действиями НБУ. Объем рефинансирования НБУ составил в 2014 почти 200 млрд. грн., что более чем в 4 раза превышает соответствующий показатель 2013 года. Значительная часть рефинансирования была направлена коммерческими банками на валютном рынке. Рефинансирование часто предоставлялось банкам, которые не имели реальных проблем с ликвидностью. При этом контроль рефинансирования отсутствовал, а меры по администрированию валютного рынка не проводились или запаздывали. Все это стало причиной раскручивания девальвационной спирали.

Кроме основных негативных последствий девальвация позволила получить второстепенные положительные тенденции. Так, произошло снижение дефицита внешнеторгового баланса. Введение сбора с операций по покупке иностранной валюты, девальвация гривны, увеличение таможенных пошлин кроме других задач имели целью снижение объемов импорта и выравнивание внешнеторгового баланса.

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

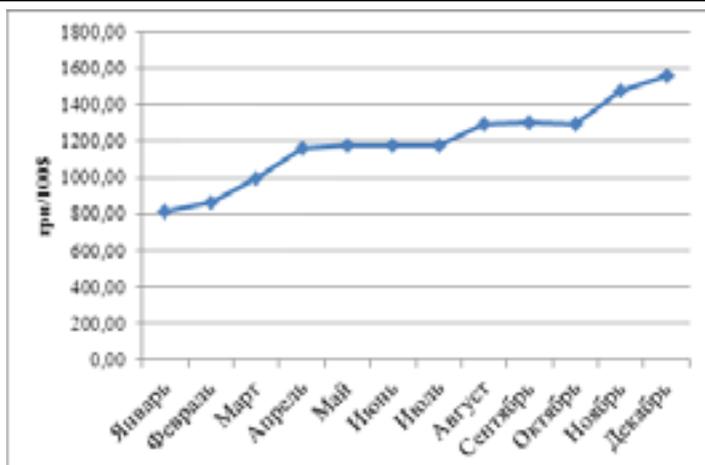

Рис. 1 Динамика курса гривны в 2014 году на межбанковском валютном рынке Украины

Объем импорта в 2014 году снизился на 28%. В результате, украинские предприятия получили возможность импортозамещения – производство ряда товаров в Украине существенно возросло: сахара на 93%, подсолнечного масла на 33%, замороженной свинины на 40%, косметических средств на 40%, пневматических и гидравлических инструментов и аппаратуры на 64%, конвейерных лент на 90%, термостатов на 47% и т.д. Негативным результатом при этом является существенное снижение покупательной способности населения на импортные товары, не имеющие украинских аналогов. Также девальвация гривны совместно с подписанием соглашения об ассоциации с ЕС обеспечили рост экспорта в страны ЕС на 10% или на 1,3 \$ млрд. (по итогам 11 месяцев 2014 года). В то же время, экспорт в страны Таможенного союза упал на 30% или 4,8 \$ млрд., в основном за счет РФ, экспорт в которую сократился на 3,7 \$ млрд. Общее падение экспорта по итогам 11 месяцев 2014 года составило 9,4% или 4,8 \$ млрд. Учитывая девальвацию гривны, есть основания предполагать, что в 2015 году объем украинского экспорта существенно возрастет.

В целом негативные последствия девальвации гривны на данный момент существенно превысили все положительные. Девальвация продолжается, не имея при этом никаких экономических оснований, а

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

раскручивается спекулятивными действиями отдельных банков и экспортеров, а также кризисными ожиданиями.

Банковский кризис

В 2014 году в Украине обанкротились 33 банка и еще десятки оказались в группе риска. Учитывая сложную ситуацию в банковской системе, НБУ расширил основания для введения кураторов для надзора за банками, но сделано это было несколько поздно. Часть банков, которая принадлежит окружению Януковича, – обанкротилась искусственно. Другие оказались ожидаемо неустойчивыми в условиях общеэкономического кризиса. При этом около 14 млрд. грн. потеряли физические лица, которые держали на депозитах более 200 тыс. грн. и сейчас не имеют шансов получить компенсацию из Фонда гарантирования вкладов (табл. 1). Примерно такую же сумму задолжали обанкротившиеся банки юридическим лицам.

В результате финансово-экономического и политического кризисов произошел масштабный отток депозитов. С начала 2014 года объем депозитов уменьшился на 30%, или на 60 млрд. грн., или на 9 млрд \$. Общие активы (по сопоставимому курсу) при этом сократились на 17%, финансовые результаты составили более 30 млрд. грн. ущерба, регулятивный капитал уменьшился на 18% (табл. 2). Одной из главных причин убытков крупные банки считают оккупацию АР Крым.

В условиях падения доверия к банковской системе, диверсионных действий российских банков, девальвации гривны и массового оттока депозитов НБУ поздно осуществлял мероприятия по снижению масштабов оттока капитала. Введение временных администраций в банки из группы риска осуществлялось с большой задержкой или вообще не осуществлялось (например, Дельта-банк, проблемы у которого возникли еще в начале года, в последние месяцы 2014 года прекратил выполнять свои обязательства, однако никаких мер к нему не было принято).

В конце 2014 НБУ утвердил методiku определения системно важных банков, согласно которой в перечень системных попали восемь банков. Деятельность этих банков влияет на стабильность банковской системы. В случае отказа акционеров дополнительно капитализировать эти банки в случае необходимости, государство может их национализировать. Учитывая, что принятое решение о

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Таблица 1

Динамика депозитов домашних хозяйств в 2014 году

	Всего	В национальной валюте		В иностранной валюте*	
		млн. грн.	млн. грн.	млн. грн.	млн. \$
Январь	437 562	256 361	181 200	22 230	
Февраль	449 028	236 818	212 210	24 644	
Март	442 727	224 533	218 194	21 864	
Апрель	440 534	224 483	216 051	18 615	
Май	428 613	218 553	210 060	17 835	
Июнь	427 802	226 227	201 575	17 095	
Июль	425 138	225 060	200 078	17 030	
Август	438 264	220 981	217 283	16 738	
Сентябрь	410 029	212 693	197 336	15 168	
Октябрь	401 548	210 426	191 122	14 786	
Ноябрь	419 473	206 036	213 438	14 466	
Декабрь	418 135	200 859	217 275	13 904	

* В персчете согласно курсу на межбанковском валютном рынке

Украины

Таблица 2

Динамика депозитов нефинансовых корпораций в 2014 году

	Всего	В национальной валюте	В иностранной валюте			
			млн. USD	млн. EUR	млн. RUB	прочие
Январь	186 537	131 170	45 229	8 160	1 853	125
Февраль	197 130	130 705	54 223	9 902	2 108	192
Март	194 056	127 555	53 160	10 851	2 285	204
Апрель	196 364	128 557	54 408	11 125	2 030	244
Май	199 787	131 516	54 963	11 024	2 005	279
Июнь	192 982	124 250	55 683	10 865	1 887	297
Июль	194 761	126 230	55 562	10 821	1 881	268
Август	206 868	131 615	60 946	11 785	2 230	293
Сентябрь	218 295	149 707	55 913	10 654	1 742	279
Октябрь	200 774	131 258	56 934	10 665	1 598	319
Ноябрь	207 927	129 137	64 586	12 160	1 631	412
Декабрь	218 724	136 722	67 121	12 312	2 141	428

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

рекапитализации за счет государственных средств относится только к тем банкам, активы или депозиты которых составляют более 2% от общих по банковской системе, ожидается дальнейшее раскручивание кризиса и массовое банкротство мелких банков.

В целом прогноз развития банковской системы является отрицательным. Учитывая учетную ставку и экономическую нестабильность, пока рынок кредитования может упасть к стагнации. Также ожидается эпидемия невозврата валютных кредитов из-за девальвации гривны и эффект домино при банкротстве юридических лиц и банков. Большинство банков будут нуждаться в дополнительной капитализации от акционеров. Есть значительная вероятность банкротства дочерних российских банков, отток депозитов из которых является самым крупным и которые, скорее всего, не будут докапитализованы владельцами.

Провал выполнения Государственного бюджета

Доходная часть Государственного бюджета Украины в 2014 году была выполнена на 94,48%, общий объем доходов составил 356,95 млрд. грн. при плане, согласно ЗУ №719-VII от 16.01.2014 «О Государственном бюджете Украины на 2014 год» [1], 377,82 млрд. грн. В 2013 году доходная часть также не была выполнена, доходы Государственного бюджета составили 337,79 млрд. грн. при плане 349,58 млрд. грн. [2]. Таким образом, невыполнение доходной части за год увеличилось на 9,08 млрд. грн. или на 2,15 процентных пункта. Сама доходная часть выросла с 349,58 млрд. грн. до 377,82 млрд. грн. (на 8,08%) по плану или с 337,79 млрд. грн. до 356,96 млрд. грн. (на 5,67%) по фактическому исполнению.

В 2014 году дважды осуществлялись изменения доходной части госбюджета (табл. 3).

Сначала доходы были запланированы на уровне 395,303 млрд. грн. (редакция от 16.01.2014). Согласно ЗУ «О внесении изменений в Закон Украины «О Государственном бюджете Украины на 2014 год» № 1165-18 от 27.03.2014 [3] доходы были сокращены до 372,931 млрд. грн. Но потом законом №1622-18 от 31.07.2014 [4] доходы были увеличены до 377,821 млрд. грн. (главный источник этого увеличения – трансферты от правительств зарубежных государств и международных организаций).

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

Таблица 3

Изменения доходной части Госбюджета

Статья	Редакция		
	16 января	27 марта	31 июля
Всего доходов	395,30	372,93	377,82
Налоговые поступления	326,27	299,20	299,59
Налог на прибыль предприятий	49,62	43,10	40,29
Плата за пользование недрами	13,53	15,60	20,38
Налог на добавленную стоимость	177,11	157,91	149,96
Акцизный налог с произведенных в Украине подакцизных товаров	33,41	31,63	31,92
Акцизный налог с ввезенных на таможенную территорию Украины подакцизных товаров (продукции)	11,24	13,01	13,01
Налоги на международную торговлю и внешние операции	16,72	15,71	15,71
Неналоговые поступления	63,43	68,87	69,37
Доходы от собственности и предпринимательской деятельности	31,62	28,14	28,14
Другие поступления	5,23	2,15	2,15
Сборы на обязательное государственное пенсионное страхование с отдельных видов хозяйственных операций	3,70	12,67	12,67
Сбор с операций по покупке иностранной валюты в безналичной и / или наличной форме	0,00	9,10	9,10
От правительств зарубежных стран и международных организаций	1,23	1,23	5,22

Налоговые поступления в результате мартовского пересмотра сократились на 27 млрд. грн., в основном за счет сокращения НДС – на 19,2 млрд. грн. и налога на прибыль предприятий – на 6,52 млрд. грн. Частичное снижение плана налоговых поступлений было компенсировано увеличением плана неналоговых доходов на 5,44 млрд. грн.

Наиболее важной статьей доходной части Государственного бюджета являются налоговые поступления, составляющие 79% всех доходов. План по налоговым поступлениям в 2014 году был невыполнен на 6,48% (на 19,41 млрд. грн.).

Основной статьей налоговых поступлений является налог на добавленную стоимость, который составляет 39,69% всех доходов

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

государственного бюджета. План сборов НДС был увеличен на 10,52% с 135, 680 млрд. грн. в 2013 году до 149,46 млрд. грн. в 2014 году, причем фактический сбор вырос всего на 8,31%. Эта статья доходов не была выполнена в 2014 на 7,29% (на 10,93 млрд. грн.). Несмотря на то, что цены производителей выросли на 31,8%, а потребительские цены – на 21,2%, фактический сбор НДС вырос всего на 8,31% или 10,66 млрд. грн. Причем объем невозмещенного НДС в 2014 году увеличился на 4 млрд. грн., а ряд плательщиков, входящих в реестр автоматического возмещения, были удалены из реестра в ручном режиме. Незначительный прирост сбора, который можно назвать отрицательным, учитывая опережающий рост базы, объясняется неудовлетворительной борьбой с налоговыми ямами. Таким образом, работа Государственной фискальной службы по сбору налога на добавленную стоимость является неудовлетворительной. Среди явных просчетов, приведших к такому результату, необходимо отметить, что в очередной раз отложено введение в действие законодательства о трансфертном ценообразовании.

На втором месте по наполнению Государственного бюджета находится налог на прибыль предприятий, который составляет 10,66% доходов и сборы которого были почти выполнены в 2014 году (невыполнение составило 0,86% или 0,35 млрд. грн.).

Акцизный сбор с произведенных в Украине подакцизных товаров, находится на третьем месте по важности для доходов Государственного бюджета, что обеспечивает 8,45% поступлений. Несмотря на рост акцизных ставок, эта статья доходов не была выполнена в 2014 году на 12,01% или 3,83 млрд. грн. Недовыполнение плана может быть объяснено размещением ряда важнейших ликероводочных, винодельческих и табачных компаний на оккупированных территориях. Сбор акцизного налога с ввезенных в Украину подакцизных товаров, несмотря на не самую крупную часть в доходах (3,44%), позволил улучшить ситуацию по налоговым поступлениям за счет перевыполнения плана на 29,56%. При плане 13,01 млрд. грн. было собрано 16,86 млрд. грн. Такой результат объясняется рядом факторов. Во-первых, были повышены ставки акцизного сбора на импортируемые товары, прежде всего, нефтепродукты. Во-вторых, девальвация гривны позволила соответственно увеличить сбор акцизов, установленных в валюте или в процентах от цены ввозимого товара.

Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

План сбора налогов на международную торговлю и внешние операции (4,16% в структуре доходов госбюджета) не был выполнен, невыполнение составило 19,73% или 3,10 млрд. грн. В 2014 году произошли существенные изменения ключевых факторов данной группы налогов. Прежде всего, на 31,6% снизился импорт в Украину в долларовом исчислении. Также были отменены пошлины на ввоз в Украину продукции военного назначения. В то же время это снижение было компенсировано в гривневом эквиваленте ростом среднегодового официального курса доллара на 48,55%, а также введением новых таможенных ставок и налогооблагаемых товаров.

План по неналоговым поступлениям в 2014 году был невыполнен на 1,66% (на 1,14 млрд. грн.). Наиболее значимыми среди неналоговых статей доходов являются доходы от собственности и предпринимательской деятельности (7,45% от всех доходов государственного бюджета), собственные поступления бюджетных учреждений (5,62% от всех доходов), другие неналоговые поступления (4,06% от всех доходов) и средства от зарубежных стран и международных организаций (1,38% от всех доходов). Все эти статьи доходов были выполнены или перевыполнены, кроме других налоговых поступлений, недобор по которым составил 18,45% (2,83 млрд. грн.). Это объясняется как традиционно некачественным планированием этой статьи (в 2013 году она также была невыполнена на 25,22%), так и влиянием экономического спада.

В 2014 году план других неналоговых поступлений был увеличен более чем в два раза (с 7,23 до 15,32 млрд. грн.). Это увеличение планировалось осуществить за введение счетов сбора с операций по покупке иностранной валюты (ЗУ от 27.03.2014 № 1166 «О предотвращении финансовой катастрофы и создании предпосылок для экономического роста в Украине» [5]) в размере 9,1 млрд. грн. Однако, учитывая ошибки в планировании объема реализации валюты, план оказался невыполнен, по предварительным данным, на 2 млрд. грн. При планировании предполагалось, что объемы продаж валюты будут на уровне прошлого года, однако ввиду девальвации гривны и дефицита валюты чистая покупка валюты населением в 2014 году составила 2,4 \$ млрд. по сравнению 2,9 \$ млрд. в 2013 году. На межбанке объем продаж валюты снизил-

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

ся в 2,66 раз (с 299,37 \$ млрд. до 112,17 \$ млрд.) при том, что реальный спрос на валюту существенно вырос в результате девальвации гривны и экономического кризиса. Значительная часть спроса была удовлетворена за счет черного рынка. Все это отразилось на выполнении плана сбора других неналоговых доходов. Также поступления от сбора при приобретении права собственности на легковые автомобили, запланированного на уровне 1,36 млрд. грн., не выполнены, несмотря на падение продаж легковых автомобилей на 54% и снижение количества регистраций.

В целом по итогам выполнения доходной части Государственного бюджета Украины на 2014 год и сравнение его с результатами выполнения бюджета 2013 года можно сделать вывод, что Украина столкнулась с рядом новых проблем, обусловивших недовыполнение бюджета. Основными из этих новых проблем были снижение экономической активности и оккупация части территории. Также осталась основная старая проблема Украины – высокая коррупция.

Энергетический кризис

В результате боевых действий остановились или существенно снизили добычу 83 шахты, которые давали 38% от всего объема угледобычи, в результате объем добычи угля в Украине снизился на 22%. В основном, на этих шахтах добывался низкореакционный уголь марок «А» и «Т». Общегоодовое падение добычи угля составило 10,9 млн. тонн, в основном антрацитовых марок. Это негативно отразилось на тепловой энергетике, поскольку из 14 украинских ТЭС 7 работают на антрацитовых марках угля (из них одна находится на оккупированной территории и еще одна, Славянская, требует плановой долгосрочной реконструкции) (рис. 2). Годовой дефицит угля для работы ТЭС составил 3,9 млн. тонн. В результате возникли перебои с энергоснабжением и секторальные отключения.

Однако, необходимо отметить, что кроме объективных причин, энергокризис также имел искусственные причины, что является следствием борьбы олигархических групп. Так, не были использованы возможности компенсации части дефицита электроэнергии за счет АЭС, работающих на данный момент на 70% мощностей. Электроэнергия, вырабатываемая на ТЭС является более дорогой и дотируется за бюд-

Восточнoукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

жета, поэтому владельцам выгоднее за счет различных схем получать дотации. Также было организована информационная компания в СМИ по поводу качества и цены импортируемого угля.

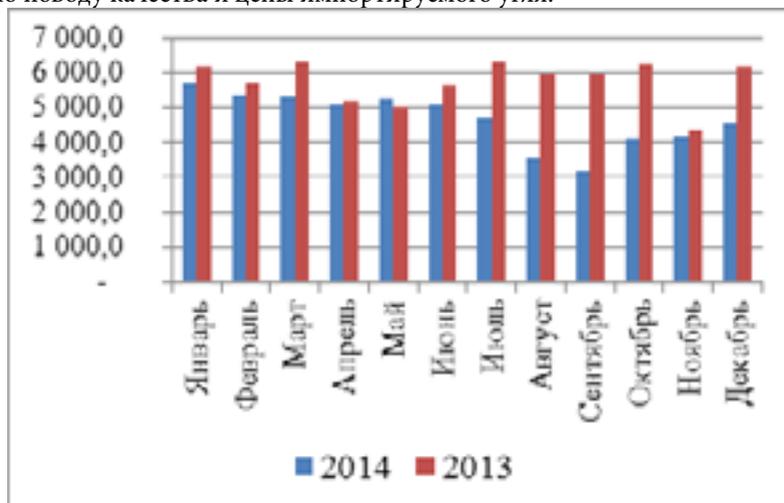

Рис. 2 Использование каменного угля, тыс. тонн

Однако, необходимо отметить, что кроме объективных причин, энергокризис также имел искусственные причины, что является следствием борьбы олигархических групп. Так, не были использованы возможности компенсации части дефицита электроэнергии за счет АЭС, работающих на данный момент на 70% мощностей. Электроэнергия, вырабатываемая на ТЭС является более дорогой и дотируется за бюджета, поэтому владельцам выгоднее за счет различных схем получать дотации. Также было организована информационная компания в СМИ по поводу качества и цены импортируемого угля.

В целом энергетический кризис может быть достаточно легко преодолен. Для этого необходимо в краткосрочной перспективе организовать импорт дефицитных марок угля и обеспечить энергобаланс за счет АЭС. В среднесрочной перспективе необходимо переоборудование ТЭС на уголь газовых марок. Учитывая, что большинство оборудования угольных ТЭС изношено и является неэффективным, вопрос его модернизации был назревшим и без угольного кризиса.

Бытие на грани: особенности социальной и экзистенциальной ситуации в условиях восточноукраинского конфликта

Российско-украинские отношения находятся в критическом непредсказуемом состоянии. Продолжается политико-дипломатическая конфронтация; нарушены базовые соглашения и договоренности; фактически разрушена система институциональных межгосударственных отношений; обостряется экономический кризис, продолжается энергетическое противостояние. В целом, нынешние реалии не дают оснований говорить об изменениях к лучшему в обозримой перспективе. В ходе исследования подробно рассмотрены основные экономические последствия российско-украинского конфликта, который начался с 2014 года и продолжается до сегодняшнего дня. Определено пагубное влияние военного противостояния для населения и экономической жизни страны. Акцентируется внимание на существовании выделенных проблем в течение нескольких десятилетий и их обострение в условиях политической нестабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЗУ «Про Державний бюджет України на 2014 рік» №719-VII від 16.01.2014 // Відомості Верховної Ради. – 2014. – №9. – С. 93.
2. ЗУ «Про Державний бюджет України на 2013 рік» №5515-VI від 06.12.2012 // Відомості Верховної Ради. – 2013. – №5-6. – С. 60.
3. ЗУ «Про внесення змін до Закону України «Про Державний бюджет України на 2014 рік» № 1165-18 від 27.03.2014 // Відомості Верховної Ради. – 2014. – №18-19. – С. 694.
4. ЗУ «Про внесення змін до Закону України «Про Державний бюджет України на 2014 рік» 1622-18 від 31.07.2014 // Відомості Верховної Ради. – 2014. – №35. – С. 1180.
5. ЗУ «Про запобігання фінансовій катастрофі і створенні передумов для економічного зростання в Україні» № 1166-18 від 27.03.2014 // Відомості Верховної Ради. – 2014. – №20-21. – С. 745.

В статті розглянуті наслідки російсько-українського конфлікту та його вплив на знецінення національної валюти, поглиблення банківської кризи, неможливості виконання Державного Бюджету і подолання енергетичної кризи. Дана оцінка та прогноз економічного стану держави в залежності від ефективності дій Уряду протягом подолання на-

Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций

слідків конфлікту. Визначені перспективні напрями розвитку економіки України та окупованих територій в умовах політичної нестабільності.

Ключові слова: економіка, криза, очікування, політика.

The article describes the results of the Russian-Ukrainian conflict and its impact on the depreciation of the national currency, the deepening of the banking crisis, the impossibility of the state budget execution and overcome the energy crisis. The estimation and forecast of economic condition of the state, depending on the effectiveness of the Government in overcoming the consequences of the conflict. Perspective directions of development of economy of Ukraine and the occupied territories in the context of political instability.

Keywords: economy, crisis, expectations, policy.

REFERENCES

1. Law of Ukraine «The State budget of Ukraine on 2014 year» №719-VII from 16.01.2014 (2014), Vidomosti Verkhovnoi Rady, №9, p. 93. (ukr).
2. Law of Ukraine «The State budget of Ukraine on 2013 year» №5515-VI from 06.12.2012 (2013), Vidomosti Verkhovnoi Rady, №5-6, p. 60. (ukr).
3. Law of Ukraine «On amending the Law of Ukraine «The State budget of Ukraine on 2014 year» № 1165-18 from 27.03.2014 (2014), Vidomosti Verkhovnoi Rady, №18-19, p. 694. (ukr).
4. Law of Ukraine «On amending the Law of Ukraine «The State budget of Ukraine on 2014 year» 1622-18 from 31.07.2014 (2014), Vidomosti Verkhovnoi Rady, №35, p. 1180. (ukr).
5. Law of Ukraine «About prevent from financial catastrophe and creation of conditions for economic growth in Ukraine» № 1166-18 from 27.03.2014 (2014), Vidomosti Verkhovnoi Rady, №20-21, p. 745. (ukr).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Компьютерная верстка

И. Каплан

Дизайн обложки

В. Гуржи

Подписано в печать 31.03.15.
Формат 64x90/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman.
Усл. Печат. Лист. 20,25. Тираж 100 шт. Заказ №7401.

Отпечатано с оригиналов заказчика
ФЛП Корзун Д.Ю.
21027, а/я 8825, г. Винница, ул. 600-летия, 21.
Тел.: (0432) 69-67-69, 603-000.